

Г33
574

И.Н. ГЕМУЕВ

А.В. БАУЛО

СВЯТИЛИЩА МАНСИ ВЕРХОВЬЕВ СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РФ
БИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

И.Н. Гемуев, А.В. Бауло

**СВЯТИЛИЩА МАНСИ
ВЕРХОВЬЕВ СЕВЕРНОЙ СОСЬВЫ**

Ответственный редактор
профессор *К.Г. Колтаков*

**Новосибирск
1999**

Утверждено к печати Ученым Советом
Института археологии и этнографии СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проекты 98-01-00367, 99-01-16127.

Иллюстрации выполнены С.А. Шендрик и Ю.В. Табаревой

Г33 **Гемуев И.Н., Бауло А.В.**
Святыни мansi верховьев Северной Сосьвы. - Новосибирск:
Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. - 240 с.

Монография посвящена вопросам религиозно-обрядовой практики мansi. Основное место уделено ранее не описанным в научной литературе домашним, поселковым и региональным святыням. Выявлены механизмы формирования святынь и прослежена их эволюция с учетом влияния на этот процесс русской колонизации, православия, внутренних миграций и межэтнических взаимодействий.

Книга предназначена этнографам, археологам, краеведам.

ISBN 5-7803-0047-X

ВВЕДЕНИЕ

Со времени вхождения в состав Российского государства обские угры - ханты и манси - испытали с его стороны мощное воздействие, которое привело к значительной трансформации традиционной системы хозяйствования и материальной культуры. Сильному натиску была подвергнута и сфера религиозных верований, в результате чего родовые и семейные святилища были перенесены в глубь тайги, а домашние духи-покровители скрыты от глаз посторонних. В такой ситуации многие исследователи XIX - начала XX в. предрекали скорое и полное исчезновение традиционной культуры обских угров, которая, однако, оказалась весьма устойчивой.

В 1986 г. вышла в свет монография И.Н. Гемуева и А.М. Сагадаева "Религия народа манси. Культовые места. XIX - начало XX в.", посвященная результатам работы Приполярного этнографического отряда ИИФФ СО АН СССР, сотрудникам которого удалось посетить ряд святилищ на р. Ляпин. В этой книге исследован важный феномен традиционной культуры манси - святилища. Рассмотрены их функционирование, возможные истоки, реалии культовых мест; предпринята классификация святилищ. Особый раздел посвящен ранним формам религиозной практики обских угров, реконструируемым на основе сравнительного анализа данных археологии и этнографии.

В 1990 г. была опубликована книга И.Н. Гемуева "Мировоззрение манси: Дом и Космос". В ней рассмотрена связь традиционных представлений об устройстве Космоса с культовой атрибутикой жилища древнего сибирского народа, выявлена семантика образов богов и духов, определены наиболее значимые для человеческого бытия персонажи мансийского пантеона. Значительное место уделено взаимодействию митраизма в его угорском варианте с верованиями древних уральцев.

В 1985 - 1997 гг. район экспедиционных работ переместился в верхнее течение Северной Сосьвы. Это позволило, наконец, охватить исследованиями весь бассейн этой важнейшей водной магистрали Нижнего Приобья и Восточного Приуралья. Дополнительным

аргументом в пользу выбора региона стал тот факт, что в верховьях Сосьвы и Лозьвы в разное время работали выдающиеся исследователи уральских народов: в начале XX в. - А. Каннисто, в 1920 - 1930-е гг. - В.Н. Чернецов. Собранные здесь материалы оказались в значительной мере опубликованными лишь после их смерти в виде дневниковых записей или сопровождения к мифологическим текстам [Kannisto, 1958; Источники..., 1987]. В предлагаемой вниманию читателей работе мы сочли важным собрать все сведения воедино и, дополнив ими результаты наших исследований, создать максимально полную картину функционирования и эволюции мансийских святилищ на протяжении XX в.

Книга состоит из двух глав. В первой выполнено описание мансийских святилищ, расположенных в бассейне Северной Сосьвы, начиная от ее истоков в предгорьях Урала и завершая местом впадения в нее р. Ляпин. В каждом случае сначала рассматриваются поселковое или региональное культовые места, а затем - домашние святилища.

Во второй, обобщающей, главе основное внимание уделено вопросам возникновения, эволюции и классификации святилищ, их расположения и планировки; типологии жилищ духов-покровителей, иконографии пантеона, атрибутике, обрядам на культовых местах и т.п.

Монография дополнена сведениями о демографическом составе и изменениях численности жителей верхнесосьвинских селений на протяжении последних двухсот лет. Кроме того, она снабжена рядом приложений, куда вошли записанные нами мансийские предания, былички, сказки; перечень имен известных в верховьях Северной Сосьвы на протяжении XX в. духов-покровителей; статистическая сводка по жертвенным покрывалам; карта населенных пунктов и культовых мест, а также список селений региона с указанием расстояния между ними.

В связи с тем, что данной книгой мы завершаем многолетнюю работу по изучению мансийских святилищ в Сосьвинско-Ляпинском Приобье, нам показалось важным дополнить ее отрывками из экспедиционных дневников. Возможно, читателю будет интересно узнать подробности полевой работы этнографов.

Пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность всем проводникам и информаторам, без помощи которых не могла бы появиться эта книга: В.В. Алкадьеву, И.В. Алкадьеву, И.Н. Алкадьеву, В.В. Алкадьевой, И.В. Анемгурову, У.В. Анемгурову, В.В. Вадичупову, В.Н. Вадичупову, А.В. Дунаеву, А.Т. Дунаеву, А.И. Монинову, Н.Г. Номину, Т.И. Номину, В.Н. Остерову, В.А. Пуксикову, Н.А. Пуксикову, В.П. Саловарову, А.Е. Самбиндалову, Д.И. Сам-

биндалову, В.П. Самбиндалову, П.Н. Самбиндалову, Р.П. Самбиндалову, П.С. Таратову, А.К. Таратовой и др. К сожалению, многих из них уже нет в живых.

На протяжении ряда лет содействие работе Приполярного этнографического отряда оказывали главы местных сельских советов Березовского р-на Тюменской обл.: Няксимвольского - М.М. Подосенина, Сосьвинского - А.О. Федотов, а также жители Березова Ф.А. Канев и А.Ф. Канев. Мы выражаем им свою искреннюю признательность.

ГЛАВА I РЕАЛИИ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ

Святылище *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки* на озере Турват

Озеро Турват (*Ялбынь-тур*, *Ялпынг-тур* “Святое озеро”) располагается у восточных склонов Уральских гор. Здесь начинается исток Малой Сосьвы, которая, сливаясь с Большой Сосьвой, превращается в одну из центральных водных магистралей Нижнего Приобья - Северную Сосьву. Появление оз. Ялпынг-тур относится к наиболее ранним событиям в мифологической истории манси и связано с легендой о происхождении земли. Считалось, что Уральские горы находятся на том месте, куда бросил с неба свой пояс с пуговицами верховный бог *Нуми-Торум*. Реки же прокладывали *виткуль виткась**, они прорывали землю. Два *виткуль* рыли Сосьву: *Виткуль эква* пошла по Ляпину, а *Виткуль ойка* - до вершины Сосьвы, где вырыл два озера, на берегу одного из них, Ялпынг-тур, находится священное место *Тайт талях нер ойка*** [Источники..., 1987, с. 152 - 153]. Озеро издавна принадлежало роду Сампильталовых. В обычное время ловля рыбы разрешалась здесь лишь “на котел”, то есть не более чем на дневное пропитание. Массовый лов рыбы мог производиться только в тяжелые голодные годы по решению всего рода [Чернецов, 19476, с. 175].

В 1990 г. нам удалось посетить одно из уникальных уральских святылищ - культовое место *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки*. Озеро Турват в ширину достигает километра, но далеко простирается в длину, так что его правый край уже теряется за тонкой полоской леса. На другой стороне открывается красочная панорама Уральских гор, куда в летний период уходят со своими стадами манси-оленоводы.

Встретивший нас западный берег оказался болотистым, но довольно скоро тропинка стала суше, а лес реже. Примерно через полкилометра ходьбы в центре поляны-вырубки мы увидели первый амбарчик (*ура-сумьях*), но наш проводник продолжал путь. Еще

* Слово *виткась* Б. Мункачи переводил как “водный хозяин”, этим термином обычно обозначался мифический мамонт, способный рогами прорывать землю [Карьялайнен, 1996, с. 27 - 28].

** “Верховьев Сосьвы Старик Гора”.

через тридцать метров показался второй амбарчик, а в двадцати метрах за ним и третий, в котором находились фигуры *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки*. Все три амбарчика выполнены по одной схеме, поэтому мы ограничимся описанием ныне действующего с указанием имеющихся у него отличий (рис. 1, а). Опорой *сумьяха* служил ствол кедра, спиленный на высоте 180 см от земли. К круглому пазу, выполненному в верхней части пня, гвоздями прибито бревно. На его концах вырублены прямоугольные пазы, в которые уложены два поперечных бревнышка. На них установлен амбарчик длиной 126 см, шириной 54 см, высотой 60 см. Боковые стены сбиты из двух досок каждая, причем задние концы нижних досок выполнены со скошенным выступом. Задняя торцевая стена состоит из трех горизонтально установленных досок, соединенных одной поперечиной. Фасадная часть имеет пятиугольное отверстие, прикрытое дверцей с небольшим оконцем. Дверь удерживается тонкой горизонтальной жердочкой, концы которой вставлены в отверстия в боковых стенах амбарчика. Двускатная крыша выполнена из досок, уложенных одна на другую с запасом. Лестницей служит бревно с вырубками в виде ступеней; его приставляют к амбарчику только во время посещения культового места.

К конструктивным особенностям первого, самого раннего по времени установки, амбарчика можно отнести следующие: доски пола, выходящие за границу задней стены, имеют фигурную выем-

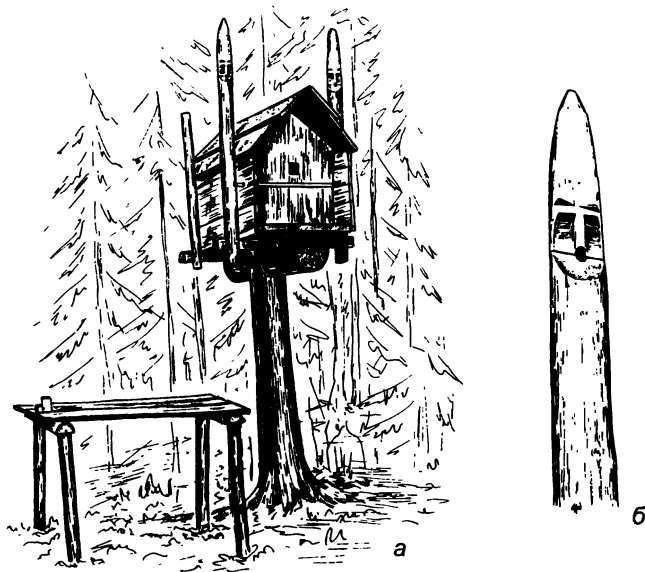

Рис. 1. Культовый амбарчик *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки*.
а - общий вид, б - личина менква.

ку, образованную за счет того, что их концы обрублены навстречу друг другу. Доски крыши заострены с одной стороны, при этом верхние выходят острыми концами на фасад, а нижние - на торцевую сторону амбарчика.

Справа и слева от входа всех *сумьхов* установлены фигуры *менквов** высотой около 110 см. Фигуры закреплены в двух прямоугольных пазах, вырубленных в нижней доске крыши и поперечном бревнышке, на котором расположена основная конструкция. *Менквы* изготовлены из тонких стволов кедра с помощью топора и слегка доработаны ножом. Головы остроконечные, вытянутые. Затылочная часть плоская, боковые прямые. Лобная часть выступает округло. Брови обозначены короткими неглубокими зарубками. Нос прямой, сильно выступающий над плоскостью лица, которое представляет собой сильно углубленную вогнутую поверхность (рис. 1, б).

У задней стенки одного из амбарчиков установлены еще две деревянные фигуры без личин.

Слева от действующего амбарчика на четырех опорах стоит стол размерами 90 x 120 см и высотой 95 см. В пяти метрах от входа в амбарчик находится кострище.

Оказавшись на месте, проводник, прежде всего, развел костер, зажег от него еловую ветку и трижды провел ей круговыми движениями под *сумьхом*. Затем он приставил бревно с зарубками к "крылечку" амбарчика, поднялся по нему и, убрав поперечную жердочку, открыл дверь, состоящую из двух досок, которые затем положил на крышу. Внутри домика у задней стенки "сидели" две фигуры, обе в красно-черных островерхих шапках с кисточками; их тулова образованы несколькими халатами, обернутыми множеством платков светлых тонов. Платки, надетые на шапку, выделяли "лица" духов-покровителей. Фигура *Нер-ойки* (слева) с лицом круглой формы, а *Чохрын-ойки* - вытянутой овальной. Длина фигур около 60 см, диаметр "голов" около 20 см (рис. 2). Помимо фигур в амбарчике были обнаружены свертки из подаренных платков, а перед *Чохрын-ойкой* лежало несколько ножей с деревянными ручками; сразу за дверцей стояли стопки. Проводник налил в них водку и поставил ее духам-покровителям и костру. Затем, смочив еловую веточку в водке, налитой в стопке, махнул ей в сторону открытого входа в *сумьх*, сделав это трижды (стопок было три). *Пумыгов держали - чтобы не болеть. Если болеть начнешь, сюда придешь, угощение сделаешь, боль снимет. Чохрын-ойка - главный хирург.*

Нер-ойку и *Чохрын-ойку* вынимают только раз в семь лет, когда меняют *сумьх*. Происходит это всегда весной, и обычно но-

* *Менкв* - мифическое лесное существо.

вый амбарчик устанавливают неподалеку от предыдущего. К сожалению, место было ограблено еще до войны, и потому никаких ценных прикладов не сохранилось.

Стоявшие по бокам амбарчика деревянные фигуры манси называли *арась-овыл-менкв-ойка* (букв. “края очага *менкв-старик*”) - это сторожа;

Рис. 2. Нер-ойка и Чохрын-ойка.

когда духи-покровители уходят по своим делам, то *менквы* остаются сторожить жилище. Человек, впервые попавший на это святилище, должен был вырезать на дереве изображение *менквы*.

В XIX в., по-видимому, у каждого из указанных персонажей было свое святилище, но располагались они в одном районе. Манси, по сообщению Н.Л. Гондатти, считали, что третий сын *Нуми-Торума* - *Нер ойка* или *Нер торум* - живет на Елбын-нер вблизи Елбын-тур “Священного озера”*, находящегося недалеко от истоков Северной Сосьвы при Малой Сосьве; в каменном доме он проводит время с женой *нер эгвой* и детьми - *нер няурам*. *Нер ойка* является хозяином и покровителем оленьих стад [1888, с. 20]. А. Каннисто писал о том, что на севере верхнего течения Сосьвы есть большое оз. Ялпынг тур “Святое озеро”, которое расположено рядом с горой Ялпынг Нер “Священный Урал”, где и “проживает” дух-покровитель *Нер-ойка* “Старик Урал”. Подниматься на эту гору было запрещено. Люди, пытавшиеся это сделать, погибали. Рыбу на озере могли ловить только мужчины. При этом употреблять ее в пищу разрешалось и женщинам [1958, S. 151].

Нер-ойка считался хозяином восточных склонов Северного Урала в районе верховий Северной Сосьвы и Ляпина; при необходимости ему приносили в жертву белого олененка. По представлениям манси, одежда и обувь *Нер-ойки* были выполнены из белого меха [Ромбандеева, 1993, с. 54, 56].

Одно из преданий рассказывает о том, как *Нер ойка* украл жену у *Тайт котиль ойки* “Среднесосьвинского богатыря” и перевез ее к себе. *Тайт котиль ойка*, не найдя жены дома, пошел ее искать. *Нер-ойка* женщину не отдал, предложив взамен ее оленей.

* В случаях скрытого цитирования названия географических объектов и имена духов-покровителей воспроизводятся в соответствии с источником.

Тот согласился, и с тех пор на Сосьве много диких оленей. *Нер ойка* живет в каменном чуме, а недалеко в чуме поменьше живет его работник [Источники..., 1987, с. 44 - 45].

По сообщению В.Н. Чернецова, *Тахт таях Нер ойка* являлся духом-покровителем Самбиндаловых, проживавших в Турват-пауле, которые, кроме того, поклонялись и родовому *пуньгу* - *Лептит-ойке* [Там же, с. 241]. Изображение *Нер-ойки* раз в три года возили к *Полум-Торуму*, чтобы дать братьям возможность повидаться [Гондатти, 1888, с. 20].

Нер-ойка почитался не только около оз. Турват: в верховьях р. Ляпин известна гора, напоминающая по форме человека, она воспринималась в качестве духа-покровителя селения Шекурья и носила имя *Нер-ойка* [Зенько, 1997, с. 61]. По сведениям П.Е. Шешкина, в доме его деда со стороны матери (ее девичья фамилия Сайнахова) хранилось изображение *Нер-ойки* - покровителя уральских манси, "не разрешавшего раньше исполнять медвежьи пляски" [Соколова, 1983, с. 17].

* * *

Во второй половине XIX в. одно из святилищ на оз. Ялпынг тур было связано с именем популярного персонажа вогульского пантеона *Чохрын-ойки* (*Шохрын ойки*, *Сехрынг ойки*), который, по сведениям К.Д. Носилова, считался покровителем охоты и промысла зверя. На гору Ялбынь-нер никто не смел подниматься под страхом смерти, но когда божество находилось в добром расположении духа, оно сгоняло с вершины горы зверя вниз, давая богатый промысел охотникам. Если зверя было мало, вогулам приходилось приезжать к хранителю священного места и приносить *Чохрын-ойке* кровавые жертвы. Путники, проезжавшие мимо горы, обязательно останавливались, чтобы поклониться местному боже-ству. Бросали кусок мяса, выливали несколько капель водки, а завернутую в бересту серебряную монету клали под ствол дерева. Совсем бедный человек мог вырвать из своей малицы клочок шерсти, чтобы укрепить его на стволе сосны. Через три, семь и двенадцать лет *Чохрын-ойке* приносились общественные жертвы. Со всего края собирались вогулы, остяки и даже самоеды, принося в жертву десятки оленей. Хранитель места одновременно являлся и "казначеем" своего божества, нередко давая в долг нуждающимся соплеменникам деньги или ценные шкурки, хранящиеся в священном амбарчике [Носилов, 1904, с. 79 - 82]. К.Д. Носилов описал случай, произошедший с вогулом Семеном Салбанталовым (речь, видимо, идет о фамилии Самбиндаловых, на протяжении многих лет являвшихся хранителями данного святилища) при уплате им ясака: "Вы-

нув пачку, завернутую в бересто, он подал последнюю писарю... Из бересто посыпалось старое серебро.

- Ты это где взял столько серебра? - закричал на него старшина...

- У шайтана, - прошептал вогул, - ...У *Чохрын-ойки*...

Оказалось, что вогул... не имея денег... сходил просто к шайтану *Чохрын-ойке*..., под наблюдением особого шамана развязал несколько платков, в узлах которых оставляют серебро его поклонники, и взял его на уплату ясака" [Там же, с. 196].

В одну из своих поездок на Север К.Д. Носилу удалось принять участие в церемонии жертвоприношения на святилище *Чохрын-ойки*. Зимним утром несколько вогулов под предводительством хранителя места и, как считал исследователь, шамана старика Сопра погрузили на нарты (их было не менее десяти) чугуны и медные котлы, огромные вилки из железа и дерева, таких же размеров таганы и подвесы и двинулись в путь через оз. Ялбынь-тур к горе Елбынь-нер. Сзади нарт бежали олени, которых собирались принести в жертву. Через две-три версты прибыли на место и привязали животных к нартам. Впереди шел старик Сопра, который время от времени снимал тонкие синие нитки с настороженных острыми стрелами громадных луков. Эти луки полностью окружали кедровый бор, так что попасть на место можно было только по тропинке, известной одному хранителю. В центре поляны стоял на двух опорах деревянный амбарчик с оленьими рогами на крыше. Вогулы трижды упали на колени, обращаясь с молитвами к божеству. По приставленному бревну с затесами вместо ступеней старик Сопра поднялся к дверце и открыл ее. Вогулы с молитвами опять опустили на колени, затем поднялись и стали молча смотреть на идола. Внутри амбарчика находилась фигура *Чохрын-ойки* в мехах, шарфах и опоясках; на ее голову были надеты три островерхие шапки из черного, красного и синего сукна, украшенные медными бубенчиками. Лицо оказалось деревянным, нос был обозначен грубым сучком, глаза - свинцовыми пулями. Вокруг идола стояло с десятков маленьких деревянных крашенных и позолоченных чашек, в одни были положены крендели, в другие - пряники и белый хлеб. По углам лежали десятки сломанных ножей; по стенкам амбарчика были развешаны шкурки бобров, темно-бурых лисиц, соболей, белок и росомех. Фигура духа-покровителя представляла собой деревянный кол с вырезанными на конце лицом и ушами. Руки обозначены палочками, ноги не выделены. Шея идола была обмотана массой шелковых платков, в углах которых были завязаны серебряные екатерининские и более поздние монеты. Халат из соболей также был увешан платками, лоскутами парчи и кусками материи всех цветов. Отовсюду сыпалось серебро, включая монеты разного достоинства и старинные ажурные маленькие ча-

щечки, на дне одной из которых были изображены драконы и какие-то чудовищные птицы и звери, напомнившие К.Д. Носилову искусство Египта и Персии. Старик Сопра подарил исследователю монету достоинством в 20 коп. с изображением Екатерины II, сказав при этом, что отныне всякие зверь и птица обязательно будут попадаться ему на пути.

Жертвоприношение происходило неподалеку от амбарчика. У костров были уже готовы котлы с таявшим снегом. Когда оленей подвели к костру, и за веревку, накинутаю петлей на шею животных, ухватились по два человека, старик Сопра вдруг запел громким голосом. Вогулы также стали кричать, одни из них давили оленей веревками, другие пускали в них стрелы. Туши разделали, мясо очутилось в котлах, а сердце, почки, уши, мозг и печень были положены в чашки. Лакомство облили кровью и понесли *Чохрын-ойке*, впереди с маленькой чашкой шел старик Сопра. Завидев идола, вогулы с криком упали на колени и завывали диким, отчаянным голосом. Старик первым полез по лесенке в амбарчик и поставил перед фигурой чашку, за ним последовали и все остальные, после чего все опять упали на снег, продолжая громкие молитвы. Затем шкуры убитых оленей повесили на жерди, рядом с амбарчиком, старик вновь читал заклинания и взмахивал руками, вогулы то повторяли за ним, то падали и молча лежали на снегу. Вернувшись на жертвенную площадку, вогулы устроили ужин, поедая сварившееся мясо [Там же, с. 86 - 95].

Итак, одним из примечательных духов-покровителей вогулов Северной Сосьвы являлся *Чохрын-ойка* "Старик-нож". Шесть его братьев почитались в ряде других районов: один жил в Тапсуе, второй - на Сосьве в Халпауле, третий - на Оби в юртах Неримовских, четвертый - ниже Березова в юртах Sininskija (?), пятый - в Казыме, шестой - в Турсунт-пауле, седьмой - где-то ниже Обдорска [Kannisto, 1958, S. 149]. Места, связанные с *Чохрын-ойкой*, были известны также в Вежакарах на Оби, на Ляпине и в Нильдино на Северной Сосьве [Соколова, 1971, с. 220]. К.Д. Носиловым и нами было посещено место этого духа-покровителя на оз. Турват. В дневниках В.Н. Чернецова о родственниках *Чохрын-ойки* имеется противоречивая информация. В одном варианте усть-тапсуйский и турватский *Чохрын-ойки* - братья: "старый" живет в устье Тапсуя, младшего - *Тахт нер ойка сали урне хума* "держали" Сампильталовы из Турват-пауля; в другом варианте в Тапыс-сунте находится *Чохрын-ойка* - сын *Тайт талых нер ойки* [Источники..., 1987, с. 151, 241].

Манси полагали, что *Чохрын-ойка* летом живет в виде стрекозы, а зимой в облике человека ходит на лыжах с подволокой из выдры [Там же, с. 191]. В одном из сказаний его внешность описа-

на и таким образом: “Снаружи вошел человек, он весь был покрыт ножами с узким лезвием и в руке у него был посох из чистого серебра, - это был Старик-нож” [Kannisto, 1958, S. 143].

Считалось, что все духи, живущие на земле, платят дань *Мирсусне-хуму*, а собирает ее *Чохрын-ойка* [Источники..., 1987, с. 37]. Из преданий, записанных А. Каннисто, известно еще об одной его “административной” роли: суд духов-покровителей над одним из лесных духов, укравшим у вогула собаку, поручил вынесение приговора *Чохрын-ойке* [1958, S. 144].

Чохрын-ойка был хорошо известен вогулам не только как лекарь, фискальный чиновник и судья, но и как помощник во время разного рода происшествий на воде: “...вогул Лобсинья... на лодке задел за корягу - образовалась щель... Призвав своего покровителя, *Чохрын-ойку* на помощь, бросил ему в воду нож. Течь в лодке остановилась” [Носилов, 1904, с. 7]. По словам одного из информаторов А. Каннисто, если в лодке течь, вокруг ножа наматывают три табачных листа, скрепляют их красной лентой, и затем нож вгоняют в крышку каяка. Позже этот нож с попутчиком посылают хранителю *Чохрын-ойки* [1958, S. 149].

Когда готовили табак, то тоже обращались к *Чохрын-ойке* - человек брал сосуд с табаком в руку, поднимал его вверх и, поворачивая в разные стороны, говорил: “*Чохрын-ойка*, нюхай, нюхай, готовь табака еще больше! Пусть крепким будет так, чтобы, кто ни нюхал, заплакал!” [Ibid., S. 149].

Обращались к *Чохрын-ойке* и в случае, когда олень терялся в лесу. При этом хозяин дома делал на ручке своего узкого ножа три зарубки, чтобы изобразить лицо (глаза и рот) духа-покровителя, а затем оборачивал лезвие и ручку красной лентой таким образом, что оставался видимым лишь кончик острия. Этот нож втыкали в заднюю стену комнаты и оставляли на семь дней, независимо от того, находили оленя или нет. Тогда же можно было пообещать божеству жертвенный платок, деньги, еду или бутылку водки. Сукно и деньги посылали в Усть-Тапсуй к хранителю святилища *Чохрын-ойки*. Жертва приносилась духу-покровителю и у задней стены дома: при этом нож втыкали вертикально в стол, рядом ставили бутылку водки и тарелку с мясом; одновременно просили, чтобы *Чохрын-ойка* привел потерянного оленя домой. Если жертвенного стола не было, то бутылку водки и тарелку с мясом ставили на крышу жилища [Ibid., S. 149 - 150]. Интересно, что в данном случае *Чохрын-ойка*, скорее, выполняет функции *Нер-ойки* - покровителя оленьих стад.

К “Старику-ножу” обращались также с просьбой об удаче в охоте:
Над мысом с высоты озерного лебедя,
над мысом с высоты обского лебедя,

Обворожительный с семью ножами,
принимающий кровавую жертву,
Обворожительный с шестью ножами,
принимающий в жертву пищу!
Одежду свою, продуваемую ветром,
набрось на плечи, одетые в соболи,
шапку свою, продуваемую ветром,
возложи на свою голову с семью косами,
опояшься поясом, промоченным дождями!
Многочисленные твои сыновья, схватившие стрелу, молят тебя,
многочисленные твои сыновья, схватившие лук,
плачут мучительным плачем, обращаясь к тебе.
Твой Верховный дорогой отец
определил тебя быть мощью земли,
твой Верховный дорогой батюшка
определил тебя с твоими семью ножами
принимать кровавую жертву” [Ibid., S. 151].

* * *

Основываясь на вышеприведенных материалах исследователей рубежа XIX - XX вв. (Н.Л. Гондатти, К.Д. Носилова, А. Каннисто), можно предположить, что на протяжении, по крайней мере, XIX в. святилища *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки* находились в разных местах. Происхождение первого из них было связано с культом гор, актуальным для манси-оленеводов, живших по обе стороны Урала; появление второго – с расселением семи братьев *Чохрын-ойки*, упоминаемым в мифах и преданиях. Оба места были широко известны и почитались населением близлежащих *паулей*. Кроме того, *Чохрын-ойке* через три, семь и двенадцать лет приносились общественные жертвы. С уменьшением доли оленеводства в хозяйственной деятельности манси, а также в связи с их дальнейшей миграцией от восточных склонов Уральских гор в сторону Оби культ *Нер-ойки* стал постепенно терять свое былое значение; региональное святилище превратилось в обычное поселковое.

Как уже упоминалось выше, культовое место *Чохрын-ойки* на протяжении XX в. принадлежало представителям фамилии Самбиндаловых, проживающим рядом с оз. Турват, которые приносили духу-покровителю дары, в том числе переданные жителями других *паулей*. С уменьшением общей численности населения в верховьях Северной Сосьвы святилище *Чохрын-ойки* также стало поселковым. Фигуры *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки* оказались рядом, скорее всего, по двум причинам: во-первых, область их покрови-

тельства распространялась на хозяйственную деятельность людей - оленеводство, охоту и промыслы; во-вторых, их могли поместить вместе (недалеко от селения) из прагматических соображений (доступности и простоты обслуживания). При этом необходимо отметить, что фигуру *Нер-ойки* перенесли на место, принадлежавшее *Чохрын-ойке* на протяжении XX в., свидетельством чему является описание, выполненное К.Д. Носиловым, и наши экспедиционные материалы. Изменения атрибутивного характера за прошедшие сто лет свелись к следующему: в конце XIX в. амбарчик стоял на двух опорах, внутри находилась деревянная фигура; в 1990-м г. амбарчик был установлен на одной опоре, внутри “сидели” две фигуры, выполненные из ткани.

Турват-пауль

В 12 км от оз. Турват вниз по Малой Сосьве расположено селение Турват-пауль, в котором в 1990 г. проживали три семьи Самбиндаловых. Дом нашего проводника В.П. Самбиндалова находился чуть ниже по реке, а в самом селении стояли дома его братьев - Дмитрия и Романа. Старый дом, построенный еще отцом Дмитрия Ильича Самбиндалова, в последние годы в качестве жилья практически не использовался, его хозяин ютился в небольшой избушке неподалеку. Уже почти слепой, но радушный и веселый человек, он не отказал нам в просьбе посмотреть обстановку дома. Глухие сени вели в большую комнату: слева у двери - железная печка и стол у окна, у окна справа - большая кровать. Еще одна кровать стояла у задней стены, над ней на высоте 170 см была устроена широкая *пупыг-норма* (“священная” полка, предназначенная для хранения культовой атрибутики) размерами около 180 x 50 см, задернутая ситцевой занавеской. Справа от кровати, на тумбочке, один на другом стояли два закрытых на замки сундука, принадлежавшие В.П. Самбиндалову. В них, по словам брата, он хранил своих *пупыгов* (фигуры духов-покровителей). По сведениям В.Н. Чернецова, один из жителей Турват-пауля имел в качестве *пупыга* круглое металлическое китайское зеркало [Источники..., 1987, с. 201].

На *пупыг-норме* стояли четыре мешка - один из лосиной шкуры и три ситцевых, рядом с ними “сидели” три антропоморфные фигуры и лежал *санквылтап* (струнный музыкальный инструмент) с орнаментированной декой. В кожаном мешке находилась фигура *Евтымс-ойки* (*Юфтымс-ойки*) - духа-покровителя “всех Самбиндаловых” (по словам У.В. Анемгурова, имя *пупыга* связано с названием ручья Евтым-сос или Юфтым-сос, протекающего около Ураль-

ских гор*). Фигура отличается массивностью, ее вес составляет не менее 10 - 12 кг, длина 120 см, размах рук около 140 см, диаметр головы 40 см, высота головы около 50 см (рис. 3). *Евтымс-ойка* одет во множество халатов, верхний из них розового цвета. На голове фигуры островерхая шапка из четырех красно-зеленых клиньев

Рис. 3. *Евтымс-ойка*.

с кисточками в верхней части, обмотанная белыми в цветок платками. *Евтымс-ойка* сидит на шкурах соболей и лисиц, лежащих на дне мешка; вынимать его из мешка не разрешалось. К сожалению, выяснить что-либо о внутреннем вложении фигуры не представлялось возможным, а информатор также не смог ответить на этот вопрос. Смотреть на духа-покровителя разрешалось и женщинам из рода Самбиндаловых (но не в период менструации). Жертвоприношение в честь родового

духа обычно проходило в августе и январе, когда к нему съезжались “все Самбиндаловы”, причем каждая семья привозила своего оленя.

В ситцевых мешках на *пупыг-норме* находились приклады: шкурки лис, соболей, белок, множество платков и жестяная корбочка с медными и серебряными монетами конца XIX - середины XX в.

Три антропоморфные фигуры оказались духами-покровителями самого Д.И. Самбиндалова, которые перешли к нему по наследству от отца (рис. 4). Во время “родового” жертвоприношения их ставят рядом с изображением *Евтымс-ойки*. Фигура первого *пупыга* - *Али-хума* “Верховского, южного человека” (один из эпитетов *Мир-сусне-хума*) одета в несколько рубашек (верхняя розового цвета) и подпоясана красным кушаком. Высокая голова конической формы обвязана белым в цветок платком. Второй *пупыг* - *Луи-хум* “Низовой стороны человек” одет в зеленый халат, поверх которого наброшена накидка, выполненная из широкого куска ткани бордового цвета. Высокая островерхая голова обмотана красно-белым

* Б. Мункачи упоминал духа-покровителя по имени *Ютим-сос ялтын отыр-пыг* “Сына священного богатыря с ручья Ютим” [Munkácsi, 1910 - 1921].

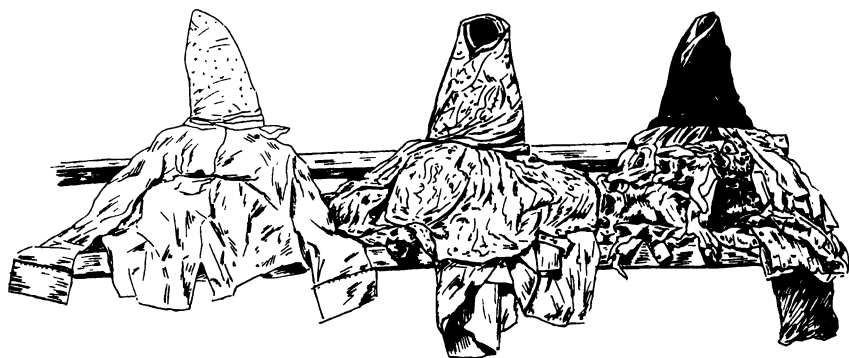

Рис. 4. Али-хум, Луи-хум и Остлип-урне-отыр.

платком. Считается, что *Луи-хум* избавляет от болезни, если ему поклоняться и приносить подарки. Возможно, это связано с тем, что он относится к духам Нижнего мира, ведающим болезнями и смертью людей. Третий *пупыг* - *Остлип-урне-отыр* одет в шелковый халат ярко-зеленого цвета (*ярмак-сахи*), подвязанный кушаком из разноцветных платков. Высокая голова конической формы обмотана черным платком. Длина фигур духов-покровителей составляет около 80 см, высота голов около 40 см, диаметр нижней части головы около 35 см.

Снаружи дома, в правой части задней стены на высоте 1,5 м от земли была прибита полочка, на которой стоял чемодан со сломанными замками и потому приоткрытый, внутри него находились три небольшие антропоморфные фигуры, выполненные из светлой хлопчатобумажной ткани, уже подгнившей от сырости. Их длина не превышала 30 см.

“Голова” первой фигуры представляла собой узел платка, внутри которого были завязаны два серебряных рубля выпуска 1898 и 1924 гг. “Лицо” *пупыга* было настолько пропитано кровью, что ее засохшие остатки покрывали лицевую сторону одной из монет; это, безусловно, говорит о том, что *пупыга* “угощали” кровью жертвенного животного.

“Голова” второго *пупыга* представляла собой узел из нескольких платков, в котором находилась серебряная фигурка гуся работы русского мастера второй половины XIX в. (рис. 5, а). Фигурка высотой 7 см и длиной 9,2 см литая, полая, состоит из двух легко разъединяемых частей. Лапы и хвост птицы цельные, припаяны к туловищу. Работа отличается изяществом - мастер-гравёр тщательно изобразил различных размеров перья, рельефные крылья, проработаны лапки гуся, глаза и клюв. На спине выбиты клейма с номером пробы (84) и инициалами мастера (по-видимому, это буквы “в” и “ч”).

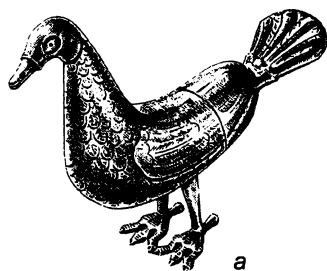

Рис. 5. Вложения в "головы"
духов-покровителей.
а - серебряная фигурка гуся,
б - бронзовый всадник.

Внутри "головы" третьего *пупыга*, также обозначенной узлом из нескольких платков, находилась бронзовая фигурка всадника - образец уральского средневекового литья (рис. 5, б). Размеры фигурки 5,5 x 5 см. Всадник сидит на коне боком, лицом и ногами к зрителю. Лево́й рукой он держит узду коня, показанную цепочкой круглых, рельефно переданных бугорков. Аналогичным способом выполнен головной убор (шлем?), рельефной полоской - пояс. Лицо круглое, глаза и рот широко раскрыты. Фигурка коня расположена на специальной платформе. На изделии имеются следы позднейшей доработки: тщательно выпилены уши коня. Крепление для подвешивания отсутствует. Вторичное использование артефактов (а данная фигурка может быть датирована по ряду аналогичных находок на севере Западной Сибири периодом с IX по XII в.) в культовой атрибутике обских угров неоднократно отмечалось исследователями. По-

добная находка упоминается В.Н. Чернецовым: "...в Нерге один старик поехал однажды с сетками, и в одну сетку попала фигурка человека на лошади из бронзы. Он решил, что это *Вит хон пыг*, взял ее и сделал домашним идолом" [Источники..., 1987, с. 242].

Следует обратить внимание и на левую часть фигурки: на первый взгляд, правая рука всадника лежит на крупе животного. Однако тогда непонятно, почему за четырьмя ногами коня следуют еще две "опоры"? Бронзовая фигурка выполнена достаточно аккуратно, чтобы считать эти детали литейным браком. Вероятно, автор показана убитая лисица, которую охотник везет на крупе коня, тогда элемент, который можно было бы принять за кисть руки, скорее всего, и есть лисья голова. Известно, что существовала традиция изображать *Мир-сусне-хума* на коне, круп которого покрыт лисьей шкурой [Прыткова, 1949, с. 378]. Подобный вариант изображения присутствует и на многих жертвенных покрывалах, о чем пойдет речь ниже. В нашем случае можно говорить о том, что бронзовая фигурка всадника является отражением представлений манси об облике и "экипировке" *Мир-сусне-хума*.

Вторая фигурка могла изображать *Калташ-эку*, птичьей ипостасью которой являлся гусь (в данном случае также выполнявший функцию “головы” духа-покровителя). Заметим, что серебряная фигурка утки находилась в числе вложений, составлявших сердцевину изображения *Калташ-эку* в одном из домов Хурумпауля [Гемуев, 1990, с. 48]. Гусь был и одним из образов Небесного всадника, но наличие в одном комплексе сразу двух изображений *Мирсусне-хума*, безусловно, исключается.

Изображения гуся вообще были популярны у жителей Турват-пауля: В.Н. Чернецовым здесь была зарисована берестяная табакерка, лицевая сторона которой украшена несколькими фигурками гусей [Источники..., 1987, с. 182].

Таким образом, культовая атрибутика, хранившаяся в доме, включала фигуру родового духа-покровителя (“всех Самбиндаловых”), изображения семейных *путьгов*, перешедшие по наследству к Д.И. Самбиндалову от его отца (находящиеся как внутри дома, так и на *путьг-норме*, установленной на наружной стене), и атрибутику, принадлежащую его брату, В.П. Самбиндалову, с которой нам не удалось ознакомиться. Фактически уже нежилой дом был превращен в место хранения изображений богов и духов-покровителей разного ранга. Следует отметить, что формирование самих фигур происходило достаточно традиционно: сердцевины двух из них составляли металлические изображения божеств в той или иной ипостаси, остальные фигуры внутренних вложений не имели. Материалом для придания фигурам антропоморфной формы послужили суконные приклады, халаты и рубашки.

Яны-пауль

Селение Яны-пауль (юрты Искарские, Искарский городок) располагается в 25 км от Няксимволя вверх по Северной Сосьве. В настоящее время здесь проживают в основном манси Самбиндаловы (Сампильталовы), которых В.Н. Чернецов относил к фратрии *Пор* [Чернецов, 19476, с. 172]. Данная фамилия в варианте Шемпенталовы зафиксирована в селении IV-ой ревизией 1783 г. (одно хозяйство, объединявшее 10 мужчин и 8 женщин). По данным VII-ой ревизии 1816 г., Шемпенталовы были объединены уже в 6 хозяйств (27 мужчин и 17 женщин), а в 1858 г. - в 12 хозяйств (40 мужчин и 27 женщин) [Перевалова, 1997, с. 328]. Селение Яны-пауль в конце XIX в. было самым крупным среди населенных пунктов бассейна Северной Сосьвы: оно насчитывало 36 хозяйств (193 чел.; из них манси - 181 чел.) [Патканов, 1911, с. 39].

Святылище *Лепла-тит-ойки* (*Леп-тит-ойки, Лепла-сунт-ойки*)

В 1935 г. В.Н. Чернецову удалось посетить местное святилище *Лепла-тит-ойки* (*Леп-тит-ойки*), находившееся на левом берегу Леплы, впадающей в Северную Сосьву с правой стороны.

Рядом с тропинкой, ведущей к капищу, стояли два кедра, на стволах которых были вырезаны лица *арас ватат урне менквов* (*арась* “очаг, костер”; *вата* “край, около”), густо замазанные кровью и жиром. Немного дальше на двух кедрах были вырезаны лица *ленх сунт урне менквов* (*ленх* “дорога”; *сунт* “устье, порог”). Неподалеку от устья Леплы, рядом с небольшим оз. *Леп-тит-ойка урай* на еловой и кедровой гривне стояли четыре *сумьяха*; вокруг них находились столбики от множества уже упавших домиков, которых, по информации проводника, ранее насчитывалось тридцать. Новые амбарчики ставили через каждые пять лет. Сооружали их на двух опорах; боковые стенки собирали угловыми вертикальными столбиками с прорезом, верхушки столбиков выполняли в виде антропоморфных личин. Этих идолов называли *ави сунт уеры менкв* (*ави сунт* “порог двери”). Над князевой слегой двускатной дощатой крыши был положен вытесанный в виде корыта на два ската охлупень, передний конец которого имел форму лошадиной головы. В одном из старых амбарчиков хранилась жертвенная посуда и утварь, три подноса, несколько мисок, топоры, которыми рубили дрова, и специальный топор для разрубания лосиных голов. Еще в одном *сумьяхе* находились идолы. Но самого *Леп-тит-ойку* (деревянного идола с золотыми глазами) В.Н. Чернецову увидеть не удалось, не было и его меча, а также фигуры лося (тотема Сампильталовых) - *Тав хуритэ* (*Тав ялны хуритэ*), отлитой, по словам проводника, из свинца, с золотыми глазами и серебряной монетой, вставленной в живот. Рассказывали, что *пуныг* имел такую тяжелую саблю, что ее могли поднять только три человека.

В одном из *сумьяхов* находился *Леп-тит ойка пыг* (сын *Леп-тит-ойки*) - небольшой деревянный идол с серебряными глазами, одетый во множество халатов и несколько островерхих суконных шапок. Рядом с ним лежал *Щах ойка* (*Сак ойка*) “Старик-молот” - бронзовый боевой молоток начала XVII в. с железным клювом, завернутый в многослойную одежду. Передний конец клевца изображал львиную голову, держащую в пасти железное острие. “Старик-молот” считался другом и помощником родового предка жителей Яны-пауля - лося, с которым они воевали против богатырей фратрии *Мось*. Кроме того, в амбарчике хранились стрела и одежды, сшитые из цветных ситцев [Чернецов, 1947а, с. 122; Источники..., 1987, с. 200 - 202].

Согласно записи в дневнике В.Н. Чернецова, один из Куриковых (жителей селения) во время камлания призывал своего “шаманского” духа *Сак ойку* [Источники..., 1987, с. 241]. Таким образом, на поселковом святилище оказались одновременно духи-покровители двух основных фамилий Яны-пауля - Самбиндаловых и Куриковых, причем покровитель последних занимал явно подчиненное место.

По информации В.Н. Чернецова, *Леп-тит-ойка* являлся духом-покровителем всех *Кос-я махум* “людей с реки Кос-я”. В основном это были Сампильталовы; или же мужчины, женившиеся на женщинах *Кос-я* и поселившихся среди *Кос-я махум* [Там же, с. 240].

Леп-тит-ойка относится к группе духов-покровителей манси, проживающих в верховьях Лозьвы и Северной Сосьвы. По сведениям А. Каннисто, вогулы верхней Лозьвы почитали пару духов-покровителей “седых старца и старуху”, обитающих в *вит ялтынг* “водном святилище” в устье р. Вижай; у них было три сына, помогавших людям при болезнях, в рыбной ловле и на охоте. Старшего звали *Якотиль-ойка* “Середины реки мужчина”, его фигура хранилась в селении Сав-пауль (дер. Гавружина). Средним братом был *Леплатит-ойка* “Мужчина с устья реки Лепла”, живший выше Яны-пауля, где вогулы платили подати. В Яны-пауле жил хранитель этого духа. В определенные годы фигуру *Леплатит-ойки* доставляли зимой в Сав-пауль к местному хранителю жертвенного амбарчика. Он, в свою очередь, в новой лодке весной вез идола к родителям в “водное святилище”; туда же везли *тир-йив* “дерево, на которое подвешивается жертва”, срубленное заранее, ибо на территории святилища деревья валить не полагалось. Здесь *Леплатит-ойку* сажали в берестяное лукошко и приносили ему в жертву пищу. Женщины на это место не допускались. Осенью его полагалось отправить назад в Яны-пауль, но перед этим совершалось жертвоприношение коня или оленя.

Младший из братьев - *Луссм-талях-ойка* “Мужчина с верхнего течения Лозьвы” имел священный амбарчик с собственным хранителем в верховьях упомянутой реки.

В случае смерти кого-либо из членов семьи хранителя изображения *Якотиль-ойки* все три фигуры духов-братьев доставляли в *вит ялтынг*, где их хранили некоторое время; после принесения кровавой жертвы фигуры духов-покровителей возвращали в места их постоянного пребывания.

По данным А. Каннисто, все три брата относились к категории лесных духов - *менквоов*; в другом месте исследователь назвал братьев “духами водной святыни”. Вогулы верили в то, что братья - сильные лесные духи с железной или каменной шкурой; у них на

службе находятся другие лесные духи, которых они посылают для выполнения того или иного задания; перед жилищем братьев по обе стороны двери стоят *менквы* [1958, S. 156 - 157, 218] - в последнем случае, как мы помним, речь идет о вертикальных стойках амбарчика *Лепла-тит-ойки*, верхние части которых выполнены в виде личин.

По сведениям В.Н. Чернецова, отцом братьев (в этой редакции их двое) был *Вит-ялпын-торум* "Бог священной воды", обитавший в устье р. Вижай (Ялпынг-я), правобережного притока Лозьвы. Старший сын, *Сав-пауль-ойка*, считавшийся предком рода Елесиных, виделся людям в образе лося. В селении хранилось его изображение - небольшая фигурка лося, отлитая из олова. *Леп-тит-ойка*, предок рода Сампильталовых, живущих в верховьях Северной Сосьвы, по преданиям, некогда переселился с Лозьвы в устье Леплы, от которой и получил свое имя. *Леп-тит-ойка* тоже лось и, подобно своему брату, был представлен небольшой оловянной фигуркой. Елесины и Сампильталовы считали свои "роды" (семейно-родственные группы) братскими, что выражалось в употреблении ими соответствующих терминов родства. Человек из "рода" Сампильталовых называл человека одного с ним поколения из "рода" Елесиных "старшим братом", а человека старшего поколения "дедом", "старшим братом отца" или "отцом отца". Обе фамилии принадлежали к фратрии *Пор* [Чернецов, 1939, с. 25 - 26].

Леп-тит-ойка входил в состав духов-покровителей, которых традиционно показывали на драматических представлениях медвежьего праздника. Человек, изображавший *Леп-тит-ойку*, являлся в помещении, опираясь на два посоха, один из которых был изготовлен из ели, а второй - из лиственницы [Источники..., 1987, с. 201].

В конце XIX в. известный венгерский исследователь Б. Мункачи записал в Яны-пауле заклинание *Вит-ялпынгу*, отцу *Лепла-тит-ойки*:

Тебя, чьи песчаные берега - семь песчаных берегов,
чьи изгибы реки - семь изгибов реки,
заклинал батюшка твой, *Нуми-Торум*,
с помощью семи серебряных отверстий в крыше,
он, батюшка твой, наложил на тебя заклятие,
им, батюшкой твоим, *Нуми-Торумом*, был ты заколдован
с помощью входа семи его золотых отверстий в крыше,
им, батюшкой твоим, был ты заколдован
с помощью семи бурных водоворотов, волны вздымающих.
Сказывают, что живут там **семь духов**,
чья грудь из железа кована.
Сказывают, что живут там **два седоволосых**,

**из серебряной воды водоворота
поднимаются они на поверхность!**

**Я, добрый сын твоего благородного человека,
[и эти] родственники [мои] по обеим сторонам,
[эти] люди, стоящие по трем сторонам,
видишь, держа в руках лошадь с гривой,
приближаемся мы к тебе,**

со своей жертвой кровавой лошади, принадлежащей человеку,
приближаемся мы к тебе.

Из огненной области, откуда огонь поднимается,
болезнь поднялась, немощь поднялась.

В старые времена, когда поднималась болезнь оттуда,
не могла болезнь выйти наружу,
когда немощь поднималась - не могла она выйти наружу.

Добрая женщина благородная,
добрый человек благородный,
расчистили жертвенную площадку лесную,
деревьями поросшую,
сбросили они деревья с берегов песчаных,
расчистили они берега песчаные,
травы поросшие" [Munkácsi, 1892, S. 390 - 393].

Следует напомнить, что, по сообщению В.Н. Чернецова, у С. Сампильталова в Яны-пауле в домашнем ящичке хранилось серебряное блюдо с изображением семи человек, завернутое в материю. Хозяин его никому не показывал, даже сыну, который мог увидеть это блюдо лишь после смерти отца [Источники..., 1987, с. 200]. При чтении заклинания создается впечатление, что описание водяных духов было выполнено с фигур, представленных на серебряном блюде - эта часть текста нами выделена жирным шрифтом. Как мы увидим ниже, это не единичный случай - старинное предание трактовало фигуры всадников на блюде из Верхне-Нильдино как изображения воинов *Полум-Торума*.

В 1989 и 1997 гг. нам удалось побывать в селении Яны-пауль. Выяснилось, что святилище *Леп-тит-ойки* продолжает функционировать до сих пор. В послевоенные годы хранителем являлся К.В. Самбиндалов, а сейчас обязанности перешли к его сыну Тимофею Константиновичу. Знакомство с ним нас порадовало и огорчило одновременно. С одной стороны, в его лице мы встретили достаточно образованного по здешним меркам человека, хорошо знающего историю и обычаи своего народа, знакомого, в частности, с некоторыми работами В.Н. Чернецова, опубликованными в кратком и популярном изложении в областной печати. Он один из

немногих, кто старается поддерживать традиционные обряды и верования. С другой стороны, огорчило нас полное и подчас агрессивное неприятие нашей многолетней работы по сбору и сохранению свидетельств уникального культурного наследия манси. К сожалению, попытки получить информацию о святилище и тем более попасть на него, оказались безрезультатными. Следует отметить, что и остальные жители Яны-пауля крайне неохотно говорили на эту тему. Тем не менее удалось узнать, что в лесу, в трех километрах от берега Леплы стоит амбарчик, возле которого развешены шкурки. В последние годы Тимофей несколько раз менял место его расположения. В амбарчике “живет” *Леп-тит-ойка*; в одном из домашних святилищ селения хранятся фигуры его младших братьев. Посещать святилище можно только с Тимофеем Самбиндаловым или его отцом. Перед тем как посетить *Леп-тит-ойку* хранитель должен предупредить всех в селении - до его возвращения нельзя мыть пол, стирать и т.п. Принято ходить туда каждый месяц *ставить богу бутылку*. Женщины остаются на берегу реки и готовят чай. Мужчины уходят к амбарчику, взяв с собой новые платки для подношения духу-покровителю. В угол платка завязывают монетку, зажигают березовую чагу и окуривают платки в этом дыму. *Иначе платок будет не угоден богу, придешь в следующий раз, а он весь в дырах. Водку пьют, суп едят, бога угощают водкой.* В жертву *Леп-тит-ойке* дважды в год приносят оленя или теленка. Если кто-то умирает в семье, то родственники не могут посещать святилище в течение года; это правило не распространяется на хранителя места.

Один из наших информаторов сказал о *Леп-тит-ойке* буквально следующее: *Там живет Евтым-кусай**, он же *Леп-тит-ойка*, он главный бог. Напомним, что имя упомянутого выше духа-покровителя “всех Самбиндаловых” в Турват-пауле - *Евтымс-ойка*. В этом случае *Евтымс-ойка* и *Леп-тит-ойка* (*Евтым-кусай*) могут иметь одно происхождение (с ручья Евтым-сос) и потому являться братьями, которым поклоняются Самбиндаловы. Заметим, что перевод имени *Леп-тит-ойки* в действительности звучит как “Мужчина основания Леплы”. По информации В.Н. Чернецова, в прошлом один из Сампильталовых ходил на Лозьву и привез оттуда этого *путьга*. Таким образом, происхождение имени могло быть связано с первоначальным местонахождением святилища *Леп-тит-ойки* в истоках Леплы, где и находится ручей Евтым-сос. Закрепившись на новом месте, дух-покровитель получил еще одно имя - *Лепла-сунт-ойка* “Старик устья Леплы” (этот вариант зафиксирован Б. Мункачи).

* *Кусай* - хозяин (манс.).

Евтым-сос-отыр-тыг “Сын богатыря с ручья Евтым” был хорошо известен на верхней Лозье, где в случае болезни ему приносили в жертву оленя, т.к. верили, что он уже излечил многих [Kannisto, 1958, S. 260, 299].

Согласно сведениям А. Каннисто и В.Н. Чернецова, *Леп-тит-ойка*, относился к духам-покровителям фратрии *Пор*, о чем свидетельствуют вырезанные личины *менквов* на стволах кедров и стойках амбарчика, а также упоминание в местной легенде о борьбе двух персонажей святилища - *Тав хуритэ* и *Шах ойки* - с богатырями фратрии *Мось*. По-видимому, уже на Лепле произошла антропоморфизация облика духа-покровителя, который ранее представлялся в виде лося, хотя, безусловно, у нас отсутствуют основания для четкого определения “характера взаимоотношений” в одном святилище двух фигур - *Леп-тит-ойки* (деревянного идола) и *Тав хуритэ* (свинцового изображения лося). Возможно, что при переносе фигуры *Леп-тит-ойки* его первоначальное имя - *Евтым-сос* - стало отходить на второй план.

Данное святилище обладает набором достаточно стандартных для обско-угорских культовых мест набором признаков: родственной связью главных персонажей (*Леп-тит-ойка* и сын), использованием в качестве фигур духов-покровителей оружия - в данном случае бронзового боевого клевца, а также практикой периодических встреч братьев-духов (*Леп-тит-ойки* и *Якотиль-ойки*).

Домашние святилища

Домашние фетиши Н.П. Самбиндалова*

С левой стороны задней стены комнаты на высоте около 170 см прибита *пугы-норма* с занавеской. Справа на полке стоит большой сундук, слева лежит большой мешок из лосиной шкуры шерстью наружу; между ними - красный платок с завязанной в углу монетой.

Внутри мешка хранится масса разноцветных ситцевых и хлопчатобумажных платков с завязанными в углах монетами; кроме них - связка из трех шкурок соболя и двух платков, связка из двух соболей и пяти платков, связка из трех соболей и пяти платков, две связки из трех соболей и шести платков, связка из семи соболей и восьми платков, связка из восьми белок и двенадцати платков. А. Каннисто так описал приготовление подобного жертвенного дара: “На Сосье было принято, в случае, когда в качестве жертвы духу-покровителю вывешивается мех лисицы, то “зырянская лента” (красная многопо-

* 1928 г.р.

лосная лента) связывается в узел розочкой, к обоим ушкам ленты привязывается платок, а в уголке - монета; затем ленту протягивают сквозь ноздри лисицы, концы же ее связывают двойным узлом" [1958, S. 306].

На дне мешка находилась связка из семи медных колец и жертвенное покрывало; под ним в свертке из шести последовательно завязанных платков лежал "богатырский" шлем. О традиции на Сосьве жертвовать шапку *Мир-сусне-хуму* упоминал А. Каннисто [Ibid., S. 309].

Покрывало (СМ1)* выполнено из сукна синего и желтого цвета и состоит из семи квадратов, при этом шесть из них размещены в прямоугольном поле в три ряда, а седьмой, меньший по размеру, выступает за край основного поля полотнища, отороченного беличьим мехом (рис. 6, а). Изготовлено покрывало в середине XX в. Его размеры составляют 75 x 60 (70) см. К углам основного поля и к серединам трех сторон на низках белого и синего бисера пришиты медные бубенчики. Голова всадника обозначена ромбом, короткие руки подняты вверх. Фигура коня показана только с двумя ногами.

Оторочка покрывал беличьим мехом не выделяется из общей традиции жертвовать белку духу-покровителю, о чем, в частности, свидетельствовал В.Н. Чернецов: "Очень редко попадают еще

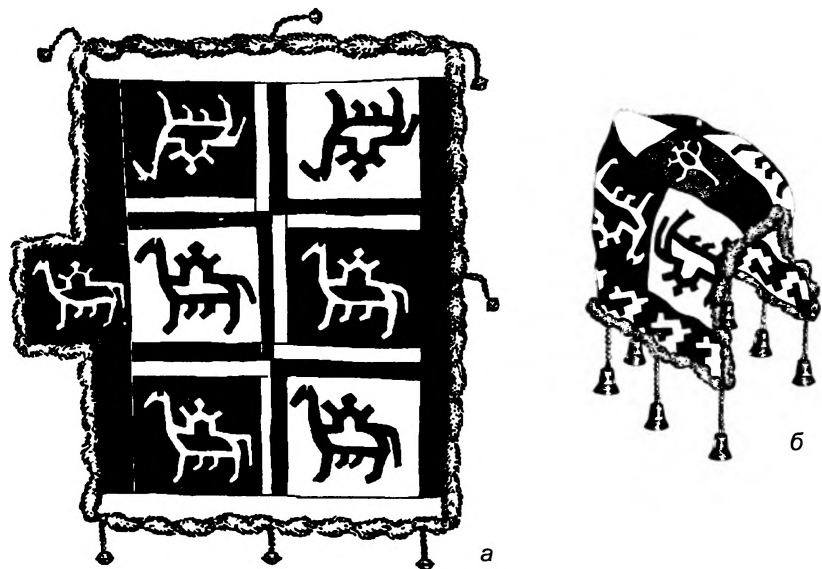

Рис. 6. Жертвенное покрывало СМ1 (а) и "богатырский" шлем СМ2 (б).

* В данной книге при описании жертвенных покрывал и "богатырских" шлемов принята сквозная нумерация, например: СМ1 - Святилища манси, № 1.

пегие белки. Таких белок не продают, а жертвуют *пуныху* (изображению божка)” [Источники..., 1987, с. 147]; особенно ценным подарком *Нильтан-овыл-ойке* (селение Анеево) считались белки с белыми хвостами и белки-альбиносы [Гемуев, 1990, с. 131]. Одним из фольклорных названий Золотого Богатыря было “Царь с данью весенней (осенней) белки”: “Он назначается царем с данью весенней белки, он назначается царем с данью осенней белки” [Мифы..., 1990, с. 125, 516].

“Богатырский” шлем (СМ2) с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна синего и желтого цвета, края оторочены беличьим мехом, нижняя часть украшена орнаментом “сядющий соболю” [Шешкин, Шабалина, 1993, с. 20] (рис. 6, б). Изготовлен шлем в середине XX в., его высота составляет 28 см. К нижнему краю изделия на низках черного и белого бисера пришиты семь медных колокольчиков завода П.Г. Чернигина. Середина верхней части шлема оформлена в виде прямоугольного куска темно-синего сукна, в который вшита фигура гуся из сукна красного цвета, выполненная с овальной вставкой. Суконные квадраты шлема сшиты таким образом, что фигуры всадников оказались перевернутыми вверх ногами. Вряд ли это ошибка: работа выполнена аккуратно, более того, нам известно более десяти изделий (покрывал и шлемов) данной мастерицы и трудно заподозрить ее в незнании канона. Тем не менее, объяснения столь странному положению фигур всадников пока нет. В целом их изображения аналогичны фигурам на предыдущем покрывале; совпадает также цвет сукна покрывала и шлема, создается впечатление, что они были выполнены одновременно. Как мы увидим ниже, покрывала и “богатырские” шлемы приведенного образца одна и та же мастерица шила для жителей Яны-пауля, Халпауля и Няксиволя.

В сундуке, сразу под крышкой, лежали две мужские рубашки и платок; левый и правый угол занимали два антропоморфных изображения духов-покровителей, младших братьев *Лепла-тит-ойки*, которых разделяли связки платков. Обе фигуры лежали на шкурах бобров, что, возможно, было связано с отношением названных братьев к духам водных святилищ (напомним, что отец *Лепла-тит-ойки* - *Вит-ялпын-торум*).

Фигура справа (рис. 7) была одета в черный бархатный халат (с красным подкладом, крупными черными пуговицами, двумя боковыми и одним нагрудным карманами), перевязанный несколькими узкими шерстяными поясами красного и розового цвета фабричного производства; под черным халатом были последовательно надеты: халат голубого цвета, два халата красного цвета, клетчатая и красная рубашки. Длина фигуры 90 см, размах рук 105 см, диа-

Рис. 7. Фигура духа-покровителя.

был выполнен из сукна красного и зеленого цвета и оторочен собольим мехом. Изготовлен в середине XX в. Высота изделия 22 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом “сидящий соболь”, подшиты семь маленьких медных колокольчиков на низках синего и зеленого бисера. В верхней части вшито изображение гуся из сукна красного цвета, выполненное с овальной вставкой. Фигура всадника на коне оформлена аналогично фигурам на вышеописанных в этом доме покрывале и шлеме.

Вторая фигура духа-покровителя была одета в ситцевый халат черного цвета, подпоясана шерстяным сиреневым шнуром, под первым халатом находился еще один - черный в полоску и несколько разноцветных рубашек, голова выполнена из разноцветных платков, верхний из них коричневого цвета. Длина фигуры 78 см, размах рук 84 см, диаметр головы 20 см. Под фигурой *пупыга* на шкуре бобра лежало жертвенное покрывало в окружении нескольких *арсынов* (кусков жертвенной материи) и монет советского времени.

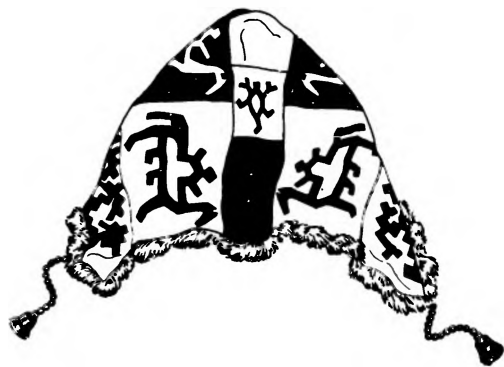

Рис. 8. “Богатырский” шлем (СМЗ).

метр головы, выполненной из нескольких разноцветных платков (верхний - голубой шелковый), 20 см. Под фигурой лежал “богатырский” шлем. Дно сундука было накрыто несколькими лисьими и соболиными шкурами, составлявшими в разные годы первую осеннюю добычу хозяина дома; в отдельном свертке находились монеты конца XIX - начала XX в.

Шлем (СМЗ; рис. 8) с четырьмя фигурами всадников

сделано из сукна красного и черного цвета и оторочено мехом соболя (СМ4; рис. 9, а). Оно было изготовлено на рубеже XIX - XX вв. В работе использовались нити оленьих сухожилий. Размеры

покрывала 71 x 66 см, его углы украшены медными колокольчиками на цепочках. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх, при этом на одной из них сидит “птица”, а второй рукой наездник держит поводья коня.

По форме и характеру имеющих на нем изображений покрывало СМ4 практически тождественно покрывалу, приобретенному в начале XX в. С.И. Руденко в Няксимволе и хранящемуся сегодня в Российском этнографическом музее [Руденко, 1929, с. 32] (рис. 9, б). Совпадение по времени изготовления и бытование их в одном регионе (напомним, что расстояние по реке между Яны-паулем и Няксимволом составляет всего 25 км) позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что оба изделия выполнены одним автором.

Касаясь фигур духов-покровителей, младших братьев *Лепла-тит-ойки*, наши информаторы говорили о том, что *им кланяются каждую новую луну*: на *пугы-норму* ставят бутылку водки и наливают *пугыгам* по стопке за каждого человека, затем совершают поклоны и просят удачи в охоте и рыбной ловле. При этом крышку сундука обязательно поднимают.

Во время забоя скота связки платков и шкурок развешивают на поперечные жерди во дворе дома, где они должны находиться до заката солнца. На закате их прячут обратно в кожаный мешок и сундук. Эти же платки и шкуры вывешивались по стенам избы во время медвежьего праздника.

Когда охотник приходит в охотничью избушку в лесу, то наливает стопку, кланяется и просит об удаче лесных духов, *все как дома делает, только в избушке в лесу ничего не висит, стопку ста-*

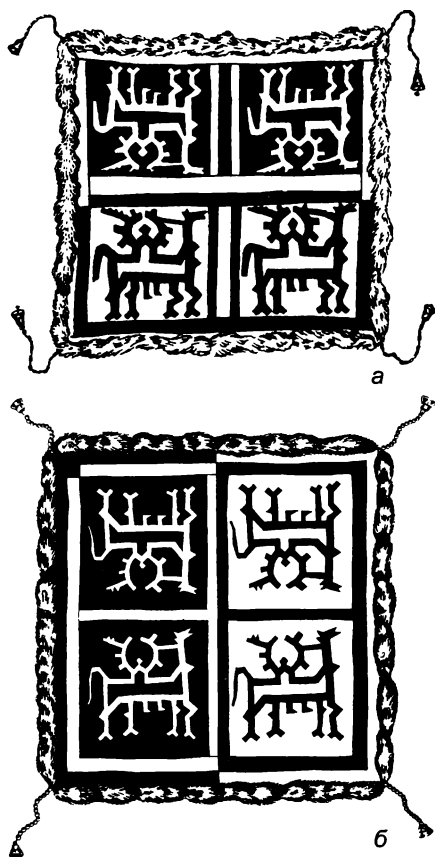

Рис. 9. Жертвенные покрывала.
а - СМ4, б - СМ17.

взяв на подоконник и говорят молитву; стопку человек сам потом выпивает.

Таким образом, комплекс домашних фетишей Н.П. Самбиндалова включает две фигуры *пупыгов* - младших братьев главного персонажа поселкового святилища, два жертвенных покрывала и два "богатырских" шлема, при этом часть атрибутики (обе фигуры и четырехпольный *ялтын-улама*) перешла к хозяину дома от его родителей.

Домашние фетиши А.Е. Самбиндалова*

Жилое помещение состоит из одной комнаты, разделенной двумя перегородками на три части. В дальнем от входа углу вдоль правой стены сооружена *пупыг-норма*. Справа на полке стоит большой сундук, на котором лежит *санквылтап*, сделанный сыном хозяина. Слева находится чемодан, на нем лежит мешок из хлопчатобумажной ткани с *арсынами* и мешок из пыжика. В пыжиковом мешке хранится фигура *Луи-хум-ойки* "Нижней стороны мужчины", голова которого обозначена лыжной шапочкой (рис. 10). Когда А.Е. Самбиндалов достал мешок с *Луи-хум-ойкой*, жена подала ему кусочек чага, который затем зажгли, а в мешок бросили монетку. *На праздник на улицу не выносим. Мешок с Луи-хум-ойкой ставим в доме на стол и развязываем, ставим ему рюмочку.*

В большом сундуке, принадлежавшем, по словам хозяина дома, еще его прадеду, находится фигура *Торм-пупыга* или *Али-хум-ойки* "Верховского мужчины" (*Мир-сусне-хума*), естественно, более важного, чем *Луи-хум-ойка*, персонажа; там же хранятся наконечники стрел и три медных блюда, одно из которых украшено двуглавым орлом. На праздники сундук с полки не снимают, а лишь приподняв его крышку, бросают внутрь монеты. А.Е. Самбиндалов завершает строительство нового дома и собирается перенести в него сундук.

За сундуком лежит сабля длиной 97 см в металлических ножнах, обмотанных коричневым шерстяным шарфом; клинок об-

Рис. 10. Луи-хум-ойка.

* 1932 г.р.

ломан на одну треть. Подобная, польская по происхождению, сабля ранее была обнаружена среди культовой атрибутики в доме П.Е. Шешкина в Ломбовоже [Гемуев, 1990, с. 85].

Ниже *пупыг-нормы* сделана небольшая полочка, на которой в ситцевом мешке лежит *имда* - растянутая на специальном каркасе медвежья шкура, накрытая десятком рубаш. История ее такова: медведя нашли хозяин дома и его сын. *Женщина не должна об этом знать, старуха не должна знать, что мы на медведя пошли. Медведь, как узнает, что человек рядом, худеть начинает, его надо сразу брать, пока толстый. Разделали прямо в лесу, мясо отрезали, голову и лапы не трогали. Сердце на месте оставили. В Яныпауль пошли, не доходя одного километра, пять раз стреляли холостыми патронами. Знают теперь, что тащим. Вечером дядя Костя Самбиндалов уже в маске пришел. Масок мы делали штук шесть и "журавля" делали, с ним заходили. Деревянную лошадь с одним колокольчиком. Шлемы на палку надевали. Стол поставили в угол, где пупыги, постелили шкуру под медведя. Глаза копейками закрыли, а на нос положили берестяной кружок. Это для женщин - чтобы они не смотрели, медведя им трогать нельзя, только поздороваться-попрощаться. Чашка перед ним, женщина зайдет - копейку туда положит. Бутылка рядом стоит. На когти ему кольца надеваем. Это делают мужчины. Сверху шкуры - арсын. Когда плясать начнут, открывают его. Кто плясал - брал со шкуры платок и держал его в руках. По окончании пляски клали платок на шкуру. Перед медведем руки не должны быть голыми. Когда плясали, шапки на голову надевали и ярмак-сахи.*

На наш вопрос, к какой группе манси (*Пор* или *Мось*) он себя относит, А.Е. Самбиндалов ответил так: *Я - Пор-хум, жена - Мощнэ, Аментьева, она из Халпауля. Пор только на Мось мог жениться. Родня чтобы не была.*

Таким образом, домашние фетиши А.Е. Самбиндалова включают две фигуры духов-покровителей - *Али-хум-ойки* и *Луи-хум-ойки* (эта пара аналогична *пупыгам* Д.И. Самбиндалова в Турватпауле), три блюда для *Али-хум-ойки*, а также атрибутику для медвежьего праздника - *имду* и саблю. К сожалению, содержимое сундука осталось для нас неизвестным, но блюда с большой долей уверенности указывают на наличие жертвенных покрывал.

Амбарчик Д.К. Куриковой

Фамилия Курыковых встречается среди жителей Искарских юрт, по крайней мере, уже в 1783 г. [Перевалова, 1997, с. 328]. По данным исповедной росписи метрической книги 1794 г., из 138 жителей селе-

ния 48 чел. (максимальное количество) носили фамилию Куроковых [Соколова, 1983, с. 173]. В связи с этим мнение В.Н. Чернецова о том, что основная часть населения Яны-пауля принадлежала к “роду” *sampil'tal*, и только женитьба манси Курикова в конце XIX в. на одной из женщин этого “рода”, перешедшего при этом в дом невесты отца, привела к основанию здесь ветви Куриковых [1939, с. 27], по-видимому, является ошибочным.

В 1989 г. мы обследовали разрушенный временем амбарчик, находившийся в центре селения и ранее принадлежавший Д.К. Куриковой: строение покосилось, берестяная кровля упала, но на двери все еще висел замок. По сведениям соседей, у старушки не было наследников, и после ее смерти в *сумьях* перенесли часть вещей. Здесь находилось несколько керамических горшков, три ружья и большой сундук старой русской работы, обитый железными полосами. Его неоднократно открывали, и большинство атрибутики сгнило. Тем не менее, состав вещей вызывал интерес. На дне сундука лежали две фигуры духов-покровителей.

Первая из фигур, обнаруженных в амбарчике, длиной около 50 см, была выполнена из множества рубашек и халатов. Вторая фигура вырезана из дерева и одета в несколько истлевших кусков ткани (рис. 11). Ее длина 36 см, максимальная ширина головы 10 см, туловища 8 см, толщина фигуры от 0,5 до 3 см. Лицо *путыга* представляет собой сильно углубленную плоскость, лоб выступает вперед и нависает над лицом. Рот, нос, глаза не обозначены, подбородок, треугольный в сечении, выдвинут вперед; плоскости подбородка и лба параллельны друг другу. Руки выполнены в виде коротких обрубков. Тулово подтреугольной формы стесано таким образом, что впереди образуется “гребень”. На затылочную часть головы было наложено металлическое блюдо диаметром 13 см (рис. 12). В центре его в окружении растительного орнамента изображен двуглавый орел и фигуры двух стоящих львов. Работа выполнена в технике чеканки.

Рис. 11. Фигура духа-покровителя из амбарчика Д.К. Куриковой.

В сундуке также были обнаружены серебряный с позолотой сосуд - солонка русской работы конца XVIII в., две медные ложки, большое количество матерчатых прикладов, несколько истлевших островерхих суконных шапок, два жертвенных покры-

вала, медное блюдо, фрагменты налобной пластины и серебряного блюда.

Жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного в горошек и черного цвета и оторочено беличьим мехом (СМ5; рис. 13, а). Оно было изготовлено предположительно в начале XX в. Его размеры 78 x 80 см. В работе использовались нити оленьих сухожилий. К углам на кожаных ремешках подшиты медные колокольчики. Голова всадника обозначена ромбом, короткие руки подняты вверх. Фигура коня показана с двумя ногами.

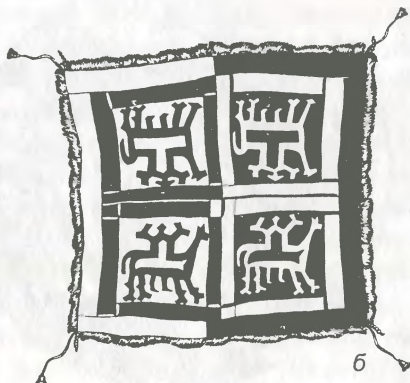

Рис. 12. Блюдо с двуглавым орлом и львами.

Второе покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна оранжевого и зеленого цвета и оторочено беличьим мехом (СМ6; рис. 13, б). Покрывало изготовлено предположительно в начале XX в. Его размеры 82 x 82 см. В работе использовались нити оленьих сухожилий. К углам покрывала на кожаных ремешках пришиты медные колокольчики и низки цветного бисера. Головы всадников первого ряда обозначены ромбами, всадники второго ряда изображены с головными уборами в виде шляп-треуголок. В поднятых вверх руках всадников находятся два предмета, трактуемые обычно как птицы.

а

б

Рис. 13. Жертвенные покрывала.
а - СМ5, б - СМ6.

Медное блюдо (рис. 14) диаметром 9 см изготовлено с использованием штамповки и гравировки. В его центре изображен бегущий олень, а по краю - три фигуры, отделенные одна от другой розетками: две собаки и охотник в длинной шубе, натягивающий лук. Дата изготовления изделия (1832 г.) нанесена точечным штампом. Имеются два отверстия для подвешивания или крепления. Подобного рода блюда неоднократно описаны и опубликованы в литературе [Прыткова, 1949а, с. 44 - 46; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 70; Гемуев, 1990, с. 76].

Фрагмент серебряного налобного украшения, выполненный с использованием штампа и чеканки, представляет собой обломок тонкой пластины прямоугольной формы размерами 4 x 8 см (рис. 15, а), на лицевой стороне которого изображены холмы, два дерева и цветы. В нижней части сохранились три полукруглых фестона с отверстиями для подвесок.

Серебряное блюдо, диаметр которого изначально составлял 11 - 12 см, ныне представляет собой обломок размерами 7 x 10 см (рис. 15, б). Центральной частью блюда являлась розетка диаметром 5,5 см, украшенная растительным орнаментом, который выполнен с помощью штампа и чеканки.

Таким образом, комплекс домашних фетишей Д.К. Куриковой составляли две фигуры духов-покровителей и два жертвенных покрывала, символизировавшие присутствие *Мир-сусне-хума*. Предметы из серебра и меди, шапки и куски ткани являлись прикладами духам-покровителям и *Мир-сусне-хуму*.

Рис. 14. Медное блюдо. 1832 г.

Рис. 15. Фрагменты серебряных изделий.
а - пластины, б - блюда.

На берегу реки стоял заброшенный дом, состоящий из небольших сеней и одной комнаты. Обращала на себя внимание низкая дверь, высота которой от порога составляла 90 см. Берестяная двускатная крыша поддерживалась крюками-курицами, по два с каждой стороны. Концы одной пары крюков были украшены головами зверьков (зайца? соболя?). Подобное изображение на конце крюка, поддерживающего кровлю, было опубликовано В.Н. Чернецовым, который считал, что таким образом обозначалась голова тотема фратрии *Мось* - зайца [1939, с. 31]. Поскольку исследователь неоднократно бывал в Яны-пауле, возможно, речь в данном случае идет об одном и том же изображении. Оформление крюка в виде головы лошади отмечено В.Н. Чернецовым и на верхней Лозье [Источники..., 1987, с. 21].

В правом углу комнаты на *пупыг-норме* стояла небольшая круглая берестяная коробка, внутри которой на куске оленьей шкуры лежала фигурка *иттерма* (изображение умершего), одетая в несколько рубашек и малицу; головой служит серебряная монета.

* * *

В разговорах с информаторами в Яны-пауле мы слышали упоминание о *Полум-Торуме*, видном персонаже мансийского пантеона, одном из сыновей верховного бога *Нуми-Торума*: *Дед Костя Самбиндалов Полум-Торума сюда привозил с Пельма, здесь жертву ему приносили, потом он его на Пельм обратно увозил. Годах в 50-х на оленях он привозил, и в 70-е еще было. Обычно по зимнику привозили. Самого Полум-Торума ставили у них в зимнем доме в лесу. Оленей убивали или жеребенка, а чаще одну лошадь трех-четырех лет. Арсыном глаза завязывали, назывался он торум-арсын ("божий арсын". - Авт.). Стреляли в лоб, но чтобы только в арсын не попасть. Ялпыны (жертвенные покрывала с вышитыми фигурами *Мир-сусне-хума*. - Авт.) вешали на березу, ее в снег воткнул, чагу зажигают. Если на угол дома, то ялпыны с южной стороны стараются вешать - к стене, где ящик с пупыгами стоит. Женщинам нельзя подходить, можно только издали смотреть.*

В XIX в. священное место *Полум-Торума* с его изображением находилось в одном из селений в верховьях р. Пельм. *Полум-Торум* почитался людьми, принадлежащими к фратрии *Пор*, далеко за пределами Пельма. Его сыновья являлись духами-покровителями ряда мансийских селений на Северной Сосьве (Петкаш, Рези-

мовские и Нильдинские юрты) и нижней Оби (Новинские и Сурейские юрты). Жители этих селений именовали себя “пелымским народом”, считая, что их предки пришли с берегов этой реки, ведомые “сыном пелымского *Торума*”. Сознание родства с пелымскими манси было настолько велико, что еще в начале XX в. жители упомянутых селений каждые семь лет возили изображение своего предка в Пелым, в “гости” к его “отцу” [Чернецов, 1939, с. 24].

О том, что в верховьях Пелыма держали “истукана” *Полум-Торума* “Бога Пелыма”, сообщал еще А. Каннисто. По его сведениям, каждый третий год хранитель отвозил Пелымского бога в Яны-пауль, где совместно приносили жертву жители с Северной Сосьвы и Лозьвы. Там устраивали *мирн йир* “общую (народную) жертву”, состоящую из семи оленей (*сат сали*) [1958, S. 265 - 266]. Судя по имеющейся у нас информации, приведенной выше, эта традиция продолжала сохраняться и во второй половине XX в.

ХАЛПАУЛЬ

Халпауль - небольшое селение, расположенное на правом берегу Северной Сосьвы, приблизительно в середине пути из Яны-пауля в Няксимволь. По сведениям В.Н. Чернецова, на протяжении XX в. здесь жили так называемые “современные” Тасмановы - зыряне, которые пришли сюда из-за Урала и были адаптированы Тасмановыми-манси, от которых и получили родовое имя [Источники..., 1987, с. 206]. Переписью 1897 г. в Халпауле зафиксировано 8 мансийских хозяйств, объединявших 30 мужчин и 21 женщину [Патканов, 1911, с. 40].

В послевоенное время в селении проживали две семьи общей численностью 6 - 7 человек [Пивнева, 1991, с. 150 - 152], а сегодня единственными жителями Халпауля являются М.В. Пеликова и ее второй муж А.А. Тасманов.

Святылище *Йипых-ойки*

К сожалению, в настоящее время святылища *Йипых-ойки* уже не существует, поэтому мы вынуждены обратиться к сведениям о нем, взятым из статьи В.Н. Чернецова и его дневников [Чернецов, 1947а, с. 122; Источники..., 1987, с. 151, 191, 204 - 206, 216].

Тотемом жителей Халпауля являлся *Йипых-ойка* - филин, которого иногда называли *Тахт талях товлын ойка* “Верховьев Сосьвы крылатый старик”. Недалеко от селения расли от одного корня семь берез; считалось, что на них сидели *Йипых-ойка*, пять его братьев и

Товлын-ойка (орел)*. Изображение *Йипых-ойки* представляло собой медную фигурку филина величиной около 7 см с распростертыми крыльями, которая хранилась на культовом месте. Ее сторожил *Ялтинг-уй* "Священный зверь", фигура которого была выполнена в виде серебряного слона. Рассказывали, что слон был настолько тяжел, что поднять его могли только четверо мужчин; если его заносили внутрь амбарчика, то на другой день он обязательно оказывался снаружи.

Священное место *Йипых-ойки*, на котором В.Н. Чернецов побывал зимой 1935 г., находилось по дороге на Лопсию (левый приток Северной Сосьвы выше Халпауля) на берегу старицы (рис. 16). На двух опорах (стволах деревьев) на высоте 1,3 м от земли были установлены перекладки, застеленные досками. Двускатная крыша, а также передняя и задняя стены лабаза были выполнены из бересты. Слева от лабаза на одной опоре был установлен небольшой амбарчик из досок (*ура*), внутри которого лежали обрывки красного платка. Еще левее был сооружен стол из двух широких досок. Метрах в пятидесяти от этого места находился еще один лабаз с жертвенной утварью. Проводник К. Сампильталов не решился открыть лабаз и дотронуться до вещей. Когда В.Н. Чернецов снял переднюю стенку лабаза, то увидел знаменитого слона, описанного еще Д.Н. Анучиным [1893]. Слон был покрыт многочисленными платками, одни из них были завязаны под брюхом, другие - под

Рис. 16. Культовые амбарчики и стол на святилище *Йипых ойки*.
Рисунок выполнен В.Н. Чернецовым [Источники..., 1987, с. 204].

* Во время сражений *Полум-Торум* мог принимать вид семивековой березы [Гондатти, 1888, с. 19].

шеей. На бивнях слона были надеты восемь серебряных и медных колец. Фигура животного полая, выполнена из серебра, ноги поставлены прямо, хобот поднят вверх. По преданию, фигура слона раньше была наполнена серебром, которое было использовано в голодный год для покупки хлеба.

В левом переднем углу лабаза лежали беличья шкурка, обрывок ткани с позументом, обернутая лентой сабля без ножен и с рукояткой из оленьего рога, пучок стрел с железными наконечниками. Справа находился бубен, завернутый в матерiu. В центральной части лабаза в куске шелковой ткани хранились монеты и две штампованные жестяные тарелочки, одна - с изображением джонки и японских вееров, другая - с портретом королевы Виктории. Эти тарелочки назывались *карм* и также являлись *путьгами*.

В задней части лабаза стоял мешок из зеленой материи, наполненный жертвенными платками; на дне лежала фарфоровая фигурка совы - перечница работы М.С. Кузнецова, завернутая в белый платок с монетами в углях.

Обращаясь к данному описанию В.Н. Чернецова, можно увидеть, что на культовом месте *Йитых-ойки* было представлено сразу несколько фигур духов-покровителей. Опуская вопрос о том, в какой конкретно фигурке - медной или фарфоровой - воплощался образ главного персонажа, следует сказать, что его сторожем и помощником выступал серебряный слон - *Ялтинг-уй*. Наличие еще двух *путьгов* в виде жестяных тарелочек, а возможно, и трех, если считать за одного из них пучок стрел (подобный образ духа-покровителя широко распространен в культовой практике манси), было связано, скорее, с переносом из домашнего святилища на поселковое атрибуты умершего шамана, чей бубен и сабля также находились в амбарчике.

Почитание предка в виде птицы, а чаще всего филина, достаточно часто встречалось у населения Восточного Приуралья. Духом-покровителем Елышкиных юрт на средней Конде являлся *Товлынг-аньцюх* "Крылатый старик", местные жители считали его младшим сыном обского князя и полагали, что он поселился в этом районе после того, как был убит прежний дух-покровитель "Старик-филин". В конце XIX в. было известно место близ селения Нахрачи, которое вогулы называли "пустошью Крылатого старика" [Kannisto, 1958, S. 188 - 189]. Род Кукиных в Межи-пауле на р. Ляпин почитал своим предком "Крылатого старика селения Межи" - орла. Иногда его называли "Старик-филин селения Межи", так как считалось, что он сын "Старика и старухи филинов из селения Хурумпауль", выходцами из которого были и сами Кукины [Чернецов, 1939, с. 25]; их родовая тамга изображала птичью лапу [Он же, 19476, с. 169]. Святилища "Старика и старухи филинов" около Ху-

румпауля, *Ворсик-ойки* “Трясогузки-старика” на берегу р. Маньи, *Халев-ойки* “Чайки-старика” у селения Анеево и *Товлынг-ойки* около Межи-пауля продолжали функционировать во второй половине XX в. [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 8 - 25; Гемуев, 1990б, с. 78 - 91; Гемуев, Бауло, 1997, с. 356 - 360].

У манси бытовала *йипых эрыг* “песнь филина”, которая имела магическое значение. Один из жителей Яны-пауля исполнил ее В.Н. Чернецову, но не стал допевать до конца, сказав, что в этом случае обязательно пойдет снег и завалит дорогу (исполнение летнего варианта этой песни способствовало вызыванию дождя). В песне говорилось о филине, засыпавшим снегом дом семи *Мось нэ*. Если в зимний период во время охоты не было снега, его можно было вызвать, для этого охотник должен был вечером громко крикнуть: “Пуху-пуху”, подражая крику филина [Источники..., 1987, с. 191, 193]. Один из вариантов песни был опубликован И.И. Авдеевым:

Вот я полечу,
выпрошу снега между деревьями...
Филин и полетел.
Опустился между деревьями.
Так кричит филин:
“...Пу-у-гу! Пу-у-гу!
Батюшка мой, вышний Торум,
Наснежи снегом
Меж деревьями в эту ночь”.
Снег выпал... [1936, с. 105 - 106].

Манси рассказывали и такую историю: однажды жившая в Хулимсунте женщина (родом из Халпауля) сильно заболела, *была почти уже мертвая*. Тогда ночью в ее дом прилетел филин и сел на балку, опустив крылья. Сказав, что надо принести жертву, он улетел. Жертву принесли и женщина скоро поправилась [Источники..., 1987, с. 151].

По сообщению А. Каннисто, вогулы Северной Сосьвы почитали дух ветра по имени *Холи-вот-ойка* “Восточного ветра мужчины”, который выступал в образе филина [1958, S. 92].

Домашние святилища

Домашние фетиши М.В. Пеликовой

Культовая атрибутика, оставшаяся после смерти первого мужа хозяйки, хранилась рядом с домом*, в *сумьяхе*.

* На чердаке дома у задней стены на перекладине висела медвежья шкура, внизу на полу лежали оленьи рога и несколько *арсынов*.

Внутри него у задней стены были прибиты одна над другой две широкие полки. На них находились два чемодана, берестяной туес и два полиэтиленовых мешка. В одном чемодане лежало множество жертвенных платков и связки лисьих шкур, но наибольший интерес вызвали жертвенные покрывала и “богатырский” шлем, а также узелок из красной ткани, в котором находились металлическое блюдо и вырезанное из бересты изображение коня.

Жертвенное покрывало с семью фигурами всадников было выполнено из сукна красного и синего цвета и оторочено беличьим мехом (СМ7; рис. 17, а). Оно изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 67 (82) x 90 см. В работе использовались нити оленьих сухожилий; к углам на желтых и красных тесемках пришиты медные колокольчики, отлитые на заводах А.Т. Сафонова и А.И. Бадагова. Фигуры шести всадников размещены в прямоугольном поле в три ряда, а седьмой, меньший по размеру, шит в квадрат, выступающий за край основного поля. Голова всадника обозначена ромбом, короткие руки подняты вверх. Тулова коня и всадника выполнены

с общей вшитой “священной” вставкой. Фигура коня показана только с двумя ногами.

“Богатырский” шлем с фигурами четырех всадников выполнен из сукна красного и черного цвета и оторочен беличьим мехом (СМ8; рис. 17, б). Изготовлен в середине XX в. Его высота 42 см, размеры одного квадрата 17 x 20 см. Нижний край шлема украшен орнаментом “сидящий соболь”. В верхней части шлема в сукно красного цвета вшита фигура гуся из сукна черного цвета, выполненная с овальной вставкой, в центре которой закреплен пучок красных и черных лент. Голова всадника обозначена ромбом, короткие руки подняты вверх. Фигура коня показана только с двумя ногами.

Блюдец диаметром 9,2 см (рис. 18, а) медное, посеребренное, изготовлено в технике чеканки и гравировки. На дне его изоб-

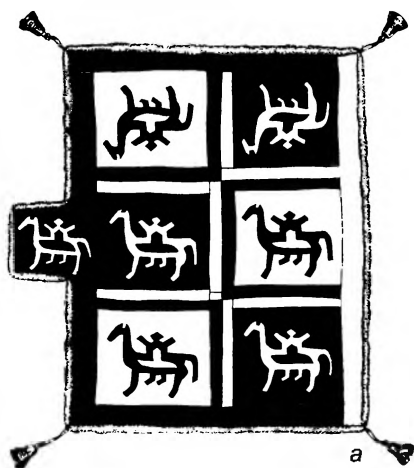

Рис. 17. Жертвенное покрывало СМ7 (а) и “богатырский” шлем СМ8 (б).

ражена фигура бегущего оленя, слева от него по краю - собака, справа - гусь, внизу - два охотника. Фигуры разделены между собой розетками растительного орнамента. По сообщению С. Мельникова, в такие сосуды наливалась кровь принесенной в жертву лошади, после чего хозяин (если жертвоприношение совершалось на семейном культовом месте) или шаман, взяв сосуд с кровью, подходил ко всем идолам и, обмакнув палец в сосуд с кровью, намазывал им по три черточки на каждом, оставшуюся же кровь пил сам и давал пить присутствующим. Судя по описанию сосуда, который С. Мельников купил для Географического общества, он был украшен изображениями оленя, лисицы, соболя и охотника с луком [1852, с. 29].

На дне чемодана лежали берестяные фигурки коня и трех лягушек, завернутые в фольгу. Как известно, в случае болезни было принято обещать *Мир-сусне-хуму*, *Тапал-ойке* (*Полум-Торуму*) или *Хуль-отыру* кровавую жертву. Из бересты вырезали изображение коня или оленя, обвивали им несколько монет и обводили семь раз вокруг головы больного, после чего берестяную фигурку завязывали в уголок платка. На Конде "образ" коня из бересты вырезали только для верховного бога, местным духам-покровителям предназначались фигурки коровы, овцы или петуха. Посторонний человек, не родственник, держал в руке фигурку и водил ей вокруг головы больного, последний при этом произносил молитвы и обещал жертву. Берестяной "образ" изготавливали и при неудаче в охоте, он предназначался местным духам-покровителям. Фигурку также завязывали в уголок платка и хранили в "священном" сундучке до совершения жертвоприношения. Перед забоем животного "образ" доставали, окунали в кровь, а затем рвали на куски или сжигали. Если больной умирал, жертву не приносили, а фигурку бросали в огонь [Kannisto, 1958, S. 314].

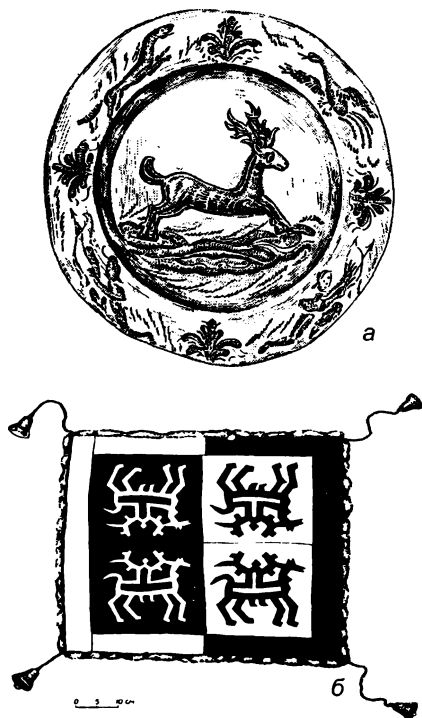

Рис. 18. Блюдце с фигурой оленя (а) и жертвенное покрывало CM9 (б).

Второй чемодан и берестяной туес были заполнены жертвенными платками.

В одном из полиэтиленовых мешков среди многочисленных платков находилось жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников, выполненное из сукна красного и синего цвета и отороченное мехом соболя (СМ9; рис. 18, б). Оно изготовлено в середине XX в. Его размеры 62 x 66 см. К углам полотнища на низках белого, черного и зеленого бисера пришиты медные колокольчики, отлитые на заводе Е. Ключикова. Голова всадника обозначена ромбом, на одной руке сидит птица, второй рукой он держит поводья.

Таким образом, культовая атрибутика, принадлежавшая первому мужу М.В. Пеликовой, состояла из блюдца с изображением оленя, четырех- и семипольного жертвенных покрывал, а также “богатырского” шлема; последние два изделия были выполнены одной мастерницей. Обращает на себя внимание отсутствие фигур духов-покровителей и сравнительно большое количество берестяных фигурок - “заместителей” жертвы.

Домашние фетиши Г.В. Тасманова

Второй дом принадлежал Г.В. Тасманову (умер в 1979 г. в возрасте 80 лет). Культовая атрибутика после смерти хозяина была отнесена на чердак, у задней стены которого мы увидели небольшой сундучок и справа от него - берестяной туесок без крышки. В последнем хранились приклады духам - *арсыны* и шкурки белок, а также фигура духа-покровителя, выполненная из нескольких халатов черного цвета. Длина фигуры около 30 см, размах рук 32 см. Голова обозначена колпаком, состоящим из семи клиньев сукна черного цвета. Кисточки колпака изготовлены из обрезков этой же ткани и увенчаны шерстяными помпончиками. К нижней части головного убора пришит шерстяной шнур малинового цвета, которым колпак закреплен к верхней части фигуры. Сверху на колпак надета шапка сферической формы из сукна коричневого цвета, нижний край которой выполнен из хлопчатобумажной ткани красного цвета.

В сундучке были обнаружены *арсыны*, соболя и беличьи шкурки, несколько рубашек; в платок белого цвета была завернута берестяная фигурка лошади. Там же лежала стальная чашка, по форме напоминающая черпак поварешки, по-видимому, заменяющая традиционный медный или серебряный сосуд. На дне сундука находилась связка медных колец.

За сундуком в платке лежало жертвенное покрывало, сшитое из семи суконных квадратов красного и черного цвета, отороченное беличьим мехом (СМ10; рис. 19, а). Изделие изготовлено в се-

редине XX в. Его размеры 68 (77) x 77 см. Фигуры шести всадников размещаются в прямоугольном поле в три ряда, а седьмого, меньшего по размеру, вшита в квадрат, выступающий за край основного поля (эта фигура выполнена из красного сукна более светлого оттенка). Голова всадника обозначена ромбом, короткие руки подняты вверх. Фигура коня показана только с двумя ногами.

На сундуке в платке зеленого цвета, в угол которого были завернуты восемь монет достоинством 5, 10 и 15 копеек выпуска 1861 - 1904 гг., лежал "богатырский" шлем (СМ11; рис. 19, б) с четырьмя фигурами всадников из сукна красного и зеленого цвета, отороченный беличьим мехом. Он изготовлен в середине XX в. Его высота составляет 27 см. Нижний край шлема украшен орнаментом "сидящий соболик", в верхней части шлема в квадрат светло-зеленого сукна вшита фигура гуся из сукна красного цвета, выполненная с овальной вставкой. Голова всадника обозначена ромбом, короткие руки подняты вверх. Фигура коня показана только с двумя ногами.

В другом свертке зеленой ткани на сундуке находились жертвенное покрывало и "богатырский" шлем. В покрывало был завернут квадратный кусок сукна малинового цвета с фигурой всадника из сукна зеленого цвета.

Жертвенное покрывало с семью фигурами всадников выполнено из сукна красного и зеленого цвета и оторочено беличьим мехом (СМ12). Изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 67 (75) x 80 см. По форме и характеру изображенных фигур оно аналогично семипольному покрывалу, описанному выше.

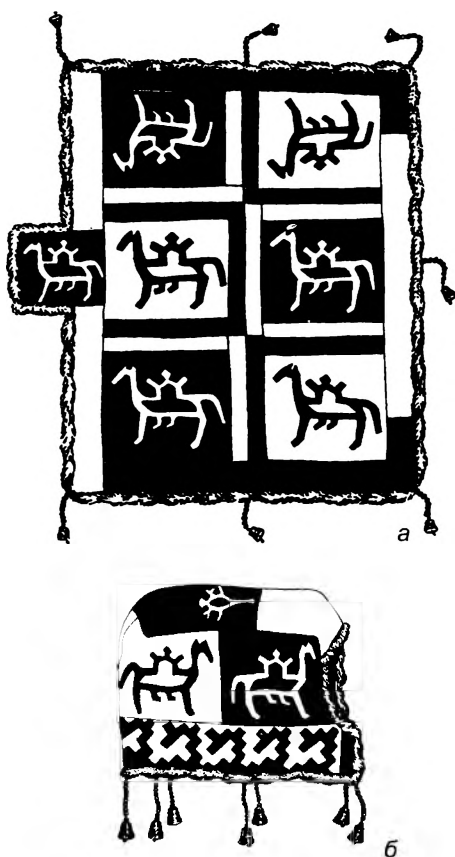

Рис. 19. Жертвенное покрывало СМ10 (а) и "богатырский" шлем СМ11 (б).

Шлем с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна красного и зеленого цвета и оторочен беличьим мехом (СМ13). Он изготовлен в середине XX в. Его высота составляет 25 см. По форме и характеру изображенных фигур он соответствует шлему, описанному выше.

Таким образом, культовая атрибутика Г.В. Тасманова включала фигуру духа-покровителя и выполненные одной мастерицей два семипольных жертвенных покрывала и два “богатырских” шлема.

* * *

По информации В.Н. Чернецова, некогда в Халпауле находилась и фигура *Калтащ-щань-аги* “дочери *Калтащ-эквы*” [Источники..., 1987, с. 241].

НЯКСИМВОЛЬ

Селение Няксимволь (юрты Некзинволские, Няксимвольские) расположено на левом берегу Северной Сосьвы. По информации В.Н. Чернецова, основным здесь являлся род Номиных, относящийся к фратрии *Мось* и почитавший своим предком *Няксимволь-пауль най экву* “Селения Няксимволь великую женщину” - тетерку [19476, с. 172].

Переписью 1897 г. в Няксимволе зафиксировано 6 мансийских хозяйств (20 мужчин и 14 женщин) [Патканов, 1911, с. 40]. По сведениям 1985 г., общая численность манси, проживавших в поселке, составляла 122 чел. Помимо Номиных наибольшее число манси относилось к фамилиям Самбиндаловых, Тасмановых и Пеликовых [Пивнева, 1991, с. 150 - 151].

Святылище *Каль-нехос Най-эквы* и *Тулям-ур-ойки*

Святылище, принадлежавшее манси Номиным, расположено приблизительно в 25 км вверх от устья р. Няйс, левого притока Северной Сосьвы, впадающего в нее около Няксимволя. Пройдя метров тридцать от берега Няйса, мы вышли к старице, на противоположной стороне которой возвышался еловый лес. Перебравшись через старицу, углубились в лес и вскоре увидели два лежащих на земле *сумьяха*, внутри которых находились мешки с жертвенными платками. Амбарчики упали, и для духов-покровителей был выстроен новый, располагавшийся неподалеку (рис. 20). Когда-то росший кедр спилили на высоте 120 см от земли, в месте среза выру-

били полукруглый паз, закрепили в нем круглое в сечении бревно, по краям которого также были прорублены прямоугольные пазы. В них были уложены по одному распиленному вдоль бревнышку, на которые опирался амбарчик. Стены, дверца и скаты крыши были выполнены каждые из широких колотых плах. Крыша двускатная, при этом правый скат нависает над левым. Длина амбарчика составляет 160 см, ширина 60 см, высота 80 см. Перед *сумьяхом*, в двух метрах от него, находится стол на четырех опорах, позади которого на высоте около 150 см от земли между березой и елью прибита поперечная жердь. На нее во время *пурлахты* "угощения" развешивают одежды *Най-эквы*. В пяти метрах от *сумьяха* между двумя елями устроено кострище. На стволах елей на высоте около 50 см от земли вырезаны личины *менкв-пырищей* "сыновей" *менква*, выполнявших функции "стражей" святилища (рис. 21). Лица каплевидной формы с прямыми носами, слегка расширенными к низу. Размеры лиц около 12 x 18 см.

В *сумьяхе* находились пять узлов, в основном заполненных жертвенными платками; пучок стрел, обмотанный белой, красной и синей тканью; сундучок с матерчатыми прикладами. В другом сундучке в свертке из множества плат-

Рис. 20. Культовый амбарчик
Каль-нехос Най-эквы
и Тулям-ур-ойки.

Рис. 21. Личина *менква* на стволе ели.

ков лежала фигурка соболя, представлявшая собой тонкую (0,5 - 0,7 мм) медную пластину с отверстием для подвешивания, расположенным в верхней части. Фигурка соболя имела только задние лапы, передние оплавилась при пожаре. На лицевой стороне пластины гравировкой были выполнены глаза, пасть и хвост соболя (рис. 22, а). Это была *Каль-нехос* “Самка соболя”. Рядом с фигуркой лежали бусы и горсть никелевых монет советского времени. По словам хозяина амбарчика Н.Г. Номина, раньше здесь хранились и старинные серебряные деньги.

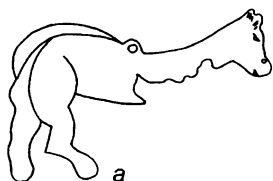

Рис. 22. Фигуры духов-покровителей.
а - *Каль-нехос* *Най-эквы*,
б - *Тулям-ур-ойки*.

Пучок стрел оказался фигурой духа-покровителя - *Тулям-ур-ойки* “Мужчины, похожего на палец (*туля*) мыса, выступающего от возвышенности - водораздела рек (*ур*)” (рис. 22, б). Такая возвышенность расположена в 15 км к юго-востоку от Няксимволя, на правом берегу Северной Сосьвы, на половине пути к селению Нерохи. Антропоморфные изображения с основой из стрел ранее были встречены на культовом месте у протоки Пырсим, а также на святилище бога войны *Хонт-Торума* у р. Пупы-я [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 57 - 62, 99].

В амбарчике лежала также связка из трех моделей стрел. Такие стрелы предназначались *Тулям-ур-ойке*, их должен был приносить молодой охотник, который приходил сюда в первый раз. *Такую стрелу подарить, и сам будешь стрелок и охотник, как Тулям-ур-ойка.*

Перед началом церемонии сухую березу, стоявшую позади стола (на ней был привязан платок), вытащили из земли и прислонили к стволу другой березы. Вместо нее поставили свежесрубленное деревце и повесили новый *арсын*, но кому он предназначался, информатор не знал, сказав

только, что платок должен висеть на открытом месте. В сундучке полагалось хранить шкурку самки соболя, в которую клали медную фигурку *Каль-нехос*. *Со всех деревень это место знают и отправляют подарки через нас. Женщинам сюда нельзя, они на берегу остаются. В Турвате у нас тетка живет - так ей можно доходить до костра. А мать на берегу остается. Ту пищу, что здесь на столе лежит - ей нельзя, она отдельно варит.* Последнее замечание связано с тем обстоятельством, что мать информатора изначально принадлежала к другой семейно-родственной группе, откуда была взята замуж. Браки внутри группы (поселка) не заключались - именно на этом уровне и реализовывалась фратриальная эндогамия. В соответствии с этим духи-покровители группы, к которой относились ее муж и дети, были для нее чужими. Тетка же - в данном случае сестра мужа (отца информатора) от рождения принадлежала к группе, в которую входили Номины, и именно поэтому ей позволялось "доходить до костра". Впрочем, это позволение являет собой известную трансформацию традиции - в ее ортодоксальном варианте девочки и женщины могли быть допущены на святилище либо до полового созревания, либо уже в постклимактерический период жизни.

Тулям-ур-ойка и *Каль-нехос* относятся к духам-покровителям, которым издавна поклонялись манси верховьев Северной Сосьвы. А. Каннисто было записано обращение к сыну "богини-покровительницы, которую звали Женщиной с верхнего течения реки Няйс", почитаемой в виде самки соболя [1958, S. 155]. Соболев являлся тотемным предком и у жителей Воря-пауля на р. Воря, правом притоке Тапсуя. В сказке "Три богатыря с Воря-реки" рассказывается о том, что *Каль-нехос* живет со своими братьями в вершине Воря-реки; старшего зовут Оленья ягушка, среднего - Медный рукав, а младшего - Семирядный медный шлем [Чернецов, 1935, с. 119]. В.Н. Чернецов в своих дневниках отмечал, что *Вор-я Най-эква - Каль нехс - пугыг* Анемгуровых [Источники..., 1987, с. 240]. Следует заметить, что Воря и Няйс относятся к одному небольшому региону, где все переплетено близкородственными отношениями. В обоих случаях к имени "Самки соболя" прибавлен эпитет *Най-эква* "Огненная женщина" - обе покровительницы относились к богиням огня.

А. Каннисто сообщал о том, что вогулы с Сосьвы почитают духа-покровителя *Тулямурн-ойку* "Старика холмов *тулям*", который живет на возвышенности за деревней Нерохи; вогулы верят, что он является старшиной у лесных духов *менквоов*, когда они собираются для взимания налогов [1958, S. 148]. В одном из преданий рассказывалось о суде духов-покровителей над лесным духом, укравшим у вогула собаку. Обвинителем выступал дух-покровитель по имени "Староста *тулям-ур*", который жил на возвышенности, со-

стоящей из цепи холмов, “узкой, как спина осетра”; он разъезжал ночью на лыжах, подбитых бобровым мехом [Ibid., S. 144]. В старину, когда шаман бил в свой бубен и призывал “Старика с цепи холмов *тулям*”, жившего в Няксимволе, исполняли следующую песнь:

К старику цепи холмов *тулям*,
ко мне вопиют мои сыновья мучительным воплем,
одетые в шубу мучений,
ко мне вопиют они болезненным плачем.
Когда я с острым слухом утренней синьги,
с острым слухом вечерней синьги слушаю,
то вопиют ко мне мучительным воплем,
вопиют ко мне болезненным воплем.
Мой священный ум, золотой на озере,
золотой на Оби, стал хорошим.
Мою двойную сшитую шапку
нахлобучил я себе на плечи, покрытые пушниной,
одежду мою из меха черной дичи,
одежду мою из меха красной дичи
накинул я себе на плечи, покрытые собольим мехом.
Свои пятипалые ноги я поставил
на лыжи, подшитые мехом выдры-самки,
на лыжи, подшитые мехом выдры-самца.
Я бежал на них по цепи
из семи холмов под черными деревьями,
по цепи из шести холмов под черными деревьями.
На крыше избы многих моих бедняков,
которые претерпели муки, держался я
за пару лыж, подбитых мехом выдры-самки,
за пару лыж, подбитых мехом выдры-самца.
В свои сыновья, находящиеся среди многих,
на меня похожих духов цепи холмов,
в свои сыновья, находящиеся среди многих,
на меня похожих лесных духов,
в сборщики податей черной дичью,
в сборщики податей красной дичью,
в сборщики податей с земли
семи княгинь для любимого отца,
в сборщики податей с земли
семи князей для любимого отца,
весом земли, весом воды
определил меня верховный бог, мой отец [Ibid., S. 416 - 417].

Место обитания *Тулям-ур-ойки* (*Тулам урынг ойки*) было известно и В.Н. Чернецову, который писал, что вместе с духом-по-

кровителем на увале живут *Ворут менкв*, а сам он - *вор хум*, *вор мис хум** [Источники..., 1987, с. 145, 151]. По отношению к духам подобного рода манси употребляли и термин *вор-пути* "лесной дух": так называли леших высотой в три сажени (старик леший - *менкв*), настроенных к обычным людям враждебно [Kannisto, 1958, S. 212].

О "жителях" холма *Тулям-ур* существовало несколько преданий и сказок, одну из которых, под названием "*Менкв*", нам рассказал в 1997 г. А.Е. Самбиндалов из Яны-пауля (см. Прил. 1).

* * *

На одном из островов, образованных рукавом Наяса, располагается летний дом и хозяйственные постройки братьев Номиных, наших проводников на святилище *Каль-ихос* и *Тулям-ур-ойки*. За избушкой стоит амбарчик на четырех опорах, внутри него хранятся рыболовные и охотничьи снасти, зимняя одежда, у задней стены - два сундука, заполненные атрибутами медвежьего праздника: халатами, жертвенными платками, беличьими и лисьими шкурами. В амбарчике Номиных находилось и жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников, выполненное из сукна красного и черного цвета, отороченное беличьим мехом (СМ14; рис. 23). Оно изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 62 x 78 см. В работе использовались нити оленьих сухожилий; к углам на кожаных ремешках пришиты медные колокольчики. Голова всадника обозначена ромбом, на одной его руке сидит птица, второй рукой он держит поводья коня.

По информации Н.Г. Номина, в семи километрах выше по Наясу от его стоянки находится амбарчик *Няксимволь-отыр-пыга*, хранителем которого является один из жителей Няксимволя И. Юнахов. Раньше фигура этого духа-покровителя, т.н. "хозяина" Няксимволя, хранилась в сундуке на

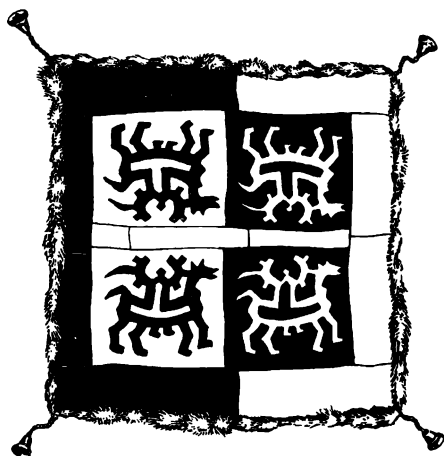

Рис. 23. Жертвенное покрывало (СМ14).

* *Ворут менкв* - лесное существо, уподобляемое *менкау*; *вор хум* "лесной мужчина"; *вор мис хум* "лесной мужчина *Мис*". В обыденной речи "мужчина *Мис*" означает также "хороший охотник" [Мифы..., 1990, с. 553, 555].

пупыг-норме в доме И. Юнахова в поселке. На летней же стоянке Номиных в амбарчике содержится “все богатство” *Няксимволь-отыр-пыга* - шкуры, отрезки ткани и описанный выше четырехпольный *ялпын-улама*. *Няксимволь-отыр-пыг*, согласно местной традиции, считался одним из сыновей *Мир-сусне-хума*, поэтому его изображали в виде золотого гуся. В жертву ему полагалось приносить молодого лося: если случайно убивали в лесу лосенка, то садились на его зад и кричали семь раз, что означало принесение животного в жертву; затем тушу отвозили домой [Ромбандеева, 1993, с. 68].

Домашние фетиши А.В. Дунаева

В самом Няксимволе нам удалось ознакомиться с домашними фетишами А.В. Дунаева, перешедшими к нему по наследству от родителей (отец, Василий Иосифович, родился в 1919 г.). В левой части задней стены комнаты устроена *пупыг-норма*. На ней находилась фигура *Чохрын-ойки*, прислоненная к углу стены, рядом лежал нож в берестяных ножнах. Длина фигуры составляет 70 см, размах рук 105 см, диаметр головы 21 см (рис. 24, а). Фигура выполнена из нескольких халатов, одетых один на другой, верхний халат сшит из желтой парчи с лентами серебряного шитья по краям и подолу. Под мышками рукавов всех одежд прорезаны отверстия. Пояс скручен из двух платков голубого и синего цвета. Голову образует черная шапка, обвязанная белым и красным платками. “Глаза” обозначены двумя солдатскими пуговицами.

Присутствие *Чохрын-ойки* в домашнем святилище не является исключением из обрядовой практики обских угров. Так О. Финш, а за ним и Б. Мункачи утверждали, что домашние духи могут быть копиями *крупных местных духов*, “так как не каждому суждено видеть или часто посещать последних” [Карьялайнен, 1995, с. 11].

Рядом с фигурой *Чохрын-ойки* находился мешок из шкуры лосенка мехом наружу; в нем и позади него лежало несколько *арсынов*. Справа от мешка стоял сундук, в котором лицом вниз была уложена фигура духа-покровителя, длина которой 92 см, размах рук 90 см, диаметр головы 15 см (рис. 24, б). Фигура сделана из нескольких рубашек и халатов (в том числе красного и розового цвета), одетых один на другой. Верхний халат с розовыми завязками сшит из черного сукна, оторочен синим кантом по краям. Голова духа-покровителя выполнена из нескольких платков, верхний из них - красного цвета с монетами в углах. На дне сундука лежали икона Св. Николая начала XX в., *арсины*, шкурки соболя и платок из красного шелка с золотым шитьем (цветы), обшитый бахромой, который предназначался *Калташ-экве*.

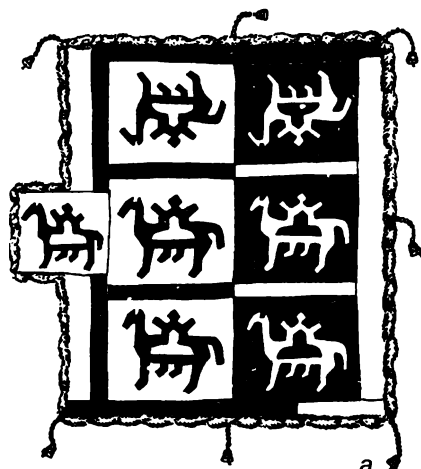

Рис. 24. Фигуры духов-покровителей из дома А.В. Дунаева.
Слева Чохрынь-ойка.

В правом углу полки стоял еще один сундук. На дне его лежал камзол из парчи голубого цвета с рукавами, нижняя часть которых была украшена золотым шитьем; размеры камзола позволяют предполагать, что он предназначался в подарок духу-покровителю. Здесь же находились жертвенное покрывало и “богатырский” шлем, завернутый в красный платок, в одном из углов которого были завязаны монеты: 20 коп. 1876 и 1905 гг.; 10 коп. 1898 и 1925 гг.; 15 коп. 1922 и 1927 гг. В другом красном платке лежало серебряное блюдо. В сундуке также хранились *арсыны* и шкурки соболей.

Жертвенное покрывало с семью фигурами всадников выполнено из сукна зеленого и желтого цвета и оторочено беличьим мехом (СМ15; рис. 25, а). Изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 67 (78) x 75 см. К двум углам на низках белого и синего бисера пришиты маленькие медные колокольчики. По форме и характеру изображенных фигур покрывало и шлем являются “двойниками” образцов из Халпауля и Яны-пауля и выполнены одной мастерицей.

“Богатырский” шлем с четырьмя фигурами всадников сшит из сукна красного и синего цвета и оторочен соболиным мехом (СМ16; рис. 25, б). Изготовлен в середине XX в. Его высота составляет 30 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнамен-

а

б

Рис. 25. Жертвенное покрывало СМ15 (а) и "богатырский" шлем СМ16 (б).

Рис. 26. Серебряное блюдо. 1830 г.

том "сидящий соболя", на кожаных шнурках пришиты семь маленьких медных колокольчиков, один из них - на низке синего и белого бисера. В верхней части шлема в сукно синего цвета вшита фигура гуся из сукна красного цвета (лапки не показаны), выполненная с овальной вставкой.

Серебряное блюдо диаметром 12 см было изготовлено в Москве в 1830 г. На его лицевой стороне изображен скачущий олень, по краям блюда выгравированы фигуры двух охотников с луками, гуся и собаки, разделенные розетками с растительным узором (рис. 26). Штамп "1830 НД" принадлежит неизвестному пробирному мастеру, хотя, возможно, что это клеймо Николая Лукича Дубровина, подтверждавшего серебряную пробу изделий в 1822 - 1855 гг. штампом "НЛ". Клеймо "84" обозначает пробу серебра; штамп с изображением Св. Георгия на коне говорит о московском происхождении блюда. Клеймо "МИ" принадлежит неизвестному мастеру [Постникова-Лосева и др., 1983, с. 205]. Ранее уже было опубликовано металлическое блюдо подобных размеров с аналогичными рисунками, обнаруженное в одном из домов селения Хурumpaуль [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 159]. Оно явно

сибирского производства (Тобольск?); скорее всего, серебряные блюда из Москвы выступали в таких случаях в качестве образцов.

Таким образом, культовая атрибутика родителей А.В. Дунаева включала две фигуры духов-покровителей, жертвенное покрывало,

шлем и серебряное блюдо. Необходимо отметить, что часть вещей, относящаяся к XIX в. (блюде, халаты из парчи), безусловно, передавалась по наследству неоднократно.

* * *

Обращаясь к ранним сведениям о Няксимволе, необходимо напомнить, что А. Каннисто записано сказание об обитающем рядом с селением духе “Крутильщице сухожилий”. Жители селения не должны были крутить нити ночью, в противном случае появлялся дух. Однажды ночью он пришел к молодой женщине, которая крутила сухожильные нити и предложил ей соревноваться в кручении на следующих условиях: если выиграет он, то получит в награду печень женщины, если же выиграет женщина, она получит серебряный сосуд. Благодаря хитрости выиграла вогулка [1958. S. 232].

В 1909 - 1910 гг. С.И. Руденко во время поездки на Северную Сосьву приобрел в Няксимволе жертвенное покрывало*, фрагмент которого был им опубликован [1929, с. 32]. Изделие выполнено из четырех квадратов сукна красного и синего цвета и оторочено соболиным мехом; его размеры составляют 85 x 85 см (СМ17; рис. 9, б). К углам на низках белого бисера пришиты медные колокольчики. Часть полос, окаймляющих квадраты с фигурой всадника, выполнены из сукна черного цвета. Голова всадника обозначена ромбом, руки подняты вверх, на одной из них утачивается птица, второй рукой всадник держит поводья. “Двойником” этого покрывала является, как мы отмечали выше, *ялтын-улама* из Яны-пауля (дом Н.П. Самбиндалова).

* * *

Еще об одном местном духе-покровителе сообщал в своих дневниках В.Н. Чернецов: “*Няксимволь Катя не* - дочь Казымской *Катя не*” [Источники..., 1987, с. 158]. Предание “Женщина-богатырь” повествует о том, что “Вершины Казыми реки Великая женщина” ранее со своими братьями жила в Няксимволе [Чернецов, 1935, с. 93 - 111].

Святилище Чохрын-ойки в Усть-Тапсуе

Селение Усть-Тапсуй (Тапыс-сунт, юрты Тапсуйские) находится на правом берегу Северной Сосьвы в месте впадения в нее правого притока - р. Тапсуй. В конце XIX в. это был один из крупных

* Хранится в РЭМ, № 1710-429.

мансийских населенных пунктов, который насчитывал 15 хозяйств, объединявших 40 мужчин и 39 женщин [Патканов, 1911, с. 40].

В последние годы здесь проживает единственная семья И.В. Анемгурова (Анемхуровы зафиксированы среди жителей селения в 1783 г. [Перевалова, 1997, с. 329]). Вместе с ним нам удалось побывать на святилище *Чохрын-ойки*, которое расположено на правом берегу р. Тапсуй, приблизительно в полутора километрах от селения. Примерно через километр ходьбы от берега по болотистой почве мы вышли на поляну, окруженную густым ельником. Фигура *Чохрын-ойки* находилась под навесом, стоящим на шести опорах с настилом из колотых плах (рис. 27). Длина навеса составляла 140 см, ширина 120 см. Три левые опоры представляли собой вертикально установленные бревнышки высотой от 115 до 125 см, в их верхних затесанных концах вырублены полукруглые пазы. В пазы были уложены три слег, две крайние из них на другом конце навеса опирались также на вертикально установленные бревнышки, а средняя слега в правой части навеса опиралась на пень высотой 120 см, к которому белым шнуром была привязана фигура *Чохрын-ойки*, завернутая в белые платки с завязанными в углах монетами. В этот же пень на уровне головы фигуры были воткнуты шесть ножей, еще семь ножей - в ствол ели, стоящей слева от навеса. Лезвия всех ножей обмотаны белыми тряпицами ткани с монетами на концах, на один из ножей на ели накинута белый платок. Такой же платок висел на тонком стволе березки, воткнутой в землю справа от навеса.

Антропоморфное изображение *Чохрын-ойки* выстругано из цельного куска дерева. Длина фигуры около 60 см. Голова закруглена, лоб скошен вниз; нос прямой, выступающий вперед. Глаза и рот эллипсовидной формы вырезаны ножом; четко трактována шея. Руки выполнены в виде выступающих в стороны обрубков, ноги не показаны.

На другом конце этого елово-соснового "острова" раньше находился *старый Чохрын-ойка*, скорее всего тот, который был описан В.Н. Чернецовым. К нашему приходу помост уже давно упал. В сосну, стоящую рядом с ним, было воткнуто около 50 ножей - приношений *Чохрын-ойке* (рис. 28), множество ножей находилось и на сохранившейся опоре, где раньше висела фигура духа-покровителя. На досках помоста лежали два берестяных кузова, наполненные сгнившими жертвенными платками. В одном из них находились две антропоморфные фигуры с лицами, обозначенными металлическими блюдами с изображениями Св. Георгия. Здесь же было обнаружено еще одно блюдо с фигурой оленя. По словам И.В. Анемгурова, рядом с *Чохрын-ойкой* раньше хранилась фи-

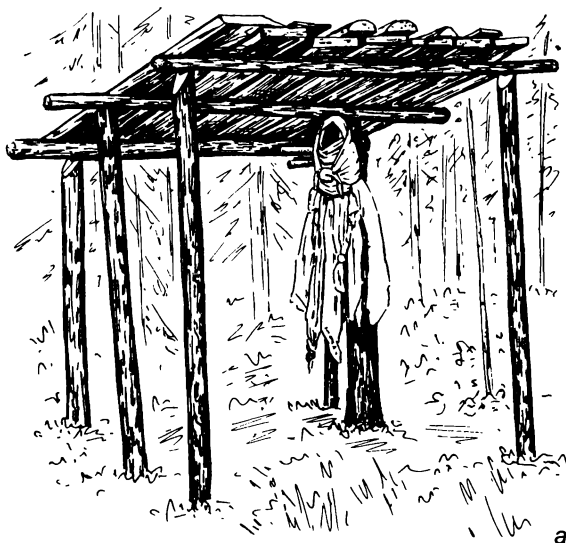

Рис. 27. Фигура Чохрынъ-ойки под навесом. Усть-Тапсуй. 1989 г.

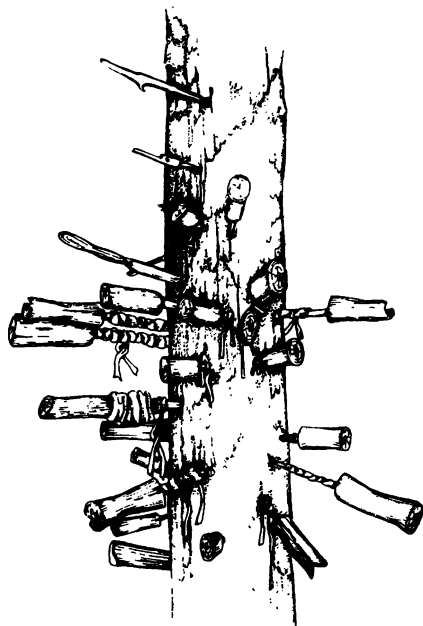

Рис. 28. Ножи - приношения
Чохрынь-ойке.

Рис. 29. Блюдец со святилища
Чохрынь-ойки.

гура *Торум-ойки*, которому и "принадлежали" блюда.

Первое блюдо диаметром 12 см, медное, посеребренное (рис. 29), изготовлено с помощью чеканки и гравировки. На его дно нанесено изображение Св. Георгия на коне, поражающего копьем дракона. По краю блюда выполнены фигуры двух охотников с луками, собаки и утки, разделенные розетками растительного орнамента. Блюде имеет два отверстия для крепления, пробитых позднее. А. Каннисто сфотографировал у вогулов Северной Сосьвы в Шайтанских юртах подобное блюдо, при этом исследователем было сделано следующее пояснение к фотографии: "Жертвенная тарелка русского производства, видимо, из мельхиора... закреплена на жертвенном платке, к которому привязано много медных колец. Имеется изображение всадника Св. Георгия, борющегося с драконом. Вогулы объясняют это изображение как *Мир-сусне-хума*, Человека, обзорающего мир, который воспринимается также как всадник и поэтому часто имеет название *луен-хум* "всадник". Этому духу-покровителю... подобает также тарелка с платком. Она хранится вместе с другими жертвенными предметами

в священном амбарчике и достают ее оттуда только для жертвенной церемонии" [Vahter, 1953, S. 102 - 103].

Второе блюдо, диаметром 9,3 см, также медное, посеребренное, выполнено практически аналогично первому способом чеканки и гравировки (рис. 30, а). В его центре изображен Св. Георгий,

поражающий копьём дракона, по краям - два охотника, утка и собака. В верхней части пробиты рядом два отверстия для крепления.

Третье блюдо, диаметром 9,2 см (рис. 30, б), медное, посеребренное, изготовлено в технике чеканки и гравировки. На дне его изображена фигура бегущего оленя, слева от нее по краю - гусь, справа - собака, внизу - два охотника. Фигуры разделены между собой розетками растительного орнамента. Это блюдо аналогично экземпляру из амбарчика М.В. Пеликовой в Халпауле; единственное отличие заключается в зеркальном расположении фигур собаки и гуся. Интересно, что оформление краев данных трех блюд и блюда из дома А.В. Дунаева в Няксимволе выполнено одинаково: на них нанесены одни и те же фигуры, что позволяет предполагать использование московских изделий в качестве образцов для производства местной продукции; кроме того, фигура Св. Георгия на коне являлась элементом столичного герба.

Нам рассказали, что в самом селении раньше рос большой кедр, *руками не обхватишь*, ствол которого был утыкан ножами. Лет десять назад на пне, оставшемся после падения кедра, один из наших информаторов насчитал более 60 ножей. Множество ножей было воткнуто и в ствол дерева.

По словам И.В. Анемгурова, к *Чохрын-ойке* приходили в случае болезни и обязательно приносили ему нож. Кроме этого, духа-покровителя посещали перед новолунием; раз в два года совершалось жертвоприношение оленя или коня.

В середине 1920-х гг. на этом месте побывал тогда еще начинающий исследователь В.Н. Чернецов, посвятивший описанию увиденного обряда одну из своих первых научных статей "Жерт-

Рис. 30. Блюда со святилища Чохрын-ойки.

воприношение у вогулов”, которая вышла в журнале “Этнограф-исследователь” [1927, с. 21 - 25]:

“Приведу описание того, как вогул Хуры-Костя принес жертву Чохрынь Ойке, отправляясь в лес на промысел. Рано утром Хуры Костя (иначе называемый Хуры Хум - человек с реки Хура), в сопровождении жителей поселка отправился к месту обитания божества. Впереди всех на небольшой лодке ехал человек, везший домашних *пупых* в черном ящике, стоявшем на оленьей шкуре. За ним ехал Хуры Хум со своим сыном и вез белого оленьего теленка, предназначенного в жертву, а также небольшой узелок с домашними *пупых*. Сзади на нескольких лодках... ехали все находившиеся в то время в поселке вогулы и везли котлы, чашки и прочее. Жертвенное место находится на берегу Тапсуя, недалеко от его устья...

Над *пупых* был устроен двускатный навес, а рядом с ним помост, на котором в берестяных кошелях хранятся “приклады” - подарки божеству. Задний столб навеса весь утыкан узкими ножами, жертвованными в разное время. Помост был устроен у старой березы, на ветвях которой висело множество оленьих рогов и серая коровья шкура. Справа было расположено большое кострище (рис. 31. - *Авт.*).

Сам Чохрынь Ойка (узкого ножа хозяин-божество, покровительствующий в охоте и рыбной ловле) имеет вид двухаршинного бревна с заостренным верхним концом, на котором грубо выреза-

Рис. 31. Святилище Чохрынь-ойки. Усть-Тапсуй. 1926 г.
Рисунок В.Н. Чернецова [Чернецов, 19476, с. 174].

ны нос, рот и глаза. На голове у него был колпак, сшитый из семи полос цветного сукна и опушенный соболем. Туловище его было обернуто многочисленными платками и кусками разноцветных материй. В платках и кусках материи в углах завязаны и защищены деньги.

Но главной святыней является не это изображение, а другое, металлическое, которое, по словам вогулов, находится внутри деревянного. По этому поводу вогул Семен Пакин говорил, что в деревянном *пупых* делается зарубка в виде ниши, в которую и вкладывается свинцовая, серебряная или золотая фигурка*...

Раз в год на *пупых* меняют одежды, причем допускаются к этой церемонии наиболее старые и уважаемые люди числом не более трех. Во время переодевания они огораживают *пупых* берестяной ширмой так, чтобы никто из посторонних не мог видеть фигурку. Молодым смотреть на эту фигурку не разрешается...

По приезде на место был разведен большой костер, и в то же время Хуры Хум наложил в длинную деревянную миску масла, баранок, хлеба и поставил ее перед Чохрынь Ойка. После того, как миска постояла перед ним, ее убрали и содержимое съели. На площадке перед помостом положили бревно, на которое сел вогул и принялся ворожить на старой сабле, сохраняемой для этой цели. Сабля висела под навесом, к концам ее привязали полотенце и за его середину левой рукой взялся старик. Сидел он, опершись левым локтем на колено. Через некоторое время рука его начала судорожно подергиваться, а затем подергивание передалось на все тело. Сообразно с этим качалась и сабля. Поворожив таким образом минут десять, вогул объявил ответ Чохрынь Ойка, благоприятный для Хуры Хум, что предстоящая охота принесет хорошую добычу. После окончания ворожбы на площадку вывели теленка, который все это время был привязан позади помоста. Его поставили головой к изображению, и Хуры Хум покрыл его платком с завязанными в углах монетами. Впоследствии этот платок вместе с прочими вещами Хуры Хум взял с собой. Справа от теленка встал другой вогул и по знаку, данному Костей, он оглушил теленка ударом обуха между рогов, после чего Костя заколол его ножом в сердце.

Теленку дали немного полежать перед помостом, а затем, оттащив его в сторону, принялись свежевать. Часть мяса, как ребра, ноги, печень, легкое и горло съели сырым, а все остальное положили в котел, который к тому времени был подвешен над огнем. Когда мясо сварилось, его выложили в длинную миску и поставили пе-

* На одном из культовых мест в бассейне р. Ляпин находилось деревянное изображение духа-покровителя, на тулове которого был вырезан паз и в него уложена литая свинцовая антропоморфная фигурка [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 75]. - *Прим. авт.*

ред Чохрынь Ойкой, где оно простояло минут десять. В это время все присутствующие молча встали перед помостом, наклонив голову: женщины стали сзади всех, опустив на лица платки.

После того принялись за еду и, вторично постояв перед помостом, стали собираться в обратную дорогу, двинувшись в том же порядке, как приехали сюда”.

Судя по рисунку В.Н. Чернецова, крыша навеса была выполнена из бересты*; под навесом перед фигурой *Чохрынь-ойки* располагался стол. Два сундука стояли на полках, изготовленных из тонких палок с развилками. К стволу и ветви одной из рядом стоящих берез были привязаны берестяные туеса с жертвенными платками.

Какие же изменения произошли здесь за шестьдесят лет? Святилище продолжало функционировать практически на том же месте, перенос фигуры или амбарчика в пределах одной территории на протяжении длительного времени не являлся исключением из правил. Претерпела частичное изменение фигура самого *Чохрынь-ойки*. На рисунке В.Н. Чернецова фигура духа-покровителя, выполненная из бревна большого размера, была вкопана в землю либо прислонена к задней опоре навеса. Большие размеры фигуры исключали возможность хранения ее в традиционном культовом амбарчике, следствием чего и стало сооружение двускатного навеса. Возможно, определенную роль в создании подобного, открытого, “жилища” сыграло и восприятие *Чохрынь-ойки* как “Стрекозы-старика”. Навес периодически воссоздавали (изменялась его форма), но к моменту нашего приезда фигура *Чохрынь-ойки* была выполнена в значительно меньших размерах, на голове отсутствовала традиционная островерхая шапка; легкие белые одежды и закрепление фигуры над землей свидетельствовали о том, что здесь “живет” дух-покровитель в облике стрекозы. В целом, святилище значительно упростилось: отсутствовали стол, помост для прикладов, жерди для жертвенных шкур, но по-прежнему важными элементами ритуальной площадки являлись деревья с воткнутыми в их стволы ножами.

Обнаруженные нами фигуры еще двух *пупыгов* с “лицами”, выполненными с помощью блюдец, видимо, были перенесены из пустых домов в Усть-Тапсуе, хозяева которых уже умерли, на поселковое святилище (напомним, что к *Чохрынь-ойке* везли не только жертвенного оленя, но и домашних покровителей). Судя по информации И.В. Анемгурова, одна из фигур носила имя *Торум-пупыга*, вторая, наиболее вероятно, изображала его жену или сына.

* Аналогичный двускатный берестяной навес являлся жилищем бога войны *Хонт-Торума* [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 59 - 60].

Еще одно место *Чохрынь-ойки*, находившееся в шести километрах от селения Вежакары вверх по Оби на ее правом берегу, в 1965 г. было посещено З.П. Соколовой: "На высоком лесистом мысу стоит высокая старая лиственница, в которую воткнуто около 150 ножей (иногда вместо ножа приносили иглу, скальпель или ножницы). К каждому ножу привязан лоскуток с табаком (обычное приношение - "*Чохрынь-ойка* любил курить")... *Чохрынь-ойка* "помогает" вылечить болезни. Ему жертвуют ножи и табак, зимой нож втыкают в стену дома, а весной или летом в лиственницу. Здесь это уже вторая лиственница, первая засохла, проткнутая ножами. Сюда приезжали ханты и манси из разных мест... Тот, кто для жертвоприношения не мог приехать сам, оставлял приношение в Вежакарах. У нашего информатора было несколько таких ножей, с ним он и пришел к *Чохрынь-ойке*. Женщины к самой лиственнице обычно не подходили, а разводили костер на берегу реки. Мужчины разводили костер недалеко от дерева. Около лиственницы стоит деревянный стол, на него кладут угощение и ножи, принесенные с собой. В стакан жертвователю наливает вино *Чохрынь-ойке*, оно некоторое время стоит на столе, потом его выпивают. Питье сопровождается обращением к *Чохрынь-ойке* с просьбой об исцелении. Затем нож втыкают в дерево... На горе *Чохрынь-ойка* нельзя ломать деревья, рвать траву..." [1971, с. 220 - 221].

Таким образом, мы имеем достаточно подробную информацию о трех святилищах *Чохрынь-ойки*: на оз. Турват, в Усть-Тапсуе и у селения Вежакары. В первом и во втором случаях полученные сведения относятся к разным хронологическим периодам (конец XIX в. и 1990 г.; 1926 и 1989 гг.). По вышеприведенной информации В.Н. Чернецова, духи-покровители на оз. Турват и в Усть-Тапсуе являлись братьями, однако общими для них можно считать, пожалуй, только функции покровительства в охотничьем промысле, оленеводстве, рыбной ловле, излечении от болезней, а также яркий отличительный атрибут приношения - нож с лезвием, обмотанным куском ткани. На ритуальной площадке практически всегда находятся стол, жерди для жертвенных шкур, кострище и деревья с воткнутыми в их стволы ножами. Следует отметить и широкую известность этих мест во всем бассейне Северной Сосьвы, которая приводила к обычаю передавать подарки *Чохрынь-ойке* через хранителей посвященного ему культового места.

Тем не менее, каждое святилище имело специфические признаки. По-разному (и в разное время) выполнялась фигура центрального персонажа: чаще это антропоморфное деревянное изваяние (Турват, XIX в., Усть-Тапсуй), реже - выполненное из ткани (Турват, 1990 г.). Иногда оно вообще отсутствует (Вежакары). Уральского *Чохрынь-ойку* выделяют более ярко выраженные функции охранителя оленеводства.

Представлены два типа “жилища” *Чохрын-ойки*: дощатый *ура* и навес (о причинах сооружения последнего говорилось выше). Ряд признаков позволяет относить *Чохрын-ойку* к категории лесных духов: украшение боковых стоек амбарчика на Турвате личинами *менкво*, изготовление фигуры *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе (1926 г.) наподобие деревянного изваяния *менква*; центральное место, отведенное лиственнице (дереву *менква*) на святилище в Вежакарах; упоминание в преданиях *Чохрын-ойки* среди лесных духов, осуществляющих суд.

Подводя итог, необходимо отметить, что *Чохрын-ойка* являлся одним из наиболее популярных персонажей среди пантеона мансийских богов и духов-покровителей, о чем свидетельствуют массовое изготовление его фигур (или его сына) и хранение их на поселковых и домашних святилищах. Причиной популярности культа *Чохрын-ойки* были присущие ему функции охраны наиболее значимых занятий манси - охоты, оленеводства и рыболовства, а также его широко известные лекарские умения.

* * *

В Усть-Тапсуе нам удалось ознакомиться с домашними фетишами И.В. Анемгурова, хранившимися в окованном сундучке на чердаке дома у задней стены. Семейным покровителем являлся *Отыртыг* “Сын богатыря”, представлявший собой антропоморфную фигуру, выполненную из множества намотанных один на другой платков. Поясом служила желтая косынка из легкого газа. На голову была надета островерхая шапка из шести клиньев сукна желтого и зеленого цвета. В сундуке также лежали два узла с жертвенными платками.

Святилища в бассейне реки Тапсуй

Река Тапсуй - крупный правый приток Северной Сосьвы. По ее берегам еще в середине столетия располагалось более десятка мансийских селений. Сегодня их нет. По всему течению реки проживает только три семьи и следует с горечью признать, что новое тысячелетие одна из самых красивых рек Западной Сибири встретит пустынными берегами.

Тимка-пауль

Одним из крупных поселков на Тапсуе был Тимка-пауль, располагавшийся в его верхнем течении. Селение окончательно пе-

рестало существовать еще лет двадцать назад, не выдержав разрушительного наступления лесоразработок. Сегодня здесь осталась одна семья А.Т. Дунаева, который вместе с женой и несколькими детьми в возрасте от года до двадцати лет пытается удержаться на земле своих предков. Дом, стоящий на краю разбитой тяжелыми лесовозами дороги, несколько развалившихся построек, - все это производит крайне гнетущее впечатление. Но люди живут, и за вечерним разговором хозяин гордо сообщает, что он - удачливый охотник, одних медведей за свою жизнь ему удалось убить больше десятка. Вторая жена А.Т. Дунаева, родом с верховьев Лозьвы, рассказывает, что до сих пор по р. Вижай есть священное место. *Мы проезжаем - закрываемся платком, мы чужие, своим нужно отвернуться. Нельзя втыкать весло в песок. Один мужик на Лозьве уронил в таком месте на лед хорей и поднял его - домой приехал, а у него руки встали. И ниже Налумпауля, следующий поворот по Тапсую - тоже священное место, женщинам нельзя выходить.*

Хранит А.Т. Дунаев и своих домашних покровителей. В правом углу комнаты за занавеской стоит чемодан, ниже на полке - две иконы. Рядом на стене висит *санквылтап*. В чемодане хранится фигура *Чохрын-ойка-пыга*, сына *Чохрын-ойки*, а также подарки духам-покровителям - платки и шкурки соболя (рис. 32). Здесь же временно находятся жертвенные платки для *Чохрын-ойки* и *Луи-хум-ойки*, при случае хозяин передаст их У.В. Анемгурову (он живет значительно ниже по реке), который отвезет платки в Усть-Тапсуй, или Алкадьевым для одного из святилищ на Северной Сосьве.

Фигура сына *Чохрын-ойки* выполнена из нескольких разноцветных платков; получившаяся таким образом одежда подпоясана

Рис. 32. Чохрын-ойка-пыг в "святом" чемодане.

желтым шерстяным шнуром; голова в розовой шапочке, глаза и рот обозначены металлическими пуговицами с серпом и молотом, нашитыми на черную ткань. В жертву данному духу-покровителю приносили оленя, убивая его прямо в комнате. *На кровать стелим оленю шкуру, на нее ставим чемодан. Зверек в нем - соболек летний. Вытаскиваем из чемодана платки, на спину оленю кладем, молимся. Кланяемся семь раз, поворачиваемся один раз "по солнцу", все молча, шуметь нельзя, женщины стоят чуть в сторонке, близко не подходят. Потом платки убираем и убиваем оленя. Кровь животного при этом не должна пролиться на пол: после разрезания шкуры хозяин кружкой вычерпывает кровь, наливает ее в чашку, в другую кладет кусочек мяса и вместе с рюмкой водки ставит Чох-рын-ойка-пыгу. Если даже ребенок заболел, надо богов просить, чтоб пожалели, - оленя пообещаю забить, чтоб выздоровел, платок в ящик положу. Вырежешь из бересты оленя - как бы жертву приносишь. После жертвы настоящего оленя - фигурку берестяную сжигаем.*

Налум-пауль

Селение Налум-пауль (налми "прибрежный", налумт "на берегу"; поселок на краю берега) располагается на правом берегу Тапсуя в 60 км ниже по реке от бывшего селения Тимка-пауль. Сегодня здесь осталось только три дома и один житель, И. Дунаев, двоюродный брат А.Т. Дунаева.

Вход на чердак единственного жилого дома расположен над его тыльной стеной. В чердачном помещении слева от входа хранятся три чемодана и *пайп* (берестяной туес), ремень которого выполнен из лоскута лисьей шкуры. Большая часть *пайпа* заполнена шкурами лис и соболей; сверху лежит большой узел с платками, в углах которых завязаны монеты. В одном чемодане находятся две большие фигуры духов-покровителей, состоящие из множества намотанных друг на друга кусков ткани. В другом - изображение еще одного *пупыга*, выполненное из нескольких платков, в которые обернута шкурка белки; ее мордочка является "лицом" духа-покровителя. Оба чемодана заполнены массой платков с монетами в углах. На дне третьего чемодана, в левой части лежит узел с *арсынами*, в правой части - матерчатое изображение *пупыга*. Фигуры и узел накрыты жертвенным покрывалом с четырьмя фигурами всадников, выполненным из сукна синего и желтого цвета и отороченным мехом соболя (СМ18; рис. 33). Покрывало изготовлено в середине XX в. Его размеры 75 x 81 см. Лицевая сторона закрыта хлопчатобумажным платком, который в

двух местах подшит нитками к основному полотнищу. Углы украшены лентами синего и желтого сукна с зашитыми на концах монетами, низками зеленого бисера и маленькими медными колокольчиками. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх. Покрывало было накрыто большим куском ткани красного цвета.

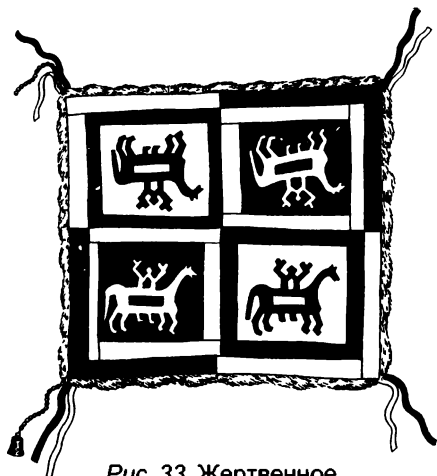

Рис. 33. Жертвенное покрывало (СМ17).

Снаружи дома к задней стене слева прибит помост (*пупыг-норма*), на который во время жертвоприношения животного ставятся чемоданы с *пупыгами* (рис. 34). Помост сооружен следующим образом: к стене дома вертикально прибиты две оструганные палки длиной около 20 см; к ним прибита горизонтально жердочка длиной около 40 см, являющаяся опорой для двух бревнышек, которые установлены параллельно земле таким образом, что их удаленные от стены дома концы опираются на два оструганных столба, вкопанных в землю, к которым привязывалось жертвенное животное. Высота помоста 170 см, ширина 75 см. На части помоста, непосредственно примыкающей к дому, лежат одна на другой пять досок, которые раскладываются по всей длине помоста непосредственно

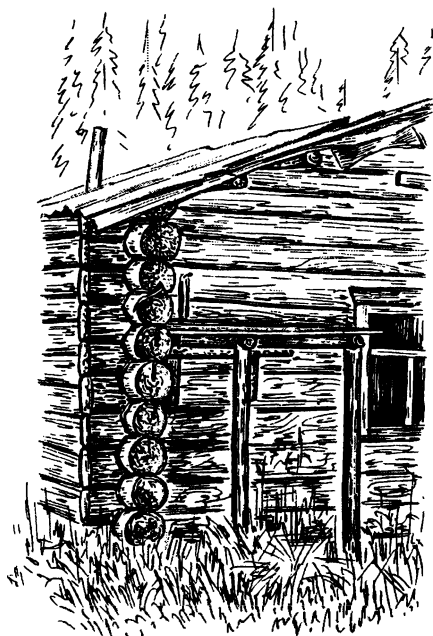

Рис. 34. Пупыг-норма на задней стене дома.

перед установкой на него чемоданов с культовой атрибутикой. Выше помоста на гвоздь повешен кожаный ошейник с двумя колокольчиками, оставшийся от убитого оленя, а также связка красных, зеленых и синих лоскутков ткани с тремя завязанными моне-

тами и кольцом. В угол венца воткнут олений рог, а в щель - полиэтиленовый кулек, в котором находятся шкурка серой белки и платок с монетой. Между деревянным креплением помоста и стеной дома лежит обух топора. Подобная полка устроена и у соседнего дома.

В 10 м от задней стены дома на стволе березы висит череп медведя, под деревом лежит несколько берестяных масок. В амбарчике, стоящем рядом с домом, на задней полке хранится атрибутика медвежьего праздника: модели стрел, деревянные "журавль" и "лошадь", *санквылтан*.

К сожалению, И. Дунаева дома не оказалось, а наш проводник, сын А.Т. Дунаева, прокомментировать увиденное не смог. Представляется, что хранение на чердаке дома сразу четырех фигур духов-покровителей (в трех чемоданах) связано с перенесением фетишей родственников И. Дунаева после их смерти в одно место. Необходимо подчеркнуть, что четырехпольное жертвенное покрывало - первое, зафиксированное у жителей мансийских селений, которые располагаются в бассейне р. Тапсуй. Изделие по внешнему виду не выходит за рамки канона и напоминает покрывала, встреченные (как мы увидим ниже) в Хулимсунте у Н.А. и В.А. Пуксиковых.

Обнаруженные атрибуты медвежьего праздника и череп животного говорят о сохранившейся традиции отмечать удачную охоту на медведя.

Святылище Ялпынг-Аки

Манси, проживающие в бассейне Тапсуя, смогли сохранить и одно из межпоселковых святылищ. В 1992 г. его посетила группа уральских исследователей; основные результаты их работы были опубликованы в 1997 г. в материалах Второго Международного конгресса этнографов и антропологов, проходившего в Уфе.

По сообщению Г.Х. Самигулова, святылище *Ялпынг-Аки* "Священного Деда" расположено на высокой гриве правого берега Тапсуя. Вся территорию гривы называют *ялпынг ма* "священная земля", женщинам ее посещать запрещено. В смешанном лесу выделяются небольшие поляны размерами примерно 8 x 10 м, на которых расположены святылищные амбарчики. Они представляют собой домики из кедровых тесаных досок размерами до 170 x 80 x 70 см, стоящие на высоких кедровых пнях на высоте около 170 см. Всего на святылище три лабаза в относительно хорошем состоянии, один новый; фиксируются остатки еще пяти сооружений. В предпоследнем по времени постройки амбарчике находились остатки шкурок, истлевшие куски ткани, фрагменты

шаманского костюма и бубен, а также большое количество стрел и наконечников (около 200 шт.) как охотничьих промысловых, так и votивного характера.

У двух поздних лабазов под левым передним углом располагаются изваяния, изображающие *Ялпынг-Аки*. Они выполнены из корневой части кедра. Головы фигур заостренные, проработаны голова и шея. В одном из лабазов хранится фигура, изображающая медведя, который также как и *Ялпынг-Аки* считается “хозяином” этого места [1997, с. 85 - 86].

По информации А.Т. Дунаева, это место “всех Дунаевых”, а последний амбарчик делал его дядя Петр Васильевич лет 15 назад. Раньше сюда приходили и с Сосьвы, и с Пелыма. Полное имя духа-покровителя - *Тапс-Ялпынг-аки* или *Тапс-Ялпынг-ойка* “Тапсуйский Священный дед” или “мужчина”. Зимой ему приносили в жертву оленя прямо на святилище. Посещать место можно было и летом, *чтобы удача была*, тогда угощали духа-покровителя стопкой водки и клали платок с монетой. По словам А.Т. Дунаева, фигура *Тапс-Ялпынг-ойки* хранится в самом амбарчике и выполнена из ткани: именно на фигуру наматывали и новый *арсын*. Другой платок, а также стрелы в подарок клали внутрь амбарчика. Произносили молитвы, просили здоровья и удачи в охоте.

Иногда жертвоприношения совершались совместно с пелымскими манси, которые пригоняли одного или нескольких оленей. Забивали оленей тапсуйские и пелымские отдельно. Общая жертва составляла пять-шесть оленей. Перед забоем на спину им клали куски ткани и *коврики* с бахромой по краям. Сначала били топором по затылку, затем - ножом в сердце. Туши разделявали на месте, варили головы, остальное мясо привозили домой.

Возвращаясь к сообщению Г.Х. Самигулова о данном святилище, следует высказать предположение о том, что описание содержит некоторые неточности. Нам представляется, что фигура *Тапс-Ялпынг-аки* в действительности находилась внутри амбарчика, а стоящие у левой опоры деревянные изваяния выполняли известную функцию “охранителей”, духов менее высокого ранга. Трудно судить, что конкретно имел в виду автор, говоря о том, что в лабазе хранилась фигура, изображавшая медведя: действительно ли это было изображение медведя или же так называли некую антропоморфную фигуру сами манси. В любом случае здесь нет большого противоречия: по нашему мнению, дух-покровитель *Тапс-Ялпынг-аки* воспринимался местными жителями как предок-покровитель в облике медведя. Доказательством этому может служить общепринятое на Северной Сосьве именование медведя как “Священного старика” или “Священного города старика” (*Ялп-ус-ойка*).

Селение ранее находилось на правом берегу Тапсуя в 5 км ниже устья р. Ворья, но сегодня его последние жители - Устин Васильевич Анемгуров и его жена Акулина Кирилловна (дочь Кирилла Самбиндалова из Яны-пауля, проводника В.Н. Чернецова), живут на левой стороне. Усадьба находится на расстоянии около полукилометра от берега, чтобы избежать весеннего затопления. Постройки включают новый и старый дома, баню, два лабаза.

На чердаке нового дома у задней стены стоит чемодан с *пупыгами* и жертвенными платками. В помещении *пупыг-нормы* нет. Хозяину не раз приходилось убивать медведей - у задней стены старого дома стоят три посоха для медвежьего праздника, на крыше лежит вотивный деревянный лук.

Хозяин дома, Устин Васильевич, известный рассказчик, поведал нам пару быличек и сказку (см. Прил. 5).

* * *

Кроме приведенной выше информации, о духах-покровителях жителей селений бассейна Тапсуя известно немного. А.Т. Дунаев рассказывал нам, что раньше в Нирус-пауле (Нир-воже) “держали” *Чохрын-ойку*. В дневниках В.Н. Чернецова имеется запись о том, что в данном селении в 1930-х гг. находился *пупыг* всех Пакиных - *Ялп-ус ойка-пыг*, хранителем которого был Ефим Пакин. Фигуру этого духа-покровителя, иногда называемого *Нирус-ойка*, в определенные годы возили в селение Вежакары, “в гости” к отцу - *Ялп-ус-ойке*. В селении Ворья-пауль, стоящем на правом берегу Ворья, манси Анемгуровы почитали *Вор-я Най экву - Каль-нехс (Не пупыг, мис не)*. В Хулумпауле у старика-шамана Пеликова (фратрия *Мось*) хранилась *Хулум-пауль най эква* [Чернецов, 1939, с. 24; Источники..., 1987, с. 151, 240].

Исходя из информации В.Н. Чернецова о том, что *Чохрын-ойка* являлся сыном *Ялтинг ойки* [Источники..., 1987, с. 37], следует заметить, что, таким образом, весь бассейн Тапсуя находился под патронажем одной “семьи” - отца и сына.

Домашние фетиши Т.И. Номина

В 30 км выше селения Хулимсунт по Северной Сосьве на левом берегу реки находился дом Т.И. Номина. Большая усадьба с хозяйственными постройками, крепкий дом, гостеприимные хозяе-

ва всегда привлекали путников, которые останавливались для отдыха, слушали рассказы Тихона Ивановича о “старине”, ибо за свои прожитые 85 лет он повидал многое. Не отказал он в ночлеге и нам, а разговор о мансийской истории затянулся далеко за полночь. В левом углу комнаты у задней стены находилась большая *пупыг-норма*, на которой стояли сундук и несколько больших матерчатых узлов; рядом на стене висели две иконы. Утром Тихон Иванович разрешил нам ознакомиться с его пенатами. Жена надела нарядное мансийское платье, украшенное вышивкой и повязала голову новым платком. Хозяин воткнул под притолокой нож, а на пороге, по его словам, должен был лежать топор. После этого он достал с *пупыг-нормы* сундук и два узла. Сундук несли впереди, за ним узлы. Выйдя из дома и обойдя вокруг него вместе с поклажей “по солнцу”, мы оказались на площадке *мань-кан* “малого святилища”. Туда предварительно принесли оленью нарту, на ее передок установили помост из досок, на него были поставлены узлы и сундук. Хозяйка окурила их дымящейся чагой, после чего Тихон Иванович принес жертвенную жердь (*тир-йив*) - и уложил ее в пазы вертикально установленных березовых столбиков. В нескольких метрах от этой конструкции были вкопаны два столба, к которым привязывали жертвенного оленя или коня. В пределах *мань-кан* находились также кострище и устройство для вывешивания шкуры жертвенного животного - жердь, положенная горизонтально на высоте 2,6 м от земли в развилки стоящих на расстоянии 4 м друг от друга березы и ели.

Сундук оказался заполненным шкурками соболя и платками, предназначенными *Калташ-экке*; на концах некоторых из них были привязаны медные колокольчики; на дне лежало несколько ножей, обернутых в ткань - подарки *Чохрынь-ойке*.

В левой части сундука находилась антропоморфная фигура *Няйс-талях-ойка-пыга* “Сына мужчины с вершины реки Няйс”. Его тулово выполнено из нескольких хлопчатобумажных и ситцевых платков красного и белого цвета; внутри одного из них лежала берестяная фигурка оленя; в углах платков завязаны монеты достоинством 10, 15 и 20 коп. выпуска 1940 - 1953 гг. Верхняя часть одеяния изготовлена из платка бордового цвета, на фигуру надет в качестве накидки “богатырский” шлем, перевязанный вместо пояса широким ситцевым платком красного цвета (рис. 35, а, б). Лицо *пупыга* сделано из костяного круглого кольца на голубой ленте и привязанного под ним серебряного блюда, покрытого толстым слоем жира - следами “угощения”. К кольцу на тонких цепочках прикреплен маленький медный топорик и значок с фигурой льва (рис. 35, в).

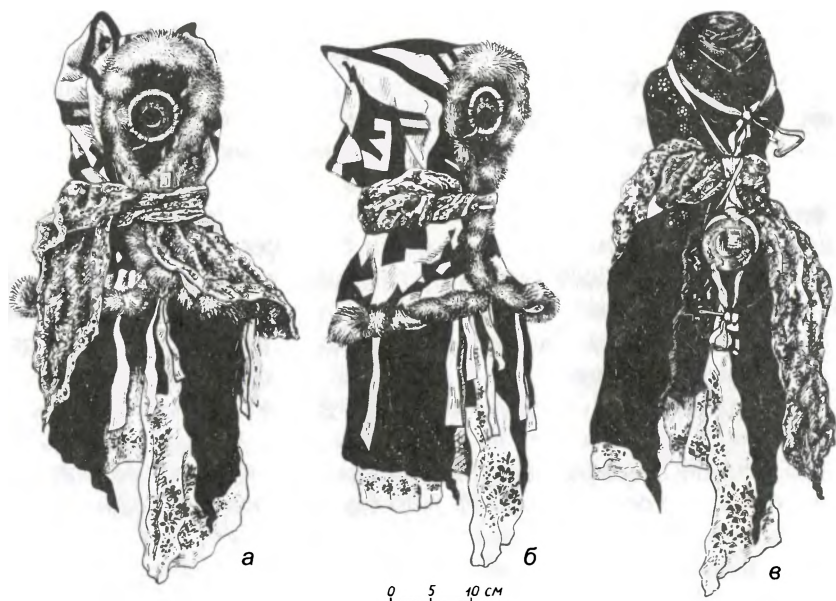

Рис. 35. Фигура Няйс-талях-ойка-пыга.

а - вид спереди, б - вид сбоку, в - вид без накидки.

Серебряное блюдце диаметром 7 см имело на лицевой стороне рисунок, нанесенный вокруг дна: охотник, держащий лук со стрелой, собака и бегущий олень; сцена происходит на фоне холмов и одинокого дерева (рис. 36). На блюдце выбито несколько клейм: цифры “84” обозначающие пробу серебра; герб Тобольска, представляющий собой пирамиду на пьедестале, с воинской арматурой,

знаменами, барабаном, алебардами; штамп пробирного мастера из двух букв и расположенных под ними цифр, означающих дату изготовления. К сожалению, сохранилась только первая буква - “М” и две цифры - “18...”. Известно, что на рубеже XVIII - XIX вв. в Тобольске работал пробирный мастер Михаил Богданов, подобным образом подтверждавший пробу серебряных изделий [Постникова-Лосева и др., 1983, с. 253]. Таким образом, данное блюдце изготовлено в первой четверти XIX в. в Тобольске.

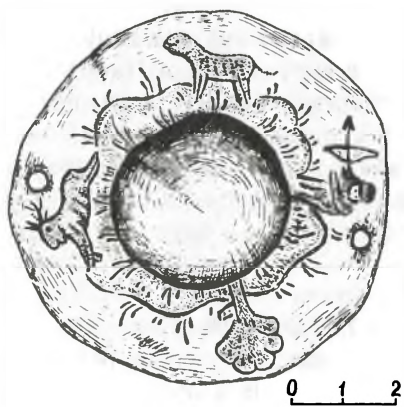

Рис. 36. Серебряное блюдце.
Первая четверть XIX в.

“Богатырский” шлем с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна желтого и синего цвета и оторочен мехом красной лисы (СМ19; рис. 37). Изготовлен в середине XX в. Высота изделия 53 см, размеры одного квадрата 23 x 25 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом “сидящий соболя” [Шешкин, Шабалина, 1993, с. 20], пришито семь кисточек из двух-трех лент желтого и синего сукна. В месте соединения квадратов пришит пучок желтых и синих лент, на конце одной из них привязан маленький медный колокольчик. Голова всадника обозначена ромбом, руки разведены в стороны, ноги показаны на тулове коня. Под животом коня имеется фигурка в виде “уголка”.

Маленький медный топорик, прикрепленный к костяному кольцу, безусловно, элемент не случайный. В мансийском сказании “Как Эква-пыриш* встретился с птицей Тоулынг-Карс” повествуется об одном старике, обратившемся к юному герою со словами: “Есть у меня топорикшко старый, возьми его себе. Его именем назовись. Теперь имя твое будет Унтвос-Лайи-Мими-Хыли (Сынок матери по имени топор Унтвос). В беду если попадешь, в несчастье ока-

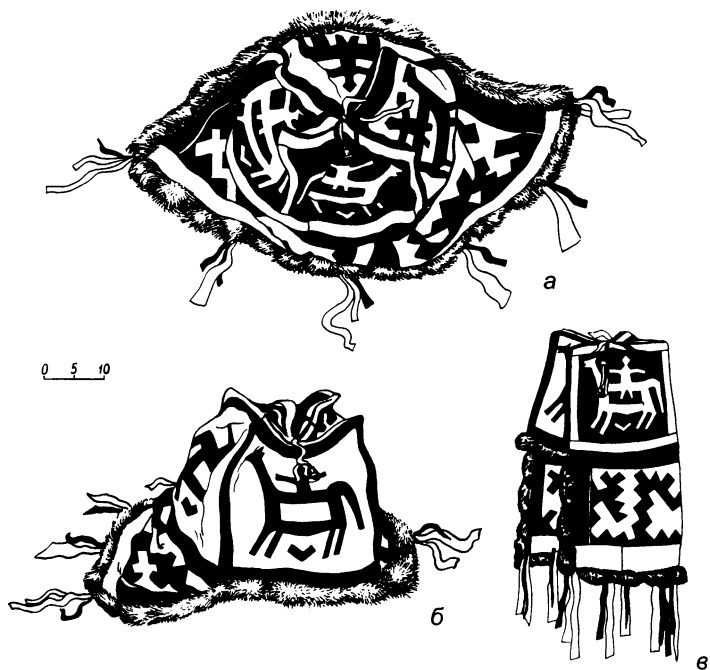

Рис. 37. “Богатырский” шлем (накидка) Няйс-талях-ойка-пыга (СМ19).
а - вид сверху, б - вид спереди, в - вид сбоку.

* Мир-сусне-хум в роли трикстера. - Авт.

жешься или колдовать станешь, этот топорик держи” [Чернецов, 1935, с. 50, 139]. Стоит лишь добавить, что топорик, знак *Эква-пы-рища*, в данном случае естественно сочетается с накидкой, украшенной конными фигурами *Мир-сусне-хума*.

В сундуке находилась и фигура *Хангласам-най-эква* (*Щань-ави*) (“Богини Огня из селения Хангласам”, располагавшегося на половине пути между домом Т.И. Номина и поселком Хулимсунт), выполненная из множества платков красного цвета и перевязанная двумя поясами, нижний из которых представлял собой две низки белых бус (рис. 38, а). Внутри фигуры находилась шкура красной лисы. “Лицом” духа-покровителя служило медное блюдце, прикрепленное желтыми лентами к тулову. Тулово в верхней части было

Рис. 38. Фигуры духов-покровителей.

а - Хангласам-най-эква,
б - Отыр-пыг.

обернуто широкой полосой бисера, на голову *пуньга* была надета шапка сферической формы из сукна оранжевого и синего цвета. Нижняя часть тульи была украшена орнаментом, верх головного убора состоял из четырех клиньев с изображениями стилизованных фигур, возможно, всадников.

В середине медного блюдца диаметром 12 см выбито изображение оленя, а по краям - фигуры охотника, натягивающего лук, и двух собак, разделенные между собой тремя розетками. Единственным отличием этого блюдца от подобных ему экземпляров, упомянутых О. Финшем и А. Брэмом [1882], опубликованных Н.Ф. Прытковой [1949] и И.Н. Гемуевым [1990], а также нашим блюдцем из Яны-пауля является его больший размер (диаметр ранее встречавшихся изделий составлял 7 - 9 см).

В сундуке хранился *Отыр-пыг* “Сын богатыря” - бронзовая фигурка всадника в кивере, с саблей на боку, попирающего двухголового змея (рис. 38, б). Фигурка выполнена, предположительно, в середине XIX в. Ее длина 11 см, высота 8 см.

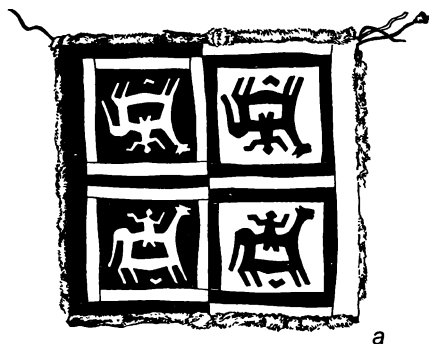
В матерчатом узле с *арсынами* лежали и два *ялпын-улама*.

Первое жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников сшито из сукна желтого и синего цвета и оторочено лисьим мехом (СМ20; рис. 39, а). Изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 68 x 68 см. К углам на полосках сукна синего и желтого цвета подшиты маленькие медные колокольчики. Фигура всадника на коне выполнена мансийской мастерицей аналогично изображению на приведенном выше “богатырском” шлеме; совпадает и цвет сукна.

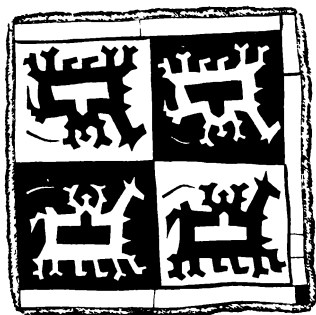
Второе покрывало с четырьмя фигурами всадников сшито из сукна красного и черного цвета и оторочено беличьим мехом (СМ21; рис. 39, б). Оно изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 65 x 65 см. В работе использовались нити из оленьих сухожилий. По периметру полотнища три его стороны увеличены за счет широких полос красного сукна. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх, в одной из них угадывается плеть, показанная лоскутком, вшитым в покрывало поперек основному полю.

Фигуры *Хангласам-най-эквы* и *Няйс-талях-ойка-пыга* были усажены хозяином дома на нарты; на помост, устроенный в их передней части, положены узлы с прикладами; фигурка *Отыр-пыга* привязана лентой к жертвенной жерди, на нее же повешены оба *ялтын-улама*, несколько платков, шкурки белок. Духам-покровителям поставили две рюмки водки, хозяева попросили у них извинения за беспокойство. После *пурлахты* “угощения” всю атрибутику собрали, сундук и узлы унесли также по направлению движения солнца; убрали нарты. Поставив все на *пупыг-норму*, хозяин вытащил из притолки ранее воткнутый нож.

На чердаке дома Т.И. Номин хранил шаманский бубен, выполненный из еще совсем белой оленьей кожи, его руко-

а

б

Рис. 39. Жертвенные покрывала.
а - СМ20, б - СМ21.

ятка была обернута куском оленьей кожи (рис. 40). Шаманский костюм хозяина дома и некоторые другие атрибуты, в том числе сабли, хранились в *сумьях* в тайге.

Рис. 40. Шаман Т.И. Номин.

Таким образом, культовая атрибутика Т.И. Номина включала три фигуры духов-покровителей (при их оформлении были использованы два шлема и два блюда), два жертвенных покрывала, шаманский бубен, приношения *Калтац-эке* и *Чохрын-ойке*. Как уже упоминалось выше, манси Номины издавна проживали в Няксимволе, а их основное культовое место располагалось в бассейне р. Няйс. По-видимому, при переезде Т.И. Номина (или его родителей) из Няксимво-

ля ближе к Хулимсунту фигура *Няйс-талях-ойка-ныга* была перенесена. Фигура *Хангласам-най-эке* могла оказаться в доме Т.И. Номина в связи с тем, что его вторая жена ранее проживала в селении Хангласам; фетиш ее родителей мог быть увезен после ликвидации поселка в результате политики укрупнения населенных пунктов.

* * *

Одно из местных святилищ находилось на берегу ручья *Эква-ойка-сос* "Ручей мужчины и женщины" в 15 км от дома Т.И. Номина. На жертвенной площадке было установлено несколько деревянных изваяний. Приходили туда жители селений Ильпи-пауль и Хангласам, включая женщин, обычно весной во время нереста. Люди собирались и договаривались - кто сколько может выделить оленей, их специально оставляли и не угоняли летом на Урал. Определяли цену оленя, сумму делили на всех. Количество оленей строго регламентировалось, в жертву могли быть принесены от одного до трех или семь животных. Числа четыре или пять считались неблагоприятными.

Эти два селения (зимнее и летнее) располагались в 10 - 15 км выше Хулимсунта на правом берегу Северной Сосьвы. В конце XVIII в. здесь насчитывалось 11 хозяйств общей численностью 25 чел., преобладающей фамилией были Адины [Перевалова, 1997, с. 330]. Переписью 1897 г. зафиксировано 7 хозяйств, объединявших 22 мужчины и 17 женщин [Патканов, 1911, с. 39]. Еще в конце 1980-х гг. на месте прежних юрт можно было увидеть остатки развалившихся построек.

Напомним, что одним из домашних духов-покровителей Т.И. Номина была *Хангласам-най-эква*. По сообщению Н.Л. Гондатти, кроме *Щань-Торум*, манси признавали еще одну женщину - дочь *Тахыт котль ойки* "Среднесосьвинского мужчины", жившую около Хангласанских юрт. Ее почитали за доброту и заступничество; раз в три года ей приносили жертвы с просьбой не оставлять своим вниманием людей [1888, с. 27]. По сведениям В.Н. Чернецова, *Хангласам-най-эква* "Великая женщина Хангласам" считалась одной из дочерей *Нуми-Торума*, но чаще упоминалась как старшая сестра *Тайт-котиль-ойки*. У нее было семь дочерей, три из которых жили в юртах на Оби. Иногда ее называли *Наращ-най* или *Порыхпан-эква* (лягушка); в этой ипостаси она выступала тотемом рода Пуксиковых из селения Хангласам. Однако здесь название *пурьпан эква* не употребляли, а говорили *Хал эква* "между кочек женщина" [Чернецов, 1939, с. 26; Источники..., 1987, с. 36, 239 - 240]. Владения *Хангласам най эквы*, по информации Е.И. Ромбандеевой, простирались на весь бассейн верхнего течения Северной Сосьвы, начиная от Нильдино. Она считалась хозяйкой ценных пушных зверей - соболя, горностая, бобра и выдры [1993, с. 57]. Богиню-покровительницу, "жившую" на р. Тап, также звали *Нярс-най-эква*, она была похожа на лягушку [Kannisto, 1958, S. 167]. Материалы, посвященные культу лягушки у обских угров, обобщены З.П. Соколовой [1975, с. 143 - 154]. О хранении в начале XX в. изображения лягушки в специальном амбаре и принесении ей жертвы у *Нарас-махум* на Северной Сосьве упоминал В.Н. Чернецов [Соколова, 1983, с. 135]. Свойственник потомка ляпинских князцов П.Е. Шешкина - Анемгуров - в 1960-е гг. был хранителем изображения *Хангласам-эквы*, *порьпан-эквы* (лягушки). В его амбарчике находилась фигура лягушки из дерева и мха в рост человека, в женской одежде, украшенная парчой и шелками; рядом лежали приношения - оружие, посуда, ткани [Она же, 1971, с. 216]. По словам нашего информатора Н.А. Пуксикова из Хулимсунта, самое святое место в бассейне р. Ялбыня - это святилище *Лус-хал-эквы* -

Лягушки, фигура которой сделана из дерева в рост женщины, на ней надеты платья и халаты большого размера (1997 г.).

В чемодане, находившемся на *путьг-норме* ханта Н.С. Новьюхова в селении Тутлейм на р. Вогулка, среди домашних фетишей хранилась фигурка лягушки (резиновая игрушка, завернутая в платок); считалось, что она приносит удачу в охоте и рыбалке (1997 г.).

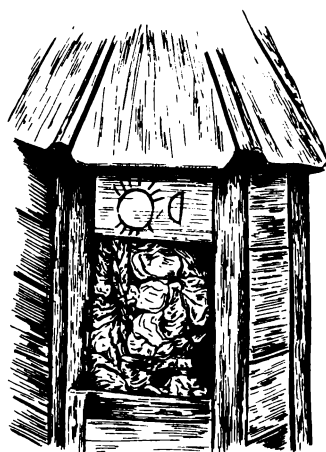
Святилище *Торум-ойки (Мир-сусне-хума)*

Данное культовое место располагалось между селениями Хулмсунт и Хангласам, но считалось святилищем жителей последнего селения. Для того чтобы попасть туда, нам пришлось подняться от устья Хулума вверх по его течению три километра; от левого берега в глубь леса по направлению на юго-восток шли еще около километра. Здесь в середине елового бора на поляне находился семигранный *сумьях* (*сат-ура*). Конструкция его уникальна для религиозной обско-угорской архитектуры и, скорее всего, является результатом влияния русской культуры: амбарчик имитирует формы православной шатровой церкви с луковичной главкой. Один из подобных храмов находился в с. Шаим, его фотография опубликована К.Д. Носиловым [1904, с. 149]. Тем не менее, отдаленные аналоги данной конструкции амбарчика и способа его установки нашли отражение в мансийском фольклоре: в сказании “Женщина-богатырь” упоминается “Семиугольный-на-Семи-Цепях-Повисший-Город” [Чернецов, 1935, с. 111].

Амбарчик был подвешен головкой к перекладине, лежащей на двух развилках жердей, которые были прислонены к двум стволам елей (рис. 41, а). *Сумьях* сооружен из досок, днище имеет форму семиугольника. К внутренним сторонам вертикальных стоек, выполненных каждая из двух совмещенных под углом узких досок, прибиты гвоздями по три широких поперечных доски. Крыша также состоит из семи досок, на стыках между ними уложены вытесанные в виде корыта на два ската небольшого размера охлупени; крышу венчает семигранная маковка. Высота амбарчика 135 см, диаметр днища 64 см, высота крыши 61 см, маковки - 14 см, ширина каждой стороны 24 - 28 см. Функцию дверцы выполняет одна из поперечных досок размерами 28 x 30 см, удерживаемая деревянным клином. Над дверью углем нарисованы изображения месяца и солнца (рис. 41, б). Отметим, что изображение солнца, вырезанное из дерева, было закреплено на фронте культового амбарчика *Шахэл-Торума*, находившегося около селения Анеево [Гемуев, 1990, с. 132].

а

б

Рис. 41. Культурный амбарчик Торум-ойки (Мир-сусне-хума).
а - общий вид, б - изображения солнца и месяца
над входным отверстием амбарчика.

К одной из стен амбарчика были подвешены модели луков, принесенные в подарок духу-покровителю по случаю рождения сыновей.

Когда мы пришли на место, его хранитель Н.А. Пуксиков развел костер (кострище находилось в 10 м перед входом в амбарчик), взял семь еловых веточек, поджег их от пламени костра и положил под *сат-ура*. Затем, вытащив запорный клин и убрав дверцу, он обратился к *Торум-ойке* (*Торм-ойке*), объясняя причину прихода. Все пространство внутри *сумьяха* было заполнено десятками платков с завязанными в углах монетами; здесь же находились стаканы и ложки. Наконец достали самого *Торум-ойку*, фигура которого представляла собой стрелу с вильчатым наконечником, обернутую несколькими слоями белой ткани (рис. 42). На наконечник стрелы была надета шапка, сшитая из семи клиньев сукна: четырех синего и трех оранжевого цвета. Шапка украшена шестью рядами оранжевых треугольников. Поверх нее была надета другая, островерхая, выполненная из четырех бордовых и трех синих клиньев сукна.

Рядом с фигурой *Торум-ойки* лежала средневековая серебряная чаша диаметром 14 см и высотой 3 см. Центр чаши украшен медальоном с изображением льва, остальная часть лицевой поверхности покрыта растительным орнаментом из различного вида цветов и ветвей листьев, заключенных в сегменты, которые ограничиваются тонкими полосками. Данные полоски образуют несколько

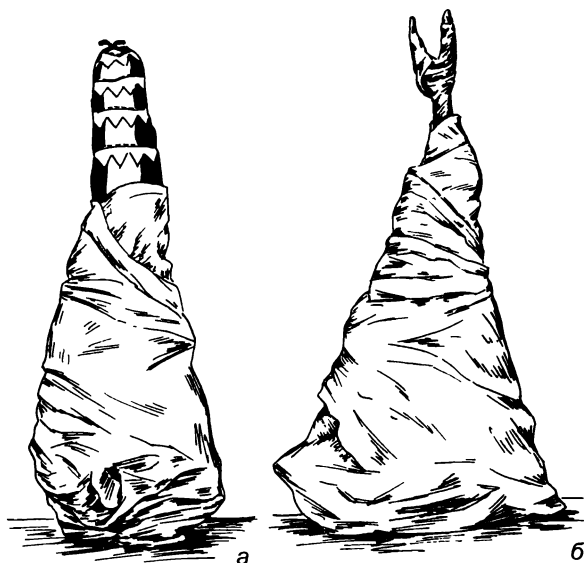

Рис. 42. Фигура *Торум-ойки*.
а - вид в шлеме, б - без шлема.

шестиконечных звезд разного размера. В двух отверстиях в крае блюда был закреплен кожаный шнурок (рис. 43).

Здесь же находилась бляха с графитти - фигурой человека в кафтане с копьем и саблей, которая считалась изображением самого *Торум-ойки*. Диаметр бляхи составляет 6,5 см; она выполнена из серебра, лицевая сторона позолочена. Фигуру воина отличает крупная круглая голова с большими раскосыми глазами, носом треугольной формы, выделенными бородой и усами; волосы не показаны. Лезвие сабли и наконечник копья заштрихованы царапинами. По краям бляхи просверлены два отверстия для крепления (рис. 44, а).

Торум-ойке поставили бутылку водки. Хранитель места произнес соответствующие молитвы, и присутствующие трижды повернулись вокруг себя "по солнцу". Затем выпили из одного стакана немного водки, а несколько капель вылили в костер.

До конца 1940-х гг. *сумьях* стоял на берегу р. Ялбынья, затем отец Н.А. Пуксикова перевез его ближе к селению, чтобы святилище могли посещать и женщины. Оленей забивали прямо напротив *сат-ура*. Расстеленную на снегу шкуру и одну половину туши ос-

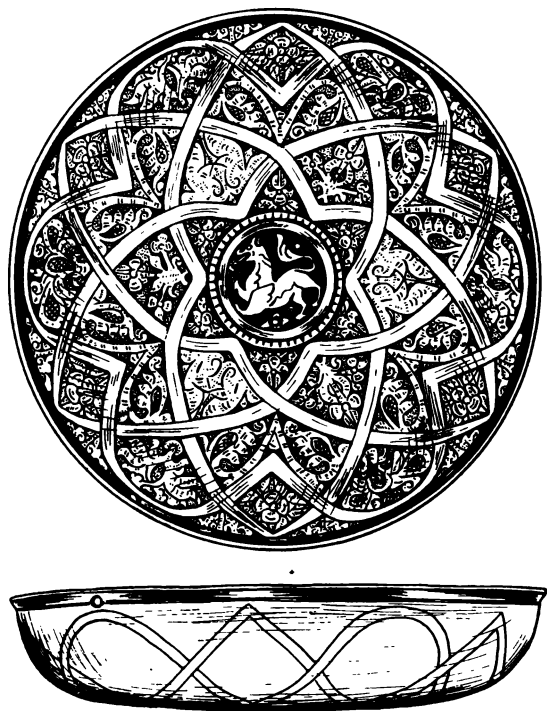

Рис. 43. Средневековая серебряная чаша.

тавляли на ночь, а другую увозили домой. На второй день возвращались и варили оставленное мясо, остатки забирали в поселок. Сырое мясо можно было есть только дома, на святилище это было запрещено, не пили здесь и кровь. Это место не было семейным святилищем Пуксиковых, его посещали и зимой, и летом все жители селений Хангласам и Хулимсунт, кроме беременных и “нечистых” женщин, а также снох. Возвращаться было принято той же дорогой, какой пришли. После возвращения в *пауль* гуляли у хранителя места. Святилище посещали и по поводу болезни.

По словам Т.И. Номина, к *Торум-ойке* приходили каждый месяц перед новолунием. Жертвоприношение коня, бычка или оленя совершали один раз летом и один раз на Новый год. В остальных случаях приносили новые платки и устраивали “угощение”.

Н.А. Пуксиков разрешил нам забрать блюдо и бляху, предварительно выкупив их у *Торум-ойки*: несколько серебряных монет было брошено внутрь *сумьяха*.

* * *

Вернемся еще раз к бляхе с изображением *Мир-сусне-хума*, обнаруженной в амбарчике. Ей трудно найти аналоги среди произведений изобразительного искусства манси. Нам представляется, что сюжет данного рисунка был заимствован неизвестным мастером с одного из сасанидских блюд, широко встречавшихся в эпоху средневековья по обе стороны Урала. Они попадали на Север в результа-

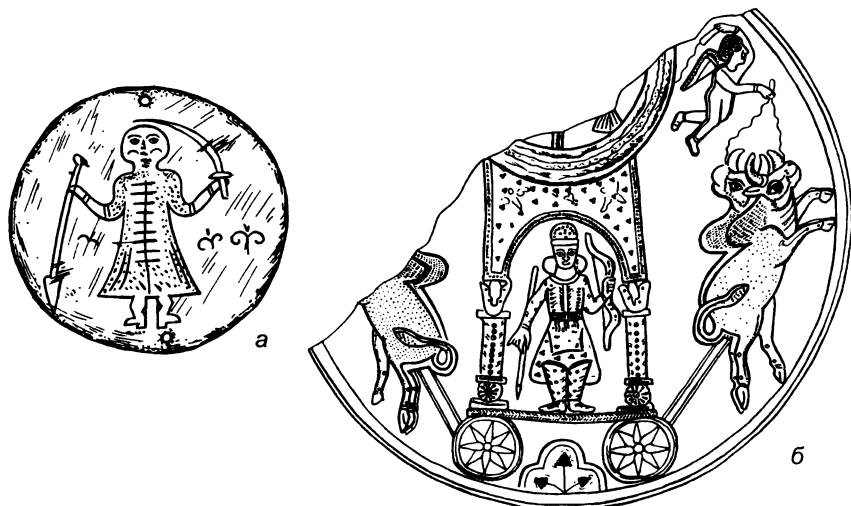

Рис. 44. Бляха с изображением *Мир-сусне-хума* (а) и фрагмент серебряного блюда с изображением “часов Хосрова” (б).

те торговых связей; местное население чаще всего использовало их в культовой практике. В нашем случае речь идет о серебряном блюде с изображением “часов Хосрова” (VII в.). Одно из блюд с указанным сюжетом было обнаружено в 1907 г. около дер. Климовой Пермской губернии в составе богатого клада и сегодня хранится в Эрмитаже. На нем изображена сложная сцена: четыре зебу везут двухъярусную колесницу с двумя человеческими фигурами. Нижняя фигура воина изображена в полный рост. В правой опущенной руке находится стрела, в приподнятой левой - лук. Голова показана в фас, торс - передней стороной, сапоги - носками врозь. Одевание состоит из длинного кафтана и прямых штанов, расширяющихся у колен (рис. 44, б) [Тревер, Луконин, 1987, с. 111]. Какие же элементы заимствовал мансийский художник? Прежде всего позу, а также покрой кафтана, правда, доработанный с учетом особенностей одеяния русских воинов эпохи завоевания Сибири, парные полосы, обозначающие края рукавов кафтана, узоры и насечки, покрывающие одежду; застежки одежды и форму сапог (штаны с раструбом у колен?). Аналогично выполнена и голова воина: широкое лицо с большими глазами и бровями, закрытая шея. Одним из совпадающих элементов является оружие, находящееся в правой руке. По мнению К.В. Тревер и В.Г. Лукониной, длинное древко, возможно, говорит о том, что изображен дротик [Там же, с. 111]; мансийский мастер также изобразил нечто похожее на копье. На бляхе слева и справа от человеческой фигуры находятся изображения трех-, четырехлепестковых крестиков, которые можно увидеть на блюде над аркой: средний крестик поставлен прямо, а боковые - с наклоном. Следует отметить и одинаковую форму (круг) рассматриваемых изделий.

Безусловно, речь не идет о том, что рисунок на блюде, хранящемся в Эрмитаже, послужил образцом для изображения *Мир-сусне-хума* на бляхе. Блюда изготавливались сразу в нескольких экземплярах (ярким примером является Аниковское блюдо и его двойник из Верхне-Нильдино, кстати, тоже обнаруженные по разным сторонам Урала; речь о них пойдет ниже) и детали сюжета одного из них вполне мог заимствовать практически через тысячу лет неизвестный мансийский мастер.

Ялбынья “Святая река”

В бассейне Северной Сосьвы известны, как минимум, три реки Ялбыньи: первая впадает в Сосьву ниже Сартыньи, вторая выше Хулимсунта, третья является правым притоком Волыи. С давних времен эти реки связаны с расположенными на их берегах “святыми”

местами, и проезд по ним или напротив их устьев был сопряжен с многочисленными запретами. Как писал Н.Л. Гондатти, "...проезжая мимо этого места, особенно против Елбын-я... можно только грести веслами, но не отпихиваться шестами или тянуться бечевой" [1888, с. 25].

В нашей книге речь пойдет о р. Ялбынья, которая впадает слева в Северную Сосьву в 10 км выше селения Хулимсунт. В бассейне этой реки располагалось несколько мансийских святилищ, ряд из них функционирует до сих пор.

По рассказам наших информаторов, на Ялбынью мужчинам "рода" Алкадьевых и любым женщинам заезжать было нельзя. Это места Анемгуровых, Адиных и Пуксиковых. Одну русскую женщину муж завез на Ялбынью, *так у нее челюсть перекосило. Через три дня Никита Анемгуров повесил жертвенный платок на "святом" берегу Ялбыньи и челюсть у женщины поправилась.*

Уже само устье считалось "святым" местом, а в нескольких километрах выше по реке, на ее правом берегу, стояло семь деревянных изваяний *менквов*. По словам Т.И. Номина, они "сторожили" дорогу к духу-покровителю по имени *Воял-ойка* (*Воял-ойка - значит счастье человека. Ма ехне хум, Вит ехне хум - Землю объезжающий человек, Воду объезжающий человек. То же, что и Торум-ойка*). Главное жертвоприношение совершалось один раз в три года - в начале марта, на новолуние, при этом в гости к *Воял-ойке* привозили изображение *Хангласам-най-эквы*. Приезжали сюда манси из разных мест, в том числе из Ивдельского района, р. Ворья и Ломбовожа. Обряды проходили в течение трех дней, ночевали в полутора километрах ниже святилища. Когда шли на место, то в обувь под стельки клали куски бересты (ступни ног оборачивали берестой мужчины на святилище *Халев-ойки* около Анеево). К самой фигуре *Воял-ойки* подходили только двое стариков, остальные находились в этот момент у костра (хранителем *Воял-ойки* в 1989 г. был житель Хулимсунта Н.В. Адин). Количество убитых оленей могло доходить до числа "семь по семь", т.е. 49. Лошадей и коров в жертву не приносили. *Йир* делали и зимой. Принесение хантами в жертву одному их духов-покровителей верховьев Казыма "семь по семь" оленей на зимнем празднике отмечено А.В. Головневым [1997, с. 88].

Упоминание *Воял-ойки* как *Торум-ойки* и *Воль-торум-ойки* позволяет соотнести его с *Мир-сусне-хумом*.

По информации В.А. Пуксикова, в верховьях реки, в предгорьях Урала, расположено "шаманское место". В ложбине между двумя холмами стоит *ура*, треугольный в сечении; его перекрывает навес, одной опорой которого является высокий пень, вторая опора навеса держится за угол крыши амбарчика. Слева от *ура* в виде

конуса установлены три камня, на которых лежит потемневшее от времени серебряное блюдо, полное монет. Диаметр блюда составляет около 25 см, на нем изображены четыре фигуры всадников на скачущих конях. Хвосты короткие, приподняты вверх. По краю блюда выполнены также какие-то рисунки. Перед чашей установлены семь деревянных идолов, в центре - "отец", за ним в два ряда, расходящихся в стороны, шесть "сыновей". Головы идолов вытянутой формы, заостренные в верхней части, показаны глаза, рот и нос. Рядом с чашей лежали костяные и железные наконечники (рис. 45). На это место, по словам информатора, съезжались шаманы с верховьев Сосьвы и Ляпина. Есть основания предполагать, что данное святилище и есть "место *Воял-ойки*".

Летом 1997 г., выехав из Хулимсунта вместе с манси В.А. Пуксиковым и С.И. Анемгуровым, мы вчетвером поднялись вверх по Ялбынье приблизительно на 100 км к охотничьей избушке Н.А. Пуксикова.

Первая остановка была сделана на берегу Северной Сосьвы напротив устья Ялбыньи. В.А. Пуксиков открыл бутылку и налил немного водки в кружку, которую поставил на ствол лежащего дерева рядом с зажженной чагой - *это у нас как стол. Пока чага горит - всё должно стоять на столе.* Когда чага прогорела, В.А. Пуксиков выпил водку из кружки, затем из другой кружки каждый из нас выпил по глотку водки, предваряя это пожеланием: *Торум ет, отыр ет; пус кат пус лагыл* "С Богом, с богатырем; пусть ноги и руки будут целы". Еще в прошлом веке северные вогулы

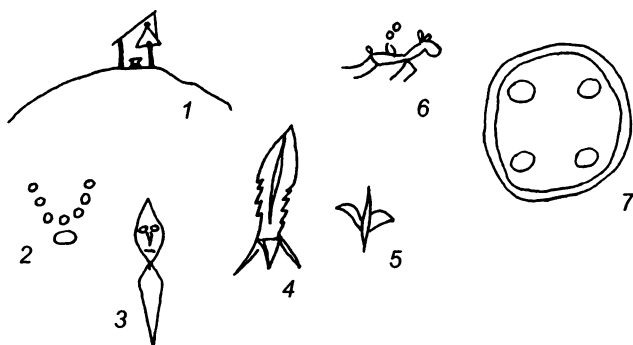

Рис. 45. Святилище в верховьях р. Ялбынья.

1 - амбарчик (ура) под навесом, 2 - схема расположения деревянных изваяний *менквов* перед блюдом, 3 - фигура *менквы*, 4 - железный наконечник стрелы, 5 - костяной наконечник стрелы, 6 - фигура всадника, изображенная на блюде, 7 - блюдо (кружки показывают расположение фигур всадников).

Рисунок выполнен информатором В.А. Пуксиковым.

произносили подобную молитву, обращаясь к своим богам: “Содержи мои руки и ноги здоровыми!” [Kannisto, 1958, S. 158; Карьялайнен, 1996, с. 86].

Въехав в устье Ялбыньи, мы бросили в воду несколько монет, т.к. попали на реку впервые; монеты заранее приготовил В.А. Пуксиков, организатор поездки. Двенадцать “песков” (поворотов реки с песчаными отмелями) длится “святой” берег, что составляет 1,5 - 2 км. Мужчинам-манси не разрешается выходить здесь на берег, справлять нужду или плевать в воду. Около реки проходит “женская” дорога, мужчинам там ходить не полагается.

Приблизительно через полкилометра от въезда в устье нам преградил дорогу завал. Манси остались сидеть в лодке, т.к. им нельзя было выходить на берег в этом месте. Вдвоем с нашим сотрудником К.А. Алехиным мы перерубили упавшие в воду стволы деревьев. Добравшись до места, где заканчивался “святой” берег, все вышли на левый берег реки; раньше здесь стоял стол, сейчас же только валялось множество пустых бутылок. По словам наших спутников, на правом берегу в 1,5 км от этого места стояли деревянные изваяния *менквов*. Валера зажег маленький кусочек чаги, налил в кружку немного водки и поставил ее рядом с чагой. Минут десять мы стояли и разговаривали о предстоящем маршруте. Затем все, глядя на чагу и кружку с водкой, поклонились семь раз, дважды повернулись вокруг себя по направлению движения солнца. При этом манси молча, про себя, просили о разной удаче. После этого каждый из нас выпил немного водки (первым пил Пуксиков из уже налитой кружки), очередность опять же определялась нашим расположением “по солнцу” (по кругу).

Где-то в середине пути остановились отдохнуть и вышли на высокий левый берег, где раньше стоял *сумьях*, но Н.А. Пуксиков его сжег, т.к. стали “шалить” русские охотники. В стволы нескольких кедров были воткнуты деревянные клинья длиной около 15 см, на них раньше висели *арсыны*.

Приехали к Н.А. Пуксикову уже поздно вечером. Первым делом он налил немного водки в кружку, зажег чагу и, поставив их на подоконник, обратился к лесным духам с просьбой об удаче.

К сожалению, в тот год низкая вода не позволила нам подняться к упомянутым святилищам в верховьях Ялбыньи.

ХУЛИМСУНТ

Селение Хулимсунт (юрты Кулимсонские, Хуламсанские, Хулимсонские), расположенное на правом берегу Северной Сосьвы,

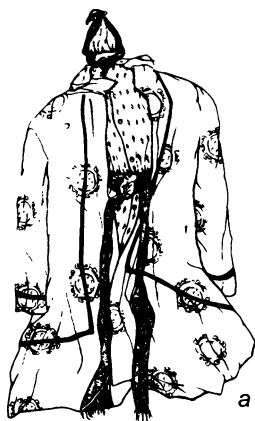
получило свое название от протекающей рядом небольшой речки Хулюм. Сегодня поселок практически разделился на две части: в нижней живут в основном русские рабочие, обслуживающие газокompрессорную станцию, верхняя часть поселка заселена манси и отличается сохранившейся, традиционной для середины XX в., архитектурой. По состоянию на 1985 г. общая численность манси в поселке составляла 123 чел. (59 мужчин и 64 женщины), в послевоенный период сюда переселились манси из селений Няксимволь, Усть-Тапсуй, Висим-пауль, Ильпи-пауль, Хангласам; преобладающими фамилиями сегодня являются Адины, Алкадьевы, Анемгуровы, Номины и Пуксиковы [Пивнева, 1991, с. 150 - 152].

Домашние фетиши Н.А. Пуксикова

В доме Н.А. Пуксикова основная часть культовой атрибутики хранится в чердачном помещении. У его задней стены лежали (в 1989 г.) три больших холщовых мешка, а справа от них - чага. В углу находились принадлежности медвежьего праздника: деревянные "лошади" и "лось". В правом мешке находилось антропоморфное изображение духа-покровителя *Колын-Аки* "Домашнего Деда", которого также называли *Отыр-ныг*, поскольку он, в соответствии с местной традицией, считался сыном *Торум-ойки* (*Мирсусне-хума*), "жившего" в семигранном *сумьяхе* на берегу Хулюма. По словам Н.А. Пуксикова, этот фетиш родители всегда возили с собой (и во время кочевок на Урал). Фигуру духа-покровителя перевозили в отдельных чистых нартах; укладывать и доставать ее имел право только отец.

Фигура *Колын-Аки* выполнена из многочисленных платков и рубахи, стянутых широким вязанным шерстяным поясом; поверх них надет голубой шелковый халат, отделанный по подолу, бортам и краям рукавов узкой красной тесьмой. Длина фигуры составляет около 110 см. Шея фигуры туго стянута полосками ткани; голова представляет собой узел из красного в цветок платка, на нее надета островерхая шапка из двух клиньев зеленого и двух клиньев бордового сукна с зеленой тульей, отороченной мехом соболя (рис. 46, а).

В этом же мешке хранились многочисленные *арсыны* и жестяное блюдо диаметром 10 см (рис. 46, б). Края слегка вогнуты, в верхней части пробито отверстие, в которое продернута желтая тесьма. Она связывает блюдо и длинный узкий цветной пояс. На лицевой стороне изделия прочеканено изображение кентавра в плаще и короне, с двумя распростертыми широкими крылами. В правой руке кентавра жезл, опирающийся на плечо; левая рука скрыта выгнутым щитом. На заднем бедре кентавра имеется окаймленный ре-

0 5 10

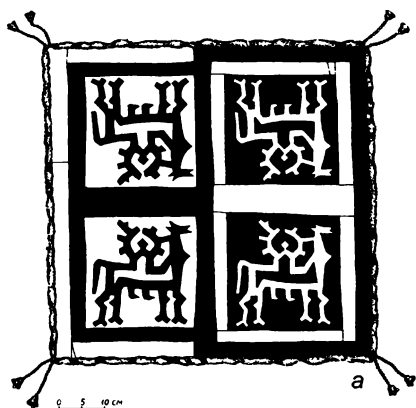
Рис. 46. Фигура
Колын-Аки (а),
блюдец с изображени-
ем кентавра (б) и
орнаментированная
шапка (в).

льефным валиком круг, внутри которого заключена выпуклая фигура неопределенной формы. А.П. Окладников, посвятивший бляхам с изображением кентавра специальную статью, считал, что все они, несмотря на их многообразие и широкое распространение от Урала до Индигирки в XVII - XIX вв., являлись дальнейшей разработкой бронзовых зеркал XVI в., выполненных русскими мастерами [Окладников, 1950, с. 139 - 172]. В отличие от большинства зеркал с изображением кентавра, представлявших собой медные диски толщиной до 3 - 4 мм, блюдо из дома Н.А. Пуксикова выполнено из тонкой жести на достаточно примитивном уровне.

Второй мешок был наполнен жертвенными платками, а в третьем, кроме них, находилась шапка сферической формы из сукна красного и оранжевого цвета, украшенная орнаментом (рис. 46, в). Здесь же лежало покрывало с четырьмя фигурами всадников, выполненное из сукна красного и голубого цвета и отороченное беличьим мехом (СМ22; рис. 47, а). Оно изготовлено в начале XX в. Его размеры составляют 70 x 70 см. К углам пришиты по два маленьких медных колокольчика на низках бисера кофейного цвета. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх, в одной из них угадывается птица, второй рукой всадник держит поводья коня. Данная фигура всадника на коне напоминает изображение *Мир-суснехума* на жертвенных покрывалах из Яны-пауля (СМ4) и Няксимволя (СМ17).

Культовая атрибутика, хранившаяся на чердаке, принадлежала еще родителям Н.А. Пуксикова. Вторая часть фетишей находилась внутри дома на *пупыг-норме*. Здесь стоял большой холщовый мешок с *арсынами*, среди которых лежало жертвенное покрывало, два "богатырских" шлема и серебряное блюдо.

Покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и синего цвета и оторочено беличьим мехом (СМ23; рис. 47, б). Оно изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 78 x 84 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. К углам полотнища пришиты медные бубенчики на низках цветного бисера. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх.

Один из “богатырских” шлемов с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна синего и зеленого цвета и оторочен по краям беличьим мехом (СМ24; рис. 48). Он изготовлен в середине XX в. Высота шлема составляет 42 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом, на длинных низках светлого бисера пришиты три больших и четыре маленьких медных колокольчика, к каждому маленькому колокольчику привязана солдатская пуговица. Верхняя часть шлема выполнена из двух суконных треугольников, в которые вшиты фигуры гусей. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх.

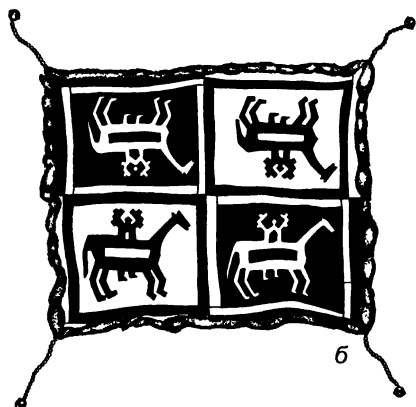

Рис. 47. Жертвенные покрывала.
а - СМ22, б - СМ23.

Другой шлем с четырьмя фигурами всадников сшит из сукна красного и зеленого цвета и оторочен беличьим мехом (СМ25; рис. 49). Он изготовлен в середине XX в. Высота шлема составляет 36 см, размеры одного квадрата 20 x 21 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом, на лоскутках сукна

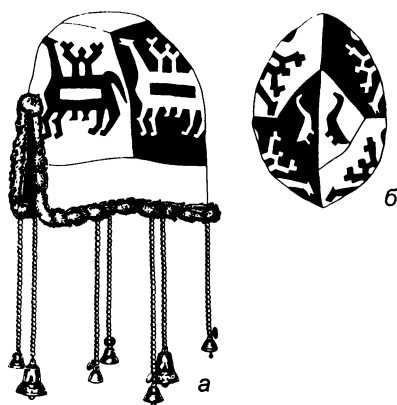

Рис. 48. “Богатырский” шлем (СМ24).
а - вид сбоку, б - вид сверху.

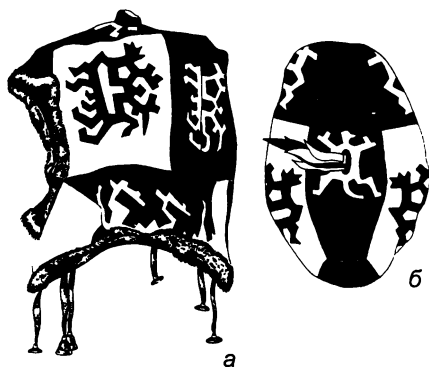

Рис. 49. "Богатырский" шлем (СМ25).
а - вид сбоку, б - вид сверху.

Расположение фигуры всадника необычно: его движение направлено вверх относительно земли. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх, в одной из них угадывается птица, второй рукой всадник держит поводья коня.

Серебряное блюдо представляет собой диск диаметром 10,6 см, в центре которого изображен олень, а по краям гравировкой нанесены фигурки утки и двух рыб*, отделенные друг от друга тремя розетками растительного орнамента (рис. 50). Кусты, изображенные по обеим сторонам от оленя, выполнены в технике чеканки. На лицевой

Рис. 50. Серебряное блюдо
с фигурой оленя.

малинового цвета пришиты два маленьких колокольчика из белого металла и две солдатские пуговицы; на двух зеленых лоскутках - еще три пуговицы. Верхняя часть изделия выполнена из куска сукна бордового цвета овальной формы, в который вшита распластанная фигура медведя из сукна желтого цвета. Фигура выполнена с овальной вставкой, к середине которой пришит пучок из трех малиновых и трех зеленых лент.

стороне изделия выбито клеймо изготовителя - буквы "П.Б", находящиеся внутри прямоугольной рамки. Подобные клейма встречались на блюдах и пластинах, выполненных в Тобольске в первой четверти XIX в.

Таким образом, культовая атрибутика Н.А. Пуксикова, часть которой перешла к нему от родителей, включала фигуру духа-покровителя, два жертвенных покрывала, два "богатырских" шлема, два блюда и атрибуты медвежьего праздника.

* Аналогичные фигурки рыб и уток выгравированы по краям одной из "тарелочек", хранящихся в МАЭ [Прыткова, 1949а, с. 44].

Одним из наших проводников был В.А. Пуксиков, 1976 г.р., племянник Н.А. Пуксикова. Его отец умер рано, несколько лет назад не стало и деда, у которого он воспитывался в детстве. Перед смертью дед передал ему в наследство семейных *пупыгов*, хранящихся в нескольких сундуках. До нашего приезда В.А. Пуксиков интереса к этим вещам не проявлял и в сундуки не заглядывал. Поскольку своего дома у него нет, то *пупыги* хранятся на чердаке дома его дяди С.И. Анемгурова.

На чердаке дома справа от входа на высоте около 1,5 м от пола устроена вдоль всего помещения широкая полка, на которой, начиная от задней стены, находятся: металлическая коробка, *имда*, три сундучка (один на другом), тюк с *арсынами*, свернутая вдвое оленья шкура и сундук. Самый верхний из трех стоящих друг на друге сундучков и сундук принадлежат хозяину дома С.И. Анемгурову, 1960 г.р. В правом дальнем от входа углу лежат пять берестяных масок для медвежьего праздника. Слева от входа на высоте около 1,5 м от пола по всей длине чердака установлена жердь, на которой висят два ситцевых и один полиэтиленовый мешок с *арсынами* и гусиным пухом; здесь же завязано вафельное белое полотенце, оставшееся от похорон сестры С.И. Анемгурова.

Металлическая коробка принадлежит В.А. Пуксикову, в ней находятся *арсыны*, шкурки соболя и фигура семейного духа-покровителя *Урне-хол-ойки*. Сердцевина фигуры представляет собой обломок серебряной пластины начала XIX в. (сохранилась левая часть с фигурой охотника), обернутый в сложенный несколько раз платок с бахромой и бубенчиками. Поверх платка надето несколько белых и цветных рубашек. Фигура завернута в сложенный вдвое платок размерами 65 x 75 см, который состоит из двух частей: центральной (40 x 50 см), украшенной вышитым красными и светло-голубыми нитками геометрическим орнаментом, и внешней, представляющей собой широкие полосы ситца (рис. 51).

Закрепленная на специальной раме шкура медведя была уложена в ситцевый мешок с завязкой в верхней части; мешок, в свою очередь, завернут в полиэтиленовую пленку.

На дне нижнего, большого, сундучка хранились шкурки белок и соболей, на них - шесть свертков *арсынов*, в трех из которых находились модели луков (приношения духу-покровителю по поводу рождения мальчика). Отдельно лежал сверток с детскими распашонками и моделью лука - детские одежды самого В.А. Пуксикова. В синем ситцевом платке были завернуты побитые молєю два “богатырских” шлема и жертвенное покрывало.

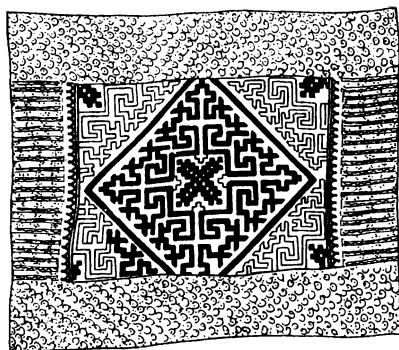
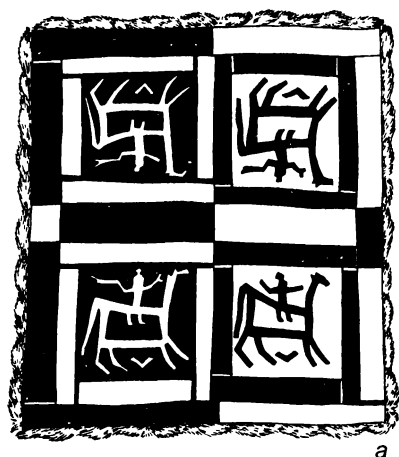

Рис. 51. Вышитый платок - одеяние Урне-хол-ойки.

а

б

Рис. 52. Жертвенное покрывало СМ26 (а) и "богатырский" шлем СМ28 (б).

В сундучке сверху в свертке вместе с четырьмя ножами и несколькими беличьими шкурками лежала фигура духа-покровителя, выполненная из нескольких рубашек темных цветов. По словам информаторов, скорее всего, это фигура *Чохрынь-ойки*.

Жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и черного цвета и оторочено мехом соболя (СМ26; рис. 52, а). Оно изготовлено в начале XX в. Его размеры составляют 79 x 79 см. В работе использовались нити оленьих сухожилий. Отверверхая голова всадника увенчана шлемом в виде ромба; руки разведены в стороны, в одной из них - плеть. Под животом коня расположена фигура в виде "уголка".

Первый шлем с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна красного и черного цвета и оторочен лисьим мехом (СМ27). Он изготовлен в начале XX в. Его высота составляет 40 см. Тулья украшена орнаментом "копыто взрослого оленя" [Шешкин, Шабалина, 1993, с. 28]. Фигура всадника на коне выполнена из цельного куска сукна. Голова всадника обозначена ромбом, согнутые в локтях руки опущены; ноги не показаны.

Второй шлем с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна синего и зеленого цвета и оторочен мехом россомахи (СМ28; рис. 52, б). Он изготовлен в начале XX в.; его высота составляет 50 см. Тулья украшена орнаментом "ко-

пыто взрослого оленя". Фигура всадника на коне выполнена из цельного куска сукна. Голова всадника обозначена ромбом, согнутые в локтях руки опущены; ноги не показаны. Оба шлема, безусловно, выполнены одной мастерицей.

Во втором сундучке лежали *арсыны*, жертвенное покрывало и узел из семи последовательно завязанных платков, внутри него находился "богатырский" шлем.

Жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна желтого и зеленого цвета и оторочено собольим мехом (СМ29; рис. 53, а). Оно изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 70 x 76 см. К углам на желтых и зеленых тесемках пришиты медные шаркунцы диаметром 3 см. Голова всадника обозначена ромбом, руки подняты вверх. Перед фигурой коня располагается изображение в виде отрезка с развилками на двух концах, под которым манси обычно подразумевают фигуру пушного зверя. В целом это покрывало является аналогом одному из покрывал в доме Н.А. Пуксикова.

Шлем сферической формы с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна зеленого и желтого цвета и оторочен собольим мехом (СМ30; рис. 53, б). Он, безусловно, является дополнением к предыдущему покрывалу. Шлем изготовлен в середине XX в. Его высота составляет 30 см. К нижнему краю шлема на низках зеленого бисера пришито семь медных колокольчиков и бубенчиков. Тулья украшена фигурами коней, причем под каждым квадратом с фигурой всадника расположено по две конских фигуры. Над каждым всадником вшито изображение гуся. К верхней точке шлема пришита низка зеленого бисера. Фигура всадника на коне выполнена аналогично фигуре всадника на жертвенном покрывале.

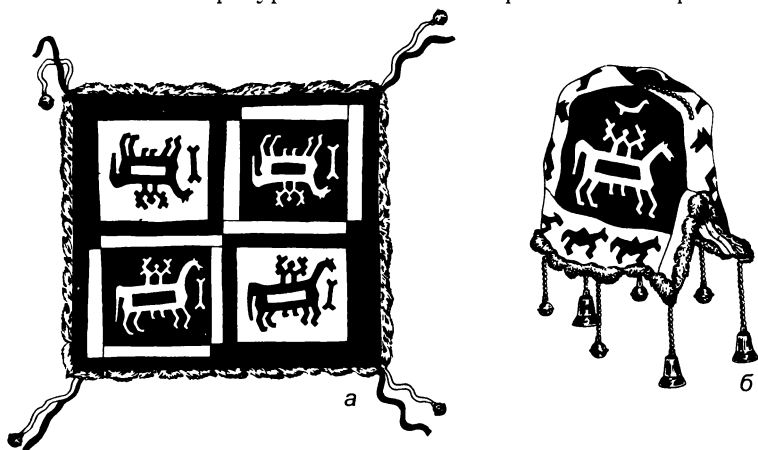

Рис. 53. Жертвенное покрывало СМ29 (а) и "богатырский" шлем СМ30 (б).

Верхний, маленький, сундучок, принадлежавший С.И. Анемурову, был закрыт на ключ. Содержимое хозяину было неизвестно, на вес сундучок был очень легкий и, скорее всего, пустой или наполненный гусиным пухом.

Тюк с *арсынами* сохранялся от жертвоприношения коровы; по словам информаторов, эти платки повязывали на шею, клали на спину и завязывали ими глаза животного.

Внутри отдельно стоявшего сундука лежало несколько оленьих рогов.

Таким образом, культовая атрибутика, перешедшая к В.А. Пуксикову от его деда, включала два разновременных комплекса: первый, относящийся к рубежу XIX - XX в., состоял из двух фигур духов-покровителей, жертвенного покрывала и двух шлемов, а второй, датируемый серединой XX в., - из одновременно выполненных покрывала и шлема, моделей луков, множества платков и медвежьей шкуры.

Менкв-я

Селение Менкв-я (Менкв-я-пауль) располагается в 15 км ниже Хулимсунта на правом берегу Северной Сосьвы, в месте впадения в нее Менкв-я “речки” *менквов*. Сегодня в селении постоянно не проживают, здесь расположены т.н. “дачи” жителей Хулимсунта Алкадьевых, включающие три жилых и два заброшенных дома. Приезжают сюда на охоту и рыбалку, а также для посещения культового места.

Считается, что с конца XIX в. в селении проживают манси, которые носят фамилию Алкадьевы (Алгадаевы). О ее происхождении нам рассказали т.н. “родовую” легенду:

Когда-то давно в устье Менкв-я находилось селение, и было там дворов пятьдесят, какого рода и фамилии - никто не знает. У одного мужика росло двое детей. Зимой он ходил на охоту и стал с собой сестру брать. Как-то раз слышит сестра звуки, будто качают ребенка, и, кажется, брат в лесу не один, а слов не разобрать. Долго ли коротко, а сестра догадалась, что у брата есть лесная женщина - *мис-нэ*. Как-то раз лесная женщина вышла наяву и стали жить втроем. Сестра же захотела узнать, какой у лесной женщины голос, взяла и спрятала деревянную поварешку. Догадалась лесная женщина, ничего не сказала, стала в котле суп рукой мешать, обожгла руку и рассердилась.

А человеческая жена тем временем тоже обо всем догадалась, пожаловалась куда надо, мужика поймали и привели в суд. Приговорили мужику 50 плетей. Когда начали бить, то из толпы вышла женщина, вся в соболях, и набросила мужику на спину шубу соболем, чтобы не больно было. Ник-

то эту женщину не видел, один только шаман видел и понял, что это была лесная женщина. Мужика все равно забили до смерти и на пятый день устроили поминки. Лесная женщина взялась тогда мстить - по дворам стала *искра* гулять, все сжигать, один только двор из пятидесяти и остался; там мужик жил с семьей и еще одна женщина с сыном. Вскоре она умерла, а потом и мужик умер. Проезжали мимо русские купцы и усыновили оставшегося мальчишку-сироту, увезли куда-то в Обдорск. У русских был свой сын, и вот они постоянно дрались, русский сын и сирота. Приемные родители дали мальчику фамилию *Алхаты*, то есть драчун, отсюда Алкадьевы и пошли. Когда парнишка вырос, то ему сказали, что он из Менкв-я. Купили ему оленей, он сел и поехал домой. По дороге видит - деревня, там свадьбу играют. Вдруг прямо на свадьбе невеста исчезла. Парень едет себе мимо, уже к лесу подъезжает и тут видит - невеста из деревни перед ним стоит, его ждет. "Возьмешь, - говорит, - поеду с тобой, не возьмешь - все равно поеду". Поехали вместе и приехали в Менкв-я. Родители невесты дали им важенку. Прожили год. У них уже ребенок маленький был. Как-то раз пошли они в лес, только отошли, как жена слышит - ребенок дома плакать перестал. Побежала она обратно, смотрит - колыбель пустая, ребенка нет нигде. Потом нашли его мертвеньким на коряге в лесу. Это его лесные духи к себе забрали. С тех пор ребенка, у которого зубы еще не появились, дома или в лесу одного не оставляют. Прошло еще несколько лет, у Алхаты с женой дочка подрастала, в деревне новые люди появились. И вот как-то дочка гуляла по берегу озера за деревней и увидела брата на другом берегу, он стоял среди деревьев и сам ростом был с дерево, она его и узнала. Вскоре после этого приехали из леса мужчина, женщина и ребенок, по всему сразу видно, что лесные люди - все у них было большое - глаза, уши, лица. Сказали они жителям деревни: отныне будете преклоняться перед нами. Было это пять-шесть поколений назад, там в конце озера по могилам можно посмотреть, сколько поколений с тех пор прошло (В.В. Алкадьева, селение Хулимсунт, запись 1997 г.).

Второй, более простой и короткий вариант легенды звучит так:

Около Менкв-я была чума, почти весь род вымер. Мимо деревни на лодке проезжал мужик, он подобрал мальчика - единственного, кто остался жить из этого рода. Дал он мальчишке лук и стрелы и послал на охоту со своим сыном. А у мальчишки охота не заладилась, ничего не мог добыть, поэтому на обратном пути из леса он отбирал добычу у сына спасшего его мужика, да еще и бил этого сына. Так и прозвали этого парнишку *Алхын Пыриш*, драчун, то есть. И от него уже пошла фамилия Алкадьевы. (В.А. Пуксиков, селение Хулимсунт, запись 1997 г.)

Рассказали нам и легенду, больше связанную с духами-покровителями селения:

Давным-давно, когда люди начали жить в этих местах, пришла страшная болезнь, люди стали умирать. Один только парнишка и остался. Купцы в Ляпин увезли его, там он вырос, женился и приехал обратно в свое место, в Менкв-я-пауль. Живут. Как-то приходит к нему мужик с женой и сыном и говорит: "Наша избушка сгорела, пусти нас пожить". Тот пустил. Стали вместе жить, прошла неделя или две. Потом пришедший го-

ворит: "Наша избушка уже построена, мы туда пойдем. А здесь пусть люди сделают *сумьях* и держат *путьгов* в нем. И пусть приходят сюда, вспоминают. И будут люди жить." И с тех пор живут. (В.В. Алкадьев, Менкв-я-пауль, запись 1989 г.)

Интересно, что фамилия Алкадьевы в варианте *Алхати* встречалась еще в середине 1920-х гг., когда в этих местах работал В.Н. Чернецов, опубликовавший в 1928 г. в журнале "Всемирный следопыт" статью "Зоопарк вогула Алхати" [с. 140 - 143].

Святылище *Мис-хум-ойки*

Оно находится недалеко от селения Менкв-я, в середине острова, окруженного озером Менкв-я-урай. Нам удалось побывать там трижды: в 1989, 1990 и 1997 гг. и таким образом проследить изменения, происшедшие на протяжении почти десяти лет.

Приблизительно в ста метрах от берега на поляне-вырубке располагаются культовые амбарчики: в 1989 - 1990 гг. их было три, в 1997 г. - пять (рис. 54). Все *сумьяхи* построены одинаково: ствол дерева спиливали на высоте 150 - 170 см, в месте спила делали боковой полукруглый паз, в который укладывали бревно; в нем, в свою очередь, также вырубали два круглых в сечении паза, куда вставляли два поперечных бревнышка. На них установлен амбарчик, размеры которого варьируют в следующих пределах: длина 150 - 180 см, ширина 70 - 80 см, высота около 70 см. Стены *сумьяхов* и двускатные крыши выполнены из широких колотых плах, при этом доски стен и крыши выходят за пределы "комнаты" в передней и задней частях сооружения. Дверца приставная, лестницей служит бревно с зарубками. Поверх крыши уложен охлупень - естественно выгнутое бревно, треугольное в сечении; его навершие выполнено в виде головы животного, которую один из информаторов определил как голову лошади, а другой - лося.

В середине ритуальной площадки на четырех опорах установлен стол из одной широкой доски, поверх нее лежит еще одна доска; вокруг стола сооружены четыре скамейки. В 1989 - 1990 гг. стол отсутствовал, его заменяли два бревна, перед которыми находилось кострище. В 1997 г. кострище было расположено перед входом в амбарчик 3; между амбарчиком и кострищем на двух чурбачках установлена доска - сиденье.

Центром площадки является могучий кедр, на стволе которого на высоте одного метра от земли вырезана личина *менква* овальной формы с высоким лбом, полукруглыми надбровными дугами и выступающим вперед носом прямоугольной формы (рис. 55). Рот и подбородок личины густо вымазаны остатками крови и жира - следами угощения.

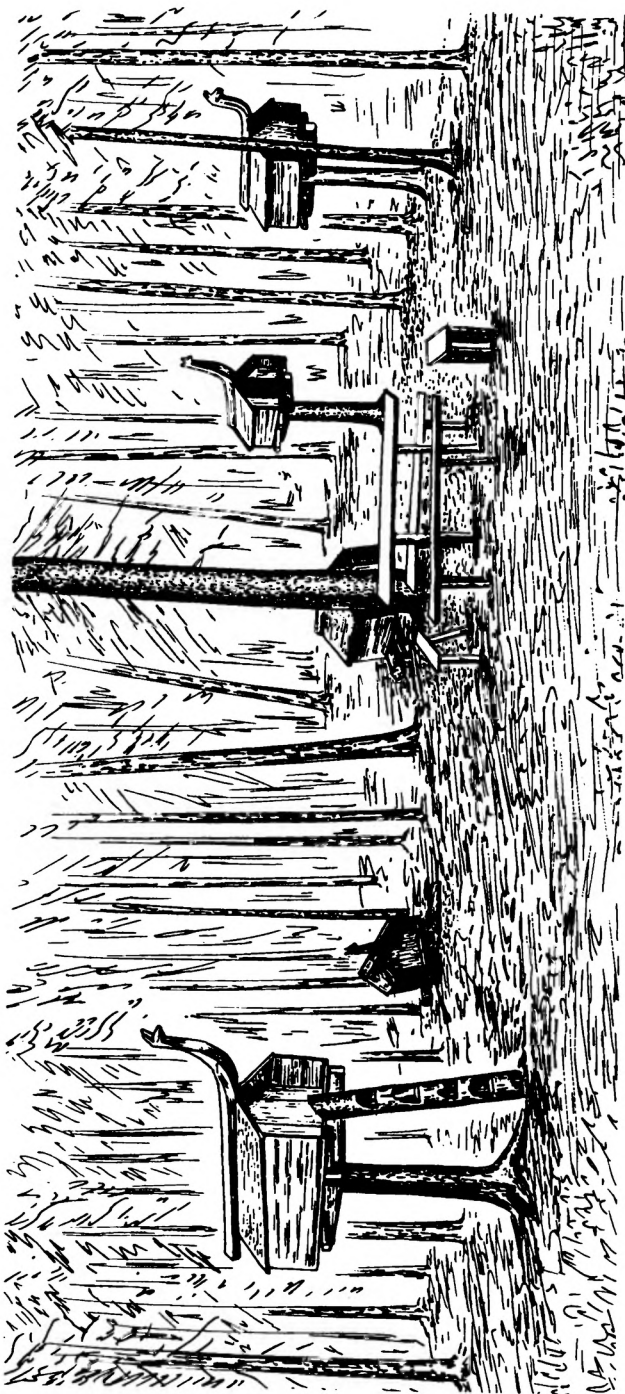

Рис. 54. Святылище Мис-хум-ойки. 1997 г.

Амбарчики (слева направо) 5, 1, 2, 4, 3.

Нумерация амбарчиков определена последовательностью их сооружения.

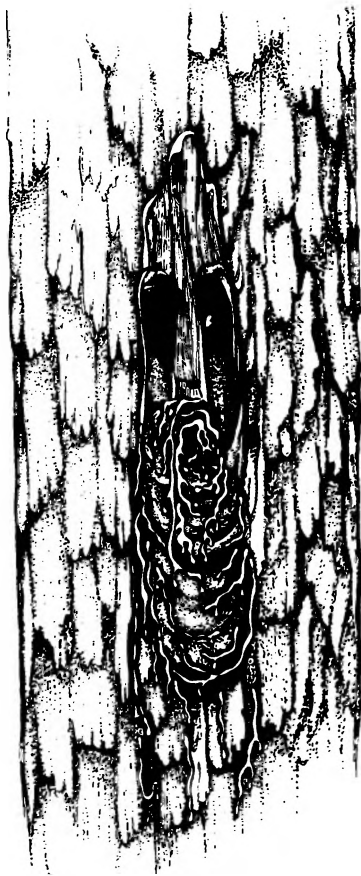

Рис. 55. Личина менква.

Амбарчик 1 давно упал на землю, он буквально набит узлами с *арсынами*, шкурами лис и белок. Здесь также хранится сундучок, в котором лежит изящная коробочка, закрывающаяся на ключ, в ней находилась бумажная купюра достоинством в 100 руб. выпуска 1910 г.; на дне сундука рассыпаны монеты конца XIX - начала XX в. и серебряный рубль чеканки 1765 г. Справа от амбарчика к стволу ели прислонено несколько широких досок. Известно, что чистая доска, положенная на землю или снег, нередко использовалась в качестве стола, особенно если угощение происходило около огня [Карьялайнен, 1996, с. 68].

Амбарчик 2 также разрушился со временем и стоит на земле: охлупень снят с крыши и приставлен к одной из стен головой вниз. *Сумьях* внутри пуст.

Внутри амбарчика 3 хранятся узлы с *арсынами* и три мужских пальто из черного сукна. По сведениям А. Каннисто, духам-покровителям на Северной Сосьве и верхней Лозье было принято жертвовать предметы мужской одежды - кафтан, костюм, пояс, шапку, шарф [1958, S. 308].

Внутри амбарчика 4 находятся пять узлов с *арсынами*, в одном из них лежит "богатырский" шлем. На "крыльце" амбарчика справа стеклянная банка с гвоздями, оставшимися от строительства, слева - чага. За *сумьяхом* на ветку ели подвешен платок с монетой, справа, на кедре, - толстый бельевой шнур. Внутри *ура* находится стрела длиной 66 см с железным наконечником.

Шлем с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна красного и синего цвета и оторочен беличьим мехом (СМ31; рис. 56). Он изготовлен в середине XX в. Его высота составляет 35 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом "сидящий соболев", на низках желтого бисера пришиты семь маленьких медных колокольчиков. Голова всадника обозначена ромбом, руки подняты вверх, на

одной из них угадывается птица, второй рукой всадник держит поводья коня. В верхней части шлема в поле красного сукна вшито изображение медведя из синего сукна; в центре овальной вставки пришит пучок красных и синих лент.

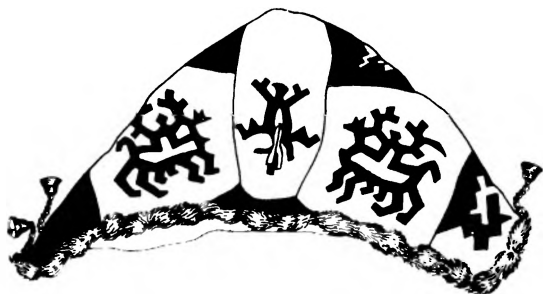

Рис. 56. "Богатырский" шлем (СМ31).

Внутри амбарчика 5 у задней стены проходит горизонтальная перекладина из тонкой выструганной палки, концы которой вставлены в отверстия боковых стен. На перекладину опираются три фигуры: (слева направо) *Мис-нэ*, *Пырища* и *Мис-хума**. В 1989 - 1990 гг. расположение фигур внутри *сумьяха* было иным: в центре - *Мис-хум*, слева от него - сын (*Пырищ*), справа - жена (*Мис-нэ*) (рис. 57, а). Голова *Мис-нэ* укрыта платком, на головы *Мис-хума* и его сына надеты по две островерхне суконные шапки с беличьей оторочкой, состоящие из двух синих, двух красных и одного зеле-

Рис. 57. Обитатели святилища:
Пырищ, *Мис-хум* и *Мис-нэ* (а); фигура *Пырища* без одежды (б).

* О появлении данных персонажей в селении Менкв-я идет речь в последней части "родовой" легенды Алкадьевых (см. выше).

ного клина с кисточками тех же цветов. Фигуры выполнены из дерева, выделены верхняя часть туловища и бедра, ноги лишь намечены (рис. 57, б). Головы каплевидной формы, подчеркнуты полукруглый подбородок, прямые надбровные дуги нависающего над лицом лба и нос прямоугольной формы. В круглые отверстия глаз и рта вставлены монеты достоинством в 15 и 20 коп. выпуска 1950-х гг. На деревянные туловища мужских изображений надето несколько разноцветных рубах, поверх которых накинута черная суконная халата с завязками и боковыми накладными карманами, подпоясанные ситцевыми платками и толстым шерстяным шнуром. На шее мужских фигур должно быть по семь платков. В платки укутана фигура *Мис-нэ*.

Перед фигурами находятся большой тюк с *арсынами* и кипа платков-подарков. Вдоль правой от входа стены лежат семь стрел, каждая длиной около 70 см. Пять из них имеют железные наконечники, две - наконечники в виде гвоздя; концы всех стрел обмотаны узкими доскутками ситца.

На "крыльце" амбарчика стояли стаканы, рюмки, лежали ложки, чага и перевернутая большая тарелка.

Состояние сооружений на ритуальной площадке:

	1989	1990	1997
Амбарчик 1	стоит на земле	стоит на земле	стоит на земле
Амбарчик 2	стоит на опоре	стоит на земле	стоит на земле
Амбарчик 3	стоит на опоре, содержит фигуры духов-покровителей	стоит на опоре, содержит фигуры духов-покровителей	стоит на опоре
Амбарчик 4	не было	не было	стоит на опоре
Амбарчик 5	не было	не было	стоит на опоре, содержит фигуры духов-покровителей

Причину скопления культовых сооружений в одном месте нам поведал И.Н. Алкадьев (1997 г.): по его словам, семья Алкадьевых состояла из нескольких родных и двоюродных братьев. Хранителем культового места всегда был старший из братьев. После его смерти делали новый амбарчик, куда переносили фигуры духов-покровителей. За последние годы умерли оба наших проводника, В.В. и И.В. Алкадьевы, смена хранителя в каждом случае влекла за собой сооружение нового *сумьяха*. *Ставили новый ура мои братья, в шести или семи лодках приехали, а также помогали сыновья и племянники. Одна лодка из поселка Сосьва была - там племянник живет. Ниже Хулимсунта со средним братом рубили деревья, раскалывали их. Сделали все за несколько часов. Перенесли Мис-хумойку. Наши сыновья переносили. Владимир умер 3 ноября, на следующее лето сумьях новый поставили. Пурлахты делали, с собой постряпали. Женщины до костра доходили, дальше нельзя. Илья*

умер в июне, ура поставили в сентябре. Лося (навершие) тоже сделали, у нас такая традиция.

Когда впервые в 1989 г. мы посетили святилище, то хранитель места В.В. Алкадьев первым делом окурил *сумьях* снизу пучком горящих еловых веточек, затем, убрав дверцу, также окурил внутреннее пространство, обводя рукой в направлении движения солнца. *Мис-хуму* и его семье были поставлены на “крыльцо” пища (хлеб, консервы), водка в стакане и открытая бутылка. Присутствующие с непокрытой головой встали лицом к открытой двери *сумьяха* и поклонились головой пять раз, после чего один раз повернулись вокруг себя “по солнцу”. Хозяин объяснил *Мис-хуму* причину нашего прихода и попросил удачи в летних промыслах. Затем мы опять наклонили головы семь раз и один раз повернулись “по солнцу”. Подарок *Мис-хуму* обычно оставляли в конце посещения, перед закрытием дверцы. *Стрелы у него каждый год проверяем. Один раз пришли с братом, посмотрели, а у одной стрелы обмотка распалась. Крепко куда-то они стреляли. Мы-то думаем, что он в сумьяхе сидит, а он - охотится.*

Святилище посещали один или два раза в год. В жертву *Мис-хуму* приносили оленя, реже корову; животных забивали в “чистом” месте - в двух метрах от входа в *сумьях*. На спину оленя укладывали *ялтын-улама*. Чаше, однако, происходило обычное “угощение” духов-покровителей - *пурлахты*. Когда приносили жертву или совершали *пурлахты*, то *пупыгам* ставили маленький столик, фигуры при этом не вынимали. Только хранителю места разрешалось одевать новую рубашку на *Мис-хума*. Сюда приходили и женщины, но они оставались за линией костра.

Мис-хум и его семья относились к категории лесных духов, созданных *Нуми-Торумом* в один день с *менквами*. Считалось, что *Мис-хум* имеет человеческий облик, но отличается высоким ростом и густыми бровями. Если какая-то из его дочерей станет женой человека, то он сильно разбогатеет, т.к. любое дело начнет ему удаваться. Во время прихода к мужу дочь *Мис-хума* остается невидимой для посторонних, при этом в доме не должно быть других женщин, иначе она обидится и уйдет, унося за собой богатство и удачу [Гондатти, 1888, с. 35]. В фольклорных записях Б. Мункачи о духах *мис* говорится следующее: они живут “на семигорье с соболиными хребтами, во многих лесах с лосиными хребтами”, они в целом зажиточные люди, их дом полон “черного зверя, красного зверя”, ибо они хорошие охотники. Собакой им служит темно-зеленый соболь, которого хозяин водит на шелковом шнуре, повязанном на шею. К человеку *мис* настроены благожелательно и даже боятся его, женщины *мис* часто вступают в брак с людьми и затем приносят в их

дом богатство [Карьялайнен, 1995, с. 276]. Информацию о духах *мис* обобщил А. Каннисто: по его мнению, *мис-хумы* нередко выступали в роли духов-покровителей людей; удачливые охотники, как говорили, имели среди своих предков *мис-нэ*; считалось, что *мис-хумы* не умирают, но стареют и теряют способность охотиться [1958, S. 219 - 224]. По сведениям В.Н. Чернецова, иногда *Мис нэ* приходит к вогулам, становясь женой кого-либо, вместе с ней приходит счастье; в свою очередь вогулы ходят искать *Мис нэ*, чтобы взять ее в жены. Самые черные соболи посылаются людям народом *Мис*; *Мис хума* можно отличить по длинной шее и семи пальцам на каждой руке [Источники..., 1987, с. 37]. Следует отметить, что многие сведения о духах *мис*, зафиксированные Н.Л. Гондатти, Б. Мункачи, А. Каннисто и В.Н. Чернецовым, упоминаются в родовой легенде Алкадьевых.

Святылище около Менкв-я необычно тем, что здесь одновременно почитались разные группы лесных духов - *менквов* и *мис-хумов*. Они считались предками двух мансийских фратрий (Пор и Мось) и по-разному воспринимались людьми: “злые” *менквы* и “добрые” *мис-хумы* [Чернецов, 1939, с. 21]. Объяснение данному феномену, возможно, находится в “родовой” легенде Алкадьевых, повествующей об эпидемии какой-то болезни, уничтожившей прежних жителей поселка. Представляется, что именно для них было характерно почитание *менквов* в качестве духов-покровителей, ведь название селения - Менкв-я-пауль - было известно раньше фамилии Алкадьевых. Возникновение легенды о некогда живших в этих краях гигантских лесных духах могло быть связано с многочисленными находками костей мамонта на мысу ниже поселка (зубы мамонта воспринимались как зубы *менквы*) [Источники..., 1987, с. 38, 140]. В дневниках В.Н. Чернецова есть запись о том, что предком жителей селения являлся *Менкв*: “В старое время *менквы* пришли в поселок и там жили. *Менкв* имеет вид ели..., ель считается деревом *менквы*” [Там же, с. 151]. Возможно, что еще в середине XIX в. на территории селения или рядом с ним существовало святылище, подобное известному на р. Ляпин месту *Сат менкв* [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 82 - 83] или месту *менквов* на Сосьве, упоминаемому А. Каннисто [1958, S. 208]; кроме того, в центре селения еще недавно возвышалась громадная ель, являвшаяся объектом поклонения.

Исчезновение прежнего населения привело к утрате святылища *менквов*; пришедшие через несколько лет после эпидемии новые жители - Алкадьевы - стали поклоняться народу *мис*, “вступившему в контакт” с первыми представителями этой фамилии. Однако память о *менквах*, предках первых жителей селения, сохранялась, сви-

детельством чему является вырезанная личина *менква* на стволе кедра, стоящего в центре святилища *Мис-хум-ойки*.

Возможно, впрочем, что *менквы* и *мис-хумы* противопоставлялись друг другу не так явно, как этого бы хотелось исследователям. Вышеприведенная “родовая” легенда Алкадьевых содержит эпизод о том, что отсутствие поварешки вынудило лесную женщину мешать горячую пищу рукой. Подобный сюжет фигурирует и в одном из преданий куноватских хантов, согласно которому предок рода Сибаревых взял третьей женой *Менк-эви Менк*-“женщину”: “Взялась та варить суп. Поскольку черпака у нее не было..., а две другие жены-завистницы свои спрятали, *Менк-эви* пришлось размешивать варево рукой. На третий день она в гневе сказала: «Я хотела на этом месте сделать три живых озера, и все бы вы стали богатыми...»” [Головнев, 1997, с. 84]. Как видим, здесь *Менк-эви* полностью соответствует мансийской *Мис-нэ* (сюжетное совпадение, во всяком случае, налицо).

* * *

Еще одно святилище *Мис-хум-ойки*, считавшегося духом-покровителем семьи Ялвиных, находилось в низовьях Северной Сосьвы, на речке Турпат-я. Деревянная фигура хранилась внутри *сумьяха*, установленного на пнях. *Мис-хум-ойке* приносили первую рыбу или часть мяса первого убитого лося [Гемуев, 1990, с. 132].

Домашние фетиши Алкадьевых

Часть атрибутики, используемой в обрядах на святилище *Мис-хума*, хранится в Менкв-я-пауле на чердаке дома вместе со “святыми” вещами одной из семей Алкадьевых.

У задней стены чердака рядом с оленьими рогами лежал шаманский бубен, завернутый в халат коричневого цвета; сверху находилась свернутая вдвое шкура медвежонка, обернутая в платок и укрытая черным мужским пальто.

Бубен овальной (ближе к круглой) формы, его размеры составляют 72 x 82 см, толщина 15 см. Обечайка выполнена из ели, на ее внешней стороне укреплено 15 деревянных столбиков, которые не позволяют коже плотно прилегать к обечайке и образуют полос-ти-резонаторы. Бубен обтянут хорошо выделанной оленьей кожей коричневого цвета. Внутри бубна к обечайке ремешками привязана сложная деревянная рукоять, состоящая из двух палок, соединенных в виде креста. В верхней части бубна с внутренней стороны обечайки укреплена дугообразная скоба, на которую нанизано

двенадцать медных перстней и колец. Рукоять от перекрестья и далее вверх обвязана ситцевыми платками преимущественно красного цвета. К нижней части рукояти белым платком привязана колотушка, меховая опушка которой также обернута белым платком (рис. 58).

По информации А. Каннисто, вогульский шаман при исполнении обязанностей пользовался бубном; число столбиков (*йюр* “зверь волшебного бубна”), вертикально установленных на внешней кромке барабана, обычно было нечетным и, как правило, составляло 13, 15, 17 или 19. Рукоять бубна называлась *койп пуньг* “дух-покровитель бубна”; обилие платков на ней объяснялось тем, что шаману по завершении работы дарили платок с завязанной в уголок монетой [1958, S. 412, 432].

По сведениям В.Н. Чернецова, мансийские шаманы сами изготавливали бубны (*койп*). Обруч выполнялся из ели, растущей на священном месте около родового *пуньга*. В дневниках исследователя записан ряд терминов, относящихся к деталям бубна: *койп йив* “обечайка”, *койп юр* “шишечки в обечайке”, *койп нял* “колотушка”, *кер лакв* “скоба”, *койп няле* “кожа колотушки”, *койп сов* “кожа бубна”; приведены рисунки двух мансийских бубнов [Источники..., 1987, с. 38 - 40, 156].

Ближе к входу на чердак стояли два разошедшихся сундука и два больших мешка.

В одном сундуке находилась фигура духа-покровителя, выполненная из нескольких рубашек, поверх которых был наброшен халат черного цвета. На голову были последовательно надеты четыре орнаментированные шапки. В сундуке хранилось множество *арсынов*, под ними - шкурки соболей. Вся атрибутика была в крайне ветхом состоянии.

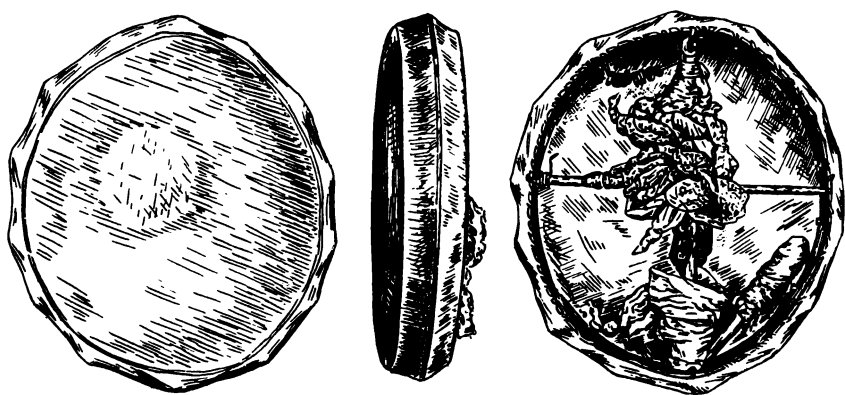

Рис. 58. Шаманский бубен Алкадьевых.

Во втором сундуке сверху также находилась фигура духа-покровителя, выполненная из нескольких рубашек и халатов, верхний из них был розового цвета. В сундуке лежали *арсыны* и шкуры соболя в ветхом состоянии. Создавалось впечатление, что оба сундука были перенесены из другого места и после этого больше не использовались в обрядовой практике.

В мешке из ситцевой ткани с завязкой в верхней части хранились свежие *арсыны* и шкурки соболя.

Мешок из хлопчатобумажной ткани с завязкой в верхней части был также туго набит *арсынами*. Здесь же лежали “богатырский” шлем и жертвенное покрывало.

Шлем с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна красного и синего цвета и оторочен беличьим мехом (СМ32, аналог СМ31). Изготовлен в середине XX в. Высота изделия 36 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом “сидящий соболя”, на низках желтого бисера пришиты шесть маленьких медных колокольчиков, одна солдатская пуговица и шнурки-завязки из тонких полосок беличьей шкурки. Верхняя часть шлема выполнена из сукна зеленого цвета, в которое вшита фигура медведя из сукна малинового цвета с овальной вставкой, в центре нее пришит пучок синих, красных и малиновых суконных лент. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх, на одной из них угадывается птица, второй рукой всадник держит поводья коня.

Жертвенное покрывало квадратной формы с четырьмя фигурами всадников сшито из сукна красного и синего цвета и оторочено беличьим мехом (СМ33). Оно изготовлено одновременно со шлемом. К углам полотнища на низках бисера пришиты медные колокольчики. Фигуры всадника на коне на лицевой стороне покрывала и на шлеме выполнены в единой манере. Покрывало использовалось в последние годы во время жертвоприношений оленя на святилище *Мис-хум-ойки*.

Таким образом, культовая атрибутика, хранившаяся на чердаке дома Алкадьевых, включала два комплекса: ранний, давно вышедший из употребления (две фигуры духов-покровителей, бубен и шкура медведя), и комплекс вещей (шлем, покрывало, платки), который используется в обрядовой практике в последние годы.

Мансийские святилища в бассейне реки Волья

Река Волья является левым притоком Северной Сосьвы и впадает в нее приблизительно на середине пути между селениями Менкв-я и Верхне-Нильдино (расстояние между ними по воде

около 65 км). В пяти километрах от устья Волы выше по Северной Сосьве ранее находился поселок Санги-тур-пауль (Санки-тур, юрты Вогулские, Вагульские). По сведениям В.Н. Чернецова, предком-покровителем жителей селения считалась *Лус-хал-эква* “лягушка” [Источники..., 1987, с. 151]. Основными патронимическими группами здесь были Таратовы и Юнаховы. По данным переписи, в 1795 г. в юртах Вогульских проживало 93 чел., в 1816 г. - 106 чел., в 1858 г. - 72 чел., в 1897 г. - 53 чел., в 1926 г. - 57 чел. (включая манси, живших по Волье), в 1937 г. - 53 чел.; в начале 1950-х гг. в результате выполнения постановления об укрупнении населенных пунктов селение перестало существовать [Северная Сосьва, 1992, с. 4 - 11]. Большая часть жителей переехала в Верхне-Нильдино, где, в частности, оказалась и семья нашего информатора П.С. Таратова.

* * *

В 30 км выше устья Волы справа в нее впадает р. Ялбынья, истоки которой находятся рядом с истоками другой Ялбыньи, впадающей в Северную Сосьву выше Хулимсунта.

В бассейне Ялбыньи (притока Волы) до сих пор функционируют два святилища. Хранителями их ранее были Таратовы из селения Санги-тур, а после исчезновения поселка эти места “держал” П.С. Таратов из Верхне-Нильдино. После его смерти в 1994 г. функции хранителя перешли к В.Н. Вадичупову, проживающему в селении Кимкъясуи (девичья фамилия его матери Таратова).

Святилище *Такт-котиль-аки-пыга* и *Нярс-най-эквы*

Святилище расположено неподалеку от берега Ялбыньи в нескольких километрах выше ее устья. В центре поляны стоит *ура* на одной опоре, рядом с ним находятся еще два старых *ура*, уже пустые. Приезжают сюда весной и первым делом проверяют, не погрыз ли домик какой-либо зверь. Осенью снова смотрят - если домик опять погрызли, значит, богам здесь жить неуютно. Подобный обычай был отмечен К. Карьялайненом у хантов: если мышь проест дыру в одежде духа-покровителя, ее тотчас необходимо заменить новой, т.к. считается, что поврежденная одежда не нравится духу [1995, с. 13]; если мышь проедала дыру в жертвенном платке сосьвинских вогулов, то его полагалось убрать в отдельный ящик или вывесить за домом, где он и оставался, пока не сгнивал или не падал [Kannisto, 1958, S. 317].

Пять лет назад *ура* был поврежден. *Приехали в августе - а стены кто-то погрыз. Вернулись на Волю, срубили кедр, разделили его на доски. Ставили амбарчик втроем и управились за день.*

В последние годы святилище посещают только Таратовы и Вадичуповы. Могут пойти и Вынгелевы из Верхне-Нильдино или Кимкъясуев, но только с хранителем *ура*, при этом гости на “святом” месте не могут ломать дрова и что-либо трогать. Въезжая в устье Ялбыньи, “чужие” должны бросить в воду монету. Женщины остаются на берегу Волюи. Дальше начинается “святой” берег, где мужчинам запрещено выходить из лодки или втыкать весло в песок.

Каждая из стен амбарчика выполнена из одной широкой кедровой плахи, в верхней части дверцы имеется небольшое отверстие; амбарчик, как уже отмечалось, установлен на одной опоре. Столика на поляне нет. Пищу раскладывают на доске, прямо на земле. На верхних концах опор кострища вырезаны обращенные друг к другу личины *менквоов* (стражей святилища).

Внутри *ура* у задней стены находятся три фигуры духов-покровителей: мужская и две женские. Это - *Тахт-котиль-аки-ныг**, *Аги* (сын и дочь “Старика середины Сосьвы”) и *Нярс-най-эква*. Считается, что раньше они жили в разных местах, потом пришли сюда, стали жить вместе. *Нярс-най-эква* привезена из Хулимсунта, а *Тахт-котиль-аки-ныг* и *Аги* - из Сартыньи. Фигуры выполнены из ткани, головные уборы отсутствуют.

Сразу за дверцей находятся четыре фигуры т.н. “сторожей” длиной около 20 - 30 см: две из них более крупных размеров. Сторожей двери зовут *Ави-ура-аки-ныг* (букв. “двери амбарчика мужчины сын”). Внутри каждого из них вложены деревянные фигурки около 5 см в длину, а сверху накручены куски ткани, составляющие одежду. На головы надеты островерхие шапки, выполненные из красных и синих клиньев сукна, без меховой оторочки. Когда хранитель приходит на место и открывает дверцу, то прежде всего вынимает сторожей, а затем уже три главные фигуры.

В прошлом (1996) году кто-то залез в амбарчик и выбросил все вещи и фигуры наружу, в результате чего все подгнило. Об этом сообщил хозяевам места А.И. Монин, зять В.Н. Вадичупова, но поскольку ему нельзя прикасаться к чему-либо на святилище, фигуры продолжают лежать на земле. Вадичуповы собираются сделать новый амбарчик и новые фигуры, для чего предварительно планируют пригласить *пошаманить* И.Н. Алкадьева из Хулимсунта. Он

* Другой сын *Тахт-котиль-ойки* “жил” в верхнем течении р. Вижай, притока Лозьвы [Kannisto, 1958, S. 165].

должен сказать - хорошо ли здесь *пупыгам* или нужно перенести *ура* в более приемлемое для богов место. О том, что выбор новых священных мест зависел от гадания шамана, сообщал П.С. Паллас [Карьялайнен, 1996, с. 219].

Посещают святилище осенью и весной, обязательно на новолуние, чтобы в будущем *все хорошо было*. Когда зажигают костер, то огненному богатырю *Най-отыру* ставят рюмку водки, *чтобы здесь сторожил*; менквов водкой не угощают. На площадке перед *ура* убивают оленя или телку.

Святилище Волья-ялпын-щань (Мис-нэ-эквы)

Святилище расположено в 45 км вверх от устья р. Ялбынья. Это место *Мис-нэ-эквы* - лесной женщины. Здесь для нее построен специальный дом размерами около 2,5 x 2,5 м, установленный прямо на земле. Избушка с одним окном, без чердака, двускатная крыша покрыта берестой. Внутри находятся чурвал и столик, на котором стоит сундук, рядом лежат дрова и лук со стрелами. Считается, что в этом домике живет *Мис-нэ-эква*, но самой фигуры там нет. Неподалеку располагается ее прежняя, развалившаяся избушка. При посещении места разводят в чурвале дома огонь и кладут в сундук жертвенные платки.

Верхне-Нильдино

В конце XVIII в. Нильдинские юрты относились к Сосьвинской волости и располагались на правом берегу Северной Сосьвы. Основными патронимическими группами здесь были Вынгелевы и Комратовы. По данным ревизии 1783 г., население Нильдинских юрт насчитывало 43 чел., в 1816 г. - 40 чел. в 1858 г. - 67 чел. [Перевалова, 1997, с. 332]. В 1897 г. численность населения юрт Верхне-Нильдинских составляла 45 чел., в 1926 г. - 21 чел., в 1937 г. - 75 чел. (в эти годы здесь был создан колхоз и построена начальная школа), в 1952 г. - 196 чел. (из них манси - 158 чел.), в 1976 г. - 22 чел., в 1981 г. - 14 чел., в 1990 г. - 5 чел. [Северная Сосьва, 1992, с. 4 - 11]. В наш первый приезд в Верхне-Нильдино (юрт Нижне-Нильдинских уже нет) здесь проживали только две семьи - П.Е. Вынгелева и П.С. Таратова, в 1997 г. в селении все немногочисленные жители носили фамилию Вынгелевых. Сегодня в уже заброшенном поселке начинает возрождаться жизнь: несколько новых домов строят жители Кимкъясуев и Сосьвы.

Культовое место Полум-Торум-пыга

Святылище *Полум-Торум-пыга* (*Павыл-овыл-аки, Пауль-урне-ойки*) “Сына Пелымского Бога” (“Старика, (живущего) на краю селения”, “Поселкового богатыря”) располагалось в центре елового мандала на левом берегу р. Яны-я, правого притока Северной Сосьвы, и принадлежало манси Вынгелевым. На небольшой возвышенности стоял *ура*: в местах среза двух пней, выполнявших функцию опор, были вырублены прямоугольные пазы, в которые уложены поперечные бревна, на них был установлен амбарчик. Длина его составляла 180 см, ширина 110 см, высота 140 см, высота опор 190 см (рис. 59). Стены сбиты из тесаных плах, крыша двускатная, с каждой стороны уложено по три доски внахлест. Крыша увенчана охлупнем, представлявшим собой бревно с выемкой по всей длине

Рис. 59. Культовый амбарчик Полум-Торум-пыга.

и двумя заостренными концами. Доски боковых стен и крыши выступают с задней и передней сторон *ура*. Приставная дверь составлена из двух досок, скрепленных двумя деревянными поперечинами. На ветках деревьев, стоящих за *сумьяхом*, висело несколько медвежьих черепов. В полутора метрах перед входом в *сумьях* стоял стол на четырех ножках, в пяти метрах от которого располагалось кострище. Опорами для тагана служили колья, верхние части которых были увенчаны вырезанными личинами *менкв-пырищей* “сыновей *менк-вов*”, со скошенным вниз и внутрь лбом, прямым, выступающим вперед носом, глазами и ртом в форме овала (рис. 60). По словам жителя Верхне-Нильдино П.С. Таратова, они

караульщики. Мясо когда вынут, поставят на стол и в ура поставят, а в котел сыпят крупу или муку. Один крутит - мешает. Когда сварится, ставят на стол, в ура и огню. И из этой чашки, что огню, мажут рты менкв-пырищам.

В задней части амбарчика на подставке размерами 50 x 40 x 15 см, сбитой из двух досок и опиравшейся на два поперечных бруска, была посажена антропоморфная фигура *Пауль-урне-ойки* в черном халате с тремя завязками, под которым надеты одна на другую несколько разноцветных хлопчатобумажных рубаш. На голове духа-покровителя островерхая суконная шапка из красных, желтых и зеленых клиньев с кисточкой из суконных лент тех же цветов и опушкой из меха ондатры по нижнему краю. Под ней находилась шапка из черных и красных клиньев с собольей оторочкой и шапка из черных и синих суконных клиньев с опушкой из ондатры.

Справа и слева от фигуры вдоль помещения были установлены перекладины из тонких жердочек, увешанные жертвенными платками; перед входом лежали пачки папирос и чая, спички, жестяная миска с пятью рюмками.

В сундучке, стоящем слева от входа, находились *арсыны* и фигура духа-покровителя, сердцевинной которой являлось бронзовое антропоморфное изображение.

Рис. 60. Менкв-пырищ.

выполненное методом плоского литья и стилистически близкое одной из личин Кинтусовского могильника (рис. 61): у обеих личин одинаково оформлены глаза и Т-образная линия лба и носа. Лицо "идола" полукруглой формы с маленьким подбородком, ртом и усами; руки скрещены на уровне пояса, большие и указательные пальцы вместе составляют треугольник. Особенностью нильдинского изображения является "корона" из трех личин.

По сведениям А. Каннисто, "в Нельдинске (Njeldinsk) есть оловянный образ... *ялпус ойки*, «старика из священного города». Его нашли в земле в деревне... и сохраняют теперь для одного *путыга*" [1958, S. 212]. Скорее всего, Нельдинск и Нильдинские юрты - одно и то же, по крайней мере, в материалах переписи 1897 г. юрты записаны как Нельдинские [Патканов, 1911, с. 39]. Если это так, то информация А. Каннисто может относиться к обнаруженному нами литому антропоморфному изображению.

В сундуке, стоящем справа от входа, также хранились *арсыны*, между которыми в двух шапках-чехлах, вложенных одна в другую, находилось серебряное блюдо*. Внутренний чехол представлял собой суконный шлем сфероконической формы, выполненный из трех желтых и трех красных клиньев и отороченный по нижнему краю беличьим мехом. Внешний чехол шлемовидной формы отличался козырьком и был сшит из сукна темно-зелено-

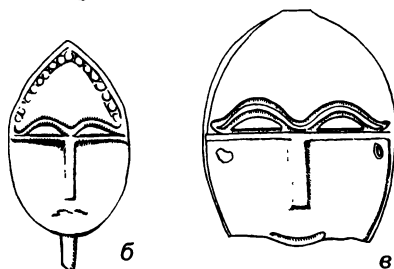

Рис. 61. Бронзовое антропоморфное изображение из Верхне-Нильдино (а) и личины из Кинтусовского могильника (б, в) [Чернецов, 1957, табл. XII, рис. 10].

* Описание блюда дано ниже.

го цвета, по нижнему краю и в середине по окружности украшен серебряным шитьем в виде волнистой линии, веточек и арок (рис. 62).

Рис. 62. Шлем - чехол
серебряного блюда.

Посещали святилище зимой и приносили в жертву *Полум-Торум-ныгу* коня. Животное привязывали к жертвенному столбу, и клали ему на спину принесенный из дома *ялпын-улама*. Вынимали блюдо и за кожаный ремешок подвешивали на ветку березы. При этом полагалось говорить следующее: *Полум-Торум, приходи, тебе лошадь забьем*. Коня, оленя или бычка приносили в жертву и в самом селении, но мясо обязательно полагалось отнести к *ура*. Варили его уже на месте у костра.

Местного духа-покровителя в последние годы чаще называют *Пауль-урне-ойкой*. П.С. Таратов рассказал нам легенду о появлении этого *пунга*: Однажды мужик видит - из леса лосиный след идет,

вокруг дома лось обошел и тут след кончился. Куда дальше делся? Тогда шаман сказал мужику: «Посмотри на чердаке». Полез мужик на чердак и видит - кто-то в мужской одежде лежит. Сказал он мужику: «Мне эта речка нравится, Яны-я. Мне здесь ура поставьте». В.Н. Чернецов, описывая мелвежий праздник в Ильпи-пауле и перечисляя показываемых там духов-покровителей, сделал важное замечание: «...входит *Полум Торум*, который является Ильпи-пауль *Павлынг ойка*» [Источники..., 1987, с. 217]. Здесь допущена неточность: в Ильпи-пауле почитали не *Полум-Торума*, а его сына - *Полум-Торум-ныга* [Чернецов, 1939, с. 24]. По сути, речь шла о том, что *Полум-Торум-ныга* считали *Павлынг ойкой* «Стариком селения» Ильпи-пауль. Можно даже уточнить - «Стариком-основателем селения», т.к. жители Ильпи-пауля (а равно и Верхне-Нильдино) считали себя выходцами с р. Пелым: по родовому преданию, их привел сюда *Полум-Торум-ныг* [Там же, с. 24]. В этом случае и в Верхне-Нильдино *Полум-Торум-ныг* являлся *Павыл-ойкой* «Стари-

ком селения”. Подобная традиция существует и у обских хантов: в селении Пашторы местного духа-покровителя называют двояко - “Деревенский бог” или же Манквла “Сова” (1998 г.).

* * *

Вернемся к обнаруженному в амбарчике серебряному блюду. Оно хорошо сохранилось и не требует реставрации (рис. 63). Тем не менее, оно несет на себе отпечаток времени. У него отсутствует металлическая петля для подвешивания, а в отверстия для заклепок продет тонкий кожаный ремешок. С тыльной стороны по

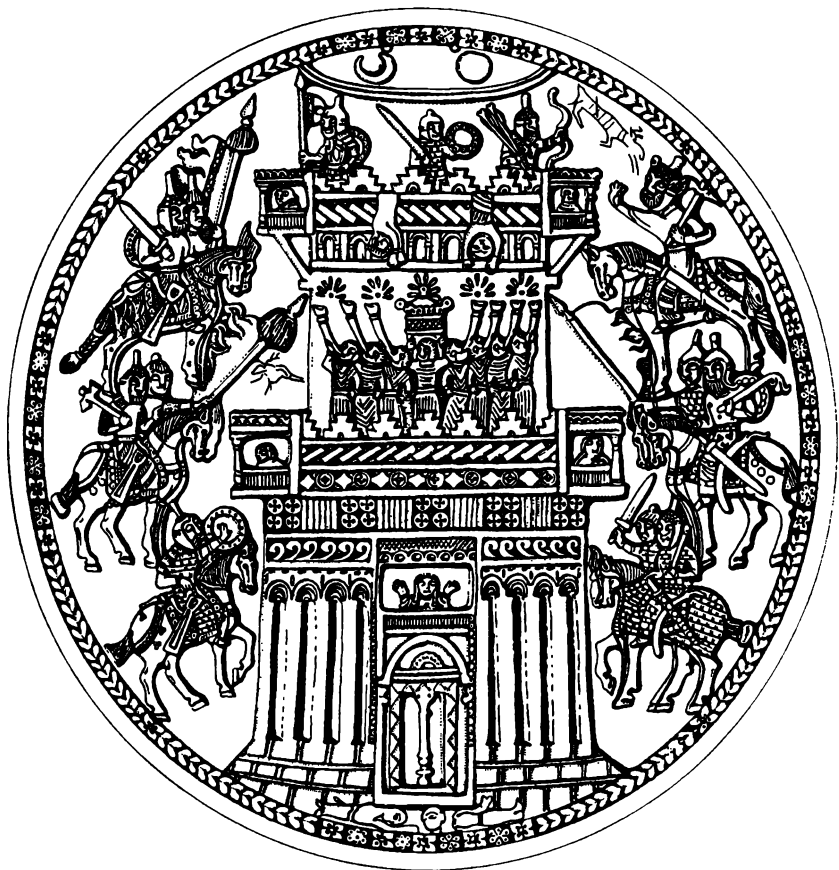

Рис. 63. Серебряное блюдо из Верхне-Нильдино.
Прорисовка А.П. Бородавского.

краю блюда был нанесен удар острым рубящим орудием, в результате чего на ободке образовалась небольшая радиальная трещина. На тыльной стороне блюда имеется еще один след удара острым предметом - радиальное углубление длиной 13 мм. И наконец, в одном месте подрублена круговая ножка. По мнению И.А. Орбели, "блюда использовались в культовом обиходе... охотников... как изображения священных дисков, озаряющих днем и ночью землю (для полноты впечатления кольцевые ножки удалялись)" [Орбели, Тревер, 1935, с. XII]. Возможно, такая акция была предпринята и по отношению к нильдинскому блюду, но, к счастью, не была завершена.

Диаметр блюда составляет 235 - 240 мм, высота 29 - 34 мм, диаметр круговой ножки 97 - 99 мм, высота ножки 4 - 5 мм. Вес блюда 1 103 г. Оно является двойником знаменитого аниковского блюда, хранящегося в Эрмитаже. Последнее было найдено в 1909 г. в Западном Приуралье вблизи дер. Больше-Аниковская Чердынского уезда Пермской губернии, т.е. фактически на одной параллели с нильдинским блюдом, только по другую сторону Уральских гор. Из всех многочисленных интерпретаций сюжета, представленного на блюде, единственной бесспорной, на наш взгляд, является версия Б.И. Маршака, согласно которой, рисунок на блюде можно назвать своеобразной иллюстрацией к некоторым эпизодам книги Иисуса Навина; отлито оно в IX - X вв. по слепку с оригинала примерно VIII в. [1971, с. 11].

В центре блюда находится изображение крепости, которую осаждают десять всадников. Обороняющиеся представлены тремя воинами в верхнем ярусе (вооруженными копьем, мечом, щитом, луком и стрелами) и четырьмя воинами в сторожевых башнях. С верхней части крепости свешиваются две фигуры погибших, два тела лежат у подножия стены. Фон фигур покрыт позолотой. Позолочены также изображения солнца и луны, фигуры повешенных на перекладине воинов, лица Раав и воинов в башнях, накопники копий всадников, арка и столб, находящиеся в нижней части блюда. По мнению Б.И. Маршака, последовательность эпизодов к книге Иисуса Навина показана на блюде снизу вверх. Внизу - осада Иерихона и блудница Раав в своем окне, пробитом в городской стене, выше - вынос Ковчега Завета в сопровождении семи жрецов с "семью рогами юбилейными", еще выше - взятие какого-то ханаанского города и Иисус Навин, остановивший одновременно луну и солнце [Там же]. Между аниковским и нильдинским блюдами существует ряд различий в оформлении фигур на лицевой стороне изделий, они были рассмотрены в специальной статье [Гемуев, 1988, с. 39 - 48].

На лицевой поверхности блюда выполнены изображения лосей, врезанные уже сибирским охотником рядом с основными фигурами. Не случайно, видимо, верхняя фигура лося располагается прямо напротив воина с луком, а нижняя - рядом с копьем всадника. Речь здесь может идти об элементах охотничьей магии. Впрочем, можно указать и на другие параллели: на налобных пластинках и серебряных блюдах работы русских мастеров, начиная с конца XVIII в., постоянно воспроизводился один и тот же сюжет: охотник прицеливается из лука в скачущего оленя (лося).

Согласно представлениям местного населения, на серебряном блюде изображены многие видные персонажи пантеона, включая *Полум-Торума* и его сына. По сведениям В.Н. Чернецова, священное место *Полум-торума* находилось в верховьях р. Пелым; ряд мансийских патронимий считал его сына своим предком, в частности, в селении Петкаш, Резимовских, Новинских и Нильдинских юртах [1939, с. 24].

Нильдинское блюдо уникально не только своим происхождением и наличием "двойника". Оно обладает собственной легендой, рассказанной В.Н. Чернецову в 1938 г. Н.Я. Бахтияровым в Ивдельском районе, который лично видел это блюдо: "...Меня на жертвоприношение звали, тогда старик мне и показывал. Это в Али-нялтанг, их пупых - *олнани**, величиной с твой котелок (20 см). Завернута в платки, только половина была видна. Во время жертвоприношения ее повесили, а так лежит у него. Он мне как следует показывал. Посредине на лошади Полум Торум, а по краям еще четыре лошади; на одной Мир сусне хум, на другой... на третьей..., а на четвертой еще *Хуль отыр*, но он не на лошади, а так внизу" [Источники..., 1987, с. 265].

Не совсем точный рассказ информатора позже попал в статью В.Н. Чернецова "К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье", в которой вновь говорилось лишь о пяти всадниках, представленных на блюде: "два - справа, два - слева и один - внизу, а в центре, судя по описанию, вода, из которой высовывается, по-видимому, человеческая фигура [1947а, с. 122]. Эти строки говорят об одном: сам В.Н. Чернецов блюда не видел, в противном случае он смог бы гораздо раньше заявить о существовании "двойника" аниковского блюда, к тому времени неоднократно опубликованного. К сожалению, неточности рассказа Н.Я. Бахтиярова вновь были повторены в комментариях к тому "Мифы, предания, сказки хантов и манси" вместе с утверждением о том, что В.Н. Чернецов видел данное блюдо [1990, с. 543].

* Серебряная тарелка, блюдо (манс.). - *Прим. авт.*

Приведем предание с некоторыми сокращениями:

Серебряное блюдо из селения Верхне-Нильдинского

«По ту сторону Салэ-Харда ненцы живут... Однажды летом неводят, неводят, ничего совершенно не добывают... Однажды... невод забросили. К берегу подвернули. Тянули, тянули, больше не могут. «Он почему, - думают, - тяжелый?» С лодки смотреть стали - невод полон рыбы. Тогда говорят: «Маленьким неводом рыбу на берег выберем». Рыбу понемногу на берег вытащили... Пятьсот пудов вытонули. Говорят:

- Ну, делить будем?

- Чего делить. Сколько можешь, столько и бери.

Среди большого количества рыбы смотрят - тарелка. Немного глиной облеплена. Водой немного обмыли, смотрят - серебряная тарелка. Тогда говорят:

- Кому надо, пусть возьмет.

Один человек говорит: «Мне не надо», другой человек говорит: «Мне не надо». Тогда один человек говорит:

- Я возьму. Возьму, в свой дом отнесу.

Домой сходил, кусок материи принес. Аршинным куском материи с угла на угол тарелку завязал, домой отнес, в переднем углу к шесту привязал. После внесения на третий день сам заболел. Три дня жил, потом на третий день как заболел - умер. При смерти он детям и жене сказал:

- Если я умру, эту тарелку в другой дом пусть отнесут.

Верно, в тот день, когда сказал, как свечерело, так и умер. Он умер, серебряную тарелку взяли и в другой чум отнесли. Туда внесли, также к шесту дома привязали. В день похорон того человека, в другом доме, куда внесена была тарелка, человек заболел. Как заболел, на третий день и умер. Этот человек умер, тарелку взяли и в третий дом отнесли. В третий дом внесли, также в передний угол к шесту дома привязали. В передний угол привязали, в том доме живущий человек тоже заболел. И так же, как заболел, на третий день умер.

После того еще по четырем домам тарелку носили. Четыре человека еще умерли. Таким образом, в семь домов заносили, семь человек умерло.

Тогда говорят:

- Как дальше иметь ее будем? Иметь ее, видать, нельзя? В семи домах семь человек умерло.

Тогда один ненец поворожил и говорит:

- Домой, в помещение, вносить совершенно нельзя. По заднюю сторону седьмого дома маленькая береза есть. На ту маленькую березу, туда привяжите. Там пусть будет.

Тогда вороживший ненец еще сказал:

- Народ пусть весь соберется, хорошенько ворожить надо. Кому хранить ее, понятным тогда станет...

Тогда народ собрался. Шамана выбирать стали. Очень много в бубен бьющих ненцев было. Между собой хоть и выбирали, ради этого случая в бубен никто не бьет, не соглашаются... Тогда узнали, девушка есть. Та девушка самый первый шаман. Тогда люди говорят:

- Ты в бубен бей.

- Буду бить, мне можно.

Из одной нарты бубен принесли. В дом с огнем занесли. Огонь развели, бубен согрели... говорят:

- Теперь девушка пусть идет. Пусть бубен возьмет.

Позвали, вошла в дом, где бубен согревали. Бубен ей дали. В руки взяла. Взяла, немного погрела. Своими руками заново бубен у огня погрела. Тогда поколачивать стала, поет.

Петь стала, говорит:

- Эта серебряная тарелка очень дорогая. Очень много духов на ней есть. Тапал-отец там есть, затем Тапал отца сын там есть. **Тапал отец на лошади сидит, сын тоже на лошади сидит. На самой середине водяной царь, старик. С одной стороны от него Мир сусне хум тоже на лошади сидит, а сбоку от него Мир сусне хума сын на лошади сидит. Водяной царь старик по середине тарелки из воды поднялся. Плечи и руки из воды только виднеются. Кисти рук только видны. Пятый человек тоже есть - Шахэл-торум-ойка тоже на лошади сидит.*** Это дух грома, им затеянное дело. Сыновья его убиты. В поисках сыновей он войско зовет.

Дух грома на юге живет. Там надумал рыбу ловить придти. Ради делания озерной пищи, обской пищи сюда пришел. На Обь сюда пришел, посмотрел: во всю толщу воды - рыба. Множество всяких рыб там есть... То место нашел, там и поселился.

Был очень теплый день с кучевыми облаками на небе. Гром тогда загремел, лодка на воду упала. В лодке два человека стоят - духа грома сыновья. Когда он загремел, водяной царь услышал.

- Что это тяжелое такое упало?

Взглянул, увидел, двух человек с лодкой увидел. Смотрит - ну-ка, что делать будут? Калданную сеть спустили, вниз по воде плывут. Сами в лодке стоят. Однажды слышат, рыба в сеть вошла. Подняли рыбу, в лодку сложили. Тогда водяной царь своим сыновьям говорит:

- Пойдите, поймите их вместе с лодкой.

Два человека пошли, пришли туда, лодку поймали, перевернули. Обоих человек поймали в то время.

Дух грома сверху вниз в то время смотрит, оба его сына двумя чело-веками пойманы и опрокинуты. Сколько ни гремел... что возьмет? Взять их не мог. Вниз смотрит - **город**. Оба сына вниз, в город отнесены. **Руки у них связаны, ноги связаны. Железными цепями связали, на железную пере-кладину, чтобы убить повесили...** Тогда он испугался:

- Я что сделаю, его сила!

Отправился к старику Тапал. Он тут поблизости живет, знает ведь он, что делать. Туда пришел, в дом зашел. Тапал старик дома сидит. Стал его спрашивать, духа грома:

- Это ты как сюда пришел? Ты никогда здесь не хаживал, сюда не заходил.

- Самые лучшие рыбные места здесь есть, ради промысла рыбы пришел.

- Добыл рыбы?

* Жирным шрифтом выделено описание фигур, представленных на блюде. - *Прим. авт.*

- Нет. Обоих сыновей своих только что спустил, рыбу промыслять.

- Ловят, а?

- Чего ловят! Два человека на них напали, схватили, лодку перевернули., самих поймали, в подводный город унесли, там убили.

- Вот как! А ты спрашивался? Водяной царь старик там живет. Со своим городом там находится.

- Да я и не знал, как спрашивать буду? Я тебя звать пришел...

Тапал старик, голову немного опустив, посидел, затем говорит:

- Пойду, зачем не пойти, зовешь меня коли.

Сыну своему тогда сказал:

- **Военных коней наших поймай. Уздечками взнуздай, оседлай.**

Взнуздал, оседлал, к отцу пришел.

- Кони наши готовы.

На улицу вышли, на коней сели, поехали. Как тронулись, Тапал старик говорит:

- К Мир сусне хуму завернем, а оттуда уже прямо поедем.

Отправились, туда приехали.

- Мы, - Тапал старик говорит, - на конях посидим, а ты в дом зайди.

Мир сусне хума позови.

Дух грома в дом вошел.

- Да вон что! - Мир сусне хум говорит. - Ты как сюда пришел?

- Я ради рыбного промысла пришел.

- Добыл?

- Чего добыл, оба моих сына убиты. Я тебя с собой зову, пойдешь коли.

- Коли зовешь, почему не пойду, пойду.

Сыну сказал:

- Сходи на улицу, **военных коней** наших поймай.

Сын вышел, обоих поймал, взнуздал, оседлал. В дом тогда вошел, отец уже оделся. Говорит отцу:

- **Коней наших взнуздал, оседлал.**

Наружу вышли. На коней сели. **Пять конных человек едут вместе.** Однажды водяной царь дома был. Дом его вдруг шевелиться начал. Дом его туда-сюда просто колышется. Из дома выглянул, оказывается, враги идут. Пять конных человек. Их движение настолько тяжело, город его чуть не рушится! Тогда на поверхность воды поднялся. Молить начал. **Когда из дома выходил, водяной царь семи сыновьям, семи богатырям сказал:**

- **Вы духу неба говорите. Семь труб наверх выставьте.** До такого дня дожили! Водяного царя город наш сегодня ведь разнесут. Враги идут! Я их молить стану, вы духа неба молитесь.

Сам наружу появился, над водой показался. На врагов молит. Руки навстречу протянул. Рот раскрылся. Так испугался!

Они тогда смилостивились. **Дух неба воевать тоже не допустил.** Тогда перестали. Смилостивились, хоть и отправились ради того, чтобы водяного царя убить. Тапал старик говорит:

- Водяной царь уже что сделал, то сделал. Зато теперь ты, - духу грома говорит, - порожняком не уходи. Какое количество только можешь, добудь рыбы. Сколько добудешь, в свою землю носи.

Четыре конных человека теперь домой поехали. Завтра дух грома рыбу теперь промышлять стал... Сыновья у него убиты, за них ему рыба назначена была. Водяной царь старик говорит:

- Теперь каждое лето сюда приходи.

Больше они не бранятся, теперь там живут.

Девушка пошаманила, тогда еще говорит.

- Это блюдо по семи домам носили, тогда семь человек умерло. Зачем в помещение вносили? На ту березку, туда привязывать вам надо было.

Ненецкая девушка еще пошаманила, говорит:

- Этот день здесь пробудет, на березе. Завтра двух человек выберете, в подводы ехать снарядите. Завтра эту тарелку в шкуру белого годовалого оленя заверните, пусть везут. В Верхне-Нильдинских юртах человек с бревенчатым домом, говорят, живет. Туда на лодке пусть везут. Туда привезут, тот человек возьмет. Место хранения там.

Ненецкая девушка так ворожила; теперь место хранения нашла. Шаманом оно найдено.

Так подводами блюдо повезли. Ни в одном селении так не сказали: «Я не поеду». Хоть в которое селение не приедут, другие два человека дальше везут. К человеку с бревенчатым домом привезли. Вместе с белой шкурой передали. Теперь в Верхне-Нильдинских юртах хранят» [Чернецов, 1947а, с. 126 - 129].

Таким образом, изображенные на блюде фигуры были истолкованы шаманкой в русле местной мифологической традиции: плачущая Раав стала водяным царем, молитвенно поднявшим руки, семь жрецов с «рогами юбилейными» оказались сыновьями водяного царя, тела убитых сыновей духа грома «повешены» на верхней части крепостной стены, а в одной из двух групп всадников можно увидеть *Тапал-ойку (Полум-Торума)*, *Мир-сусне-хума*, их сыновей и духа грома. Представляется, что вторая группа всадников, равная по силе, могла восприниматься воинами духа неба, к которому обратился за помощью водяной царь. Именно равное количество всадников с обеих сторон не дало разгореться сражению.

Интересно, что ненецкая шаманка верно поняла главную идею автора блюда: представлена не памятная картина какого-либо события, а совокупность эпизодов.

Необходимо напомнить, что запись предания о блюде В.Н. Чернецовым была сделана дважды: 22 октября 1938 г. он успел внести в дневник лишь краткие пометки, а полный текст записал уже 4 ноября 1938 г. В обоих случаях рассказчиком выступал манси Н.Я. Бахтиаров. При внимательном прочтении двух вариантов между ними заметны некоторые расхождения. В первом случае упомянут *Хуль отыр* (Владыка подземного мира), фигура которого указана в нижней части блюда; более точно назван район находки - побережье Хэ нуйко, до Нового Порта, а главное - среди рыбы были обнаружены «семь блюд и все одинаковые»(!) Вернемся к пер-

вой записи В.Н. Чернецова: “После этого рыба не стала ловиться совсем. Один шаман ворожил, сказал: «Одну чашку у себя оставил, а остальные пусть возьмет тот, кто первый придет и захочет их взять». Так и сделали. Одну он у себя в чуме держал. Остальные в платки завернули и на березу повесили. Немного времени прошло, он умер. Тогда чашку другой брат в свой чум взял и тоже вскоре умер. Семь братьев их было, и все умерли.

Была там девушка одна - шаман. Она ворожить стала. Говорит: «Ни одной чашки оставлять нельзя. Эти чашки в другие места назначены. Сейчас их все повесьте на березку в тундре. А потом придет сверху человек, с Сосьвы-реки с темной водой. Он будет не шаман, не ворожей, но ему надо отдать». Так и сделали. Действительно, приехал однажды человек, не был он ни шаманом, ни ворожеем, а просто рыбачить приехал. Был он с Сосьвы, из селения Али-нялтанг. Стали ему отдавать чашки, но он отказался взять. Уехал. После этого начали умирать люди в этом роду. Тогда снарядили лодку и несколько человек отправились в путь. Долго они ехали, пока добрались... до селения, разыскали человека того и вручили ему чашку. Остальные чашки развезли по другим местам, не знаю куда. С тех пор она и находится в Али-нялтанг” [Источники..., 1987, с. 265].

Итак, согласно первому варианту было выловлено семь блюд и “все одинаковые”. По этому поводу необходимо обратить внимание на две детали: с одной стороны, возможно, из этой же группы было и аниковское блюдо, поскольку в конце записи прямо говорится о том, что остальные блюда “развезли по другим местам”; с другой стороны, слова “все одинаковые”, может быть, не стоит понимать в прямом смысле: с одинаковыми сюжетами. Речь могла идти о равных размерах, форме и других внешних признаках.

Легенда говорит о том, что смерть стала поражать людей, взявших блюдо. В первой версии семь умерших людей - братья, старший из которых - шаман.

К сожалению, причина расхождения деталей двух версий В.Н. Чернецовым указана не была.

Через пятьдесят лет после записи легенды В.Н. Чернецовым мы услышали и третью версию: по словам П.С. Таратова, на *тарелке показана война Полум-Торума с менквами, когда царя не было, людей и воды не было, бог только землю начинал.*

* * *

Святилище *Пауль-урне-ойки* пострадало в результате лесного пожара в 1989 г. Амбарчик остался цел, подгорел низ передней опоры и лестница. Поляна вокруг оказалась заваленной упавшими деревья-

ми. Сохранились столик и опоры кострища с лицами *менквов*. В 1997 г. мы смогли осмотреть “внутренности” сумьяха: в передней части амбарчика лежали *арсыны*; на полу и внутри платков находилось несколько новых катушек черных ниток*; на низкой подставке у задней стены была установлена фигура духа-покровителя в черном пальто и двух одетых одна на другую островерхих шапках. Внутри фигуры мы насчитали более двадцати халатов и рубах; все завязки на одеждах были развязаны, фигура легко раскрывалась, создавалось впечатление, что какое-то внутреннее вложение было вынуто и перенесено в новую фигуру. Слева и справа от подставки лежали двенадцать островерхих шапок (описание включает и две шапки на голове *путьга*).

Шапка из семи клиньев синего и черного сукна; диаметр нижней части 20,5 см, высота изделия 20 см. Навершие из семи суконных кисточек. Оторочка из меха белки.

Шапка (длинный колпак) из семи клиньев синего и голубого сукна. Диаметр 25 см, высота 38 см. Навершие из семи кисточек сукна, в одной из них зашита монета. Оторочка из меха белки.

Шапка из семи клиньев сукна красного и черного цвета. Диаметр 28 см, высота 27 см. Навершие из двух голубых кисточек, в одной из них зашита монета. Подклад выполнен из черного сукна. Оторочка из меха соболя.

Шапка из шести клиньев сукна красного и светло-зеленого цвета. Диаметр 20 см, высота 23 см. Нижний край шапки выполнен из темно-зеленого сукна. Оторочка из меха серой белки. Навершие из суконных кисточек.

Шапка из семи клиньев сукна красного и желтого цвета. Диаметр 29 см, высота 25 см. Подклад из пестро-красной хлопчатобумажной ткани. Султан из кусочков меха и кисточек. Оторочка из меха белки.

Шапка из семи клиньев сукна синего и голубого цвета. Диаметр 22 см, высота 25 см. Оторочка из меха белки.

Шапка из семи клиньев красного и черного сукна. Диаметр 27 см, высота 27 см. Подклад из белой хлопчатобумажной ткани. В навершие из двух черных, двух красных, двух бордовых и одной зеленой кисточки вшита монета. Оторочка из беличьего меха.

Шапка сферической формы из светло-голубого сукна. Диаметр 21 см, высота 18 см. Оторочка из меха белки. Подклад выполнен из коричневого ситца.

Шапка из двух красных, двух желтых и одного зеленого клиньев сукна. Диаметр 29 см, высота 24 см. Подклад из розовой хлопча-

* Катушки белых и черных ниток, предназначенные для изготовления одежды духов-покровителей, были обнаружены внутри культового амбарчика на протоке Пырсим [Гемев, Сагалаев, 1986, с. 100].

тобумажной ткани. Оторочка из меха белки. Навершие составлено из трех красных, трех желтых и одной зеленой кисточек сукна.

Шапка из семи клиньев черного и синего сукна. Диаметр 26 см, высота 22 см. К кисточкам навершие пришита пуговица. Оторочка из беличьего меха.

Шапка из семи клиньев синего сукна. Диаметр 20 см, высота 24 см. Султан выполнен из пяти кисточек.

Шапка из семи клиньев сукна темно-синего и голубого цвета. Диаметр 21 см, высота 25 см. Навершие из суконных кисточек. Оторочка из беличьего меха.

Шапка из шести клиньев сукна синего и голубого цвета. Диаметр 21 см, высота 27 см. Навершие из суконных кисточек. Оторочка из меха белки.

Шапка из трех красных, трех зеленых и одного синего клиньев сукна. Султан выполнен из пяти зеленых и двух красных кисточек. Верхняя часть шапки перед султаном оформлена полоской синего сукна. Оторочка из меха белки.

По информации, полученной от жителей селения, для *Пауль-урне-ойки* после пожара был построен новый амбарчик недалеко от прежнего места.

Домашние святилища

Домашние фетиши П.С. Таратова

В 1985 г. во время нашего первого посещения селения мы познакомились с Петром Сергеевичем Таратовым (1907 - 1994), человеком удивительной и трудной судьбы, прошедшим всю войну простым пехотинцем, настоящим знатоком мансийской традиционной культуры, доброжелательным и гостеприимным хозяином. Он и его последняя жена Анна Кузьмовна Таратова (Гындыбина, умерла в 1995 г.) были нашими информаторами на протяжении ряда лет.

В единственной комнате их дома, на *пупыг-норме*, размещенной в правом углу, стояли икона Богородицы, почитаемой как *Торум-щань*, и небольшой деревянный ящик с *арсынами*. В нем также находилась фигура *Мир-сусне-хума* в пестром красном фланелевом халате и маленькой двухцветной зелено-синей островерхой шапке с кисточками и беличьей опушкой по нижнему краю. Внутри фигура состояла из нескольких одетых одна на другую рубах зеленого, красного и синего цвета (рис. 64). Длина фигуры около 40 см, размах рук 41 см. На праздник П.С. Таратов обязательно ставил духу-покровителю рюмку вина и трижды кланялся.

Рюмку водки ставили и на подоконник - она предназначалась солнцу - *Хотал-экве*. Одновременно зажигали чагу, чтобы дым был виден богине. Старые люди говорят: *солнце в нарте сидит, а конь нарту тащит. Солнце - женщина, а месяц - ее сын, парень, Этпос-тыг. Он вырастает и кончается. Потом снова вырастает. На охоту пойдет и лося палкой ударит, с глазами что-то делается, себе в глаз попадает, потом болеет и кончается. Мать говорит ему: "Все время себя в глаз ударяешь, лучше ты будешь луной, снова вырастешь"*.

Рис. 64. *Мир-сусне-хум*.

На солнце двумя глазами смотреть нельзя - один глаз смотрит, а второй глаз пусть прищурен. Посмотрело солнце вниз и говорит: "Манси - плохие люди, совсем некрасивые". А месяц ей отвечает: "Ты само так светишь, вот я свечу спокойно, люди на меня смотрят, я вижу - хорошие люди".

В доме Таратовых часто останавливались проезжавшие по реке люди, поэтому большая часть культовой атрибутики хранилась на чердаке. Нам удалось побывать там только после смерти хозяев. Вдоль всего чердачного помещения справа и слева от входа на высоте около 1,6 м от пола укреплены жерди, которые соединены у двери поперечной перекладиной. На ней и на жерди слева висят большие куски ткани, несколько мужских рубашек и платье с мансийской вышивкой. В правой части чердака ближе к входу на полу лежат две шкуры оленя и несколько конских копыт, на правой жерди повешен конский хвост черного волоса. На обеих жердях висят мешочки с гусиным пухом.

Культовая атрибутика хранится в левой части чердака: сразу у торцевой стены стоит чемодан, рядом с ним еще два чемодана (один на другом), за ними лежит большой полиэтиленовый мешок, а в углу стены - *санквылтап*. Вдоль стены за чемоданами стоит сундук, на нем лежит *имда*, дальше находятся узел с *арсынами*, деревянный ящичек, туесок с платками, большой пустой берестяной *пайп*, несколько берестяных масок для медвежьего праздника и модели луков длиной около 60 - 70 см.

Один из чемоданов был полупустой: в нем лежали подарки для *Чохрын-ойки* - четыре шкурки соболей и пять ножей с лезвиями, обернутыми кусками ткани. Приношения были приготовлены для отсылки с оказией в Усть-Тапсуй.

Большой полиэтиленовый мешок был заполнен *арсынами*; здесь же находились два жертвенных покрывала, рукавицы для медвежьего праздника и две островерхие суконные шапки.

Покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и голубого цвета и оторочено беличьим мехом (СМ34; рис. 65). Изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 73 x 80 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. К углам полотнища пришиты красные и голубые ленты сукна. Голова всадника обозначена ромбом, руки подняты вверх.

Покрывало с восемью фигурами всадников выполнено из сукна красного и желтого цвета и оторочено беличьим мехом (СМ35; рис. 66). Это первое из зафиксированных жертвенных покрывал у обских угров с таким большим количеством фигур всадников, традиционно их максимальное число равнялось семи. Покрывало изготовлено во второй половине XX в. Его размеры 68 x 100 см. Полотнище на подкладе из цветного хлопчатобумажного платка. По периметру *ялтын-улама* пришиты на суконных лентах семь колокольчиков, изготовленных в конце XIX в. на заводах П.Г. Чернигина и В. Малкина. Рядом с тремя колокольчиками пришиты шкурки

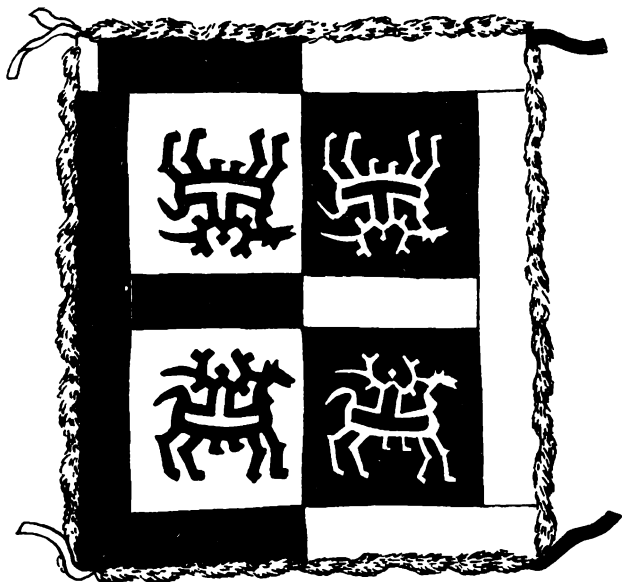

Рис. 65. Жертвенное покрывало (СМ34).

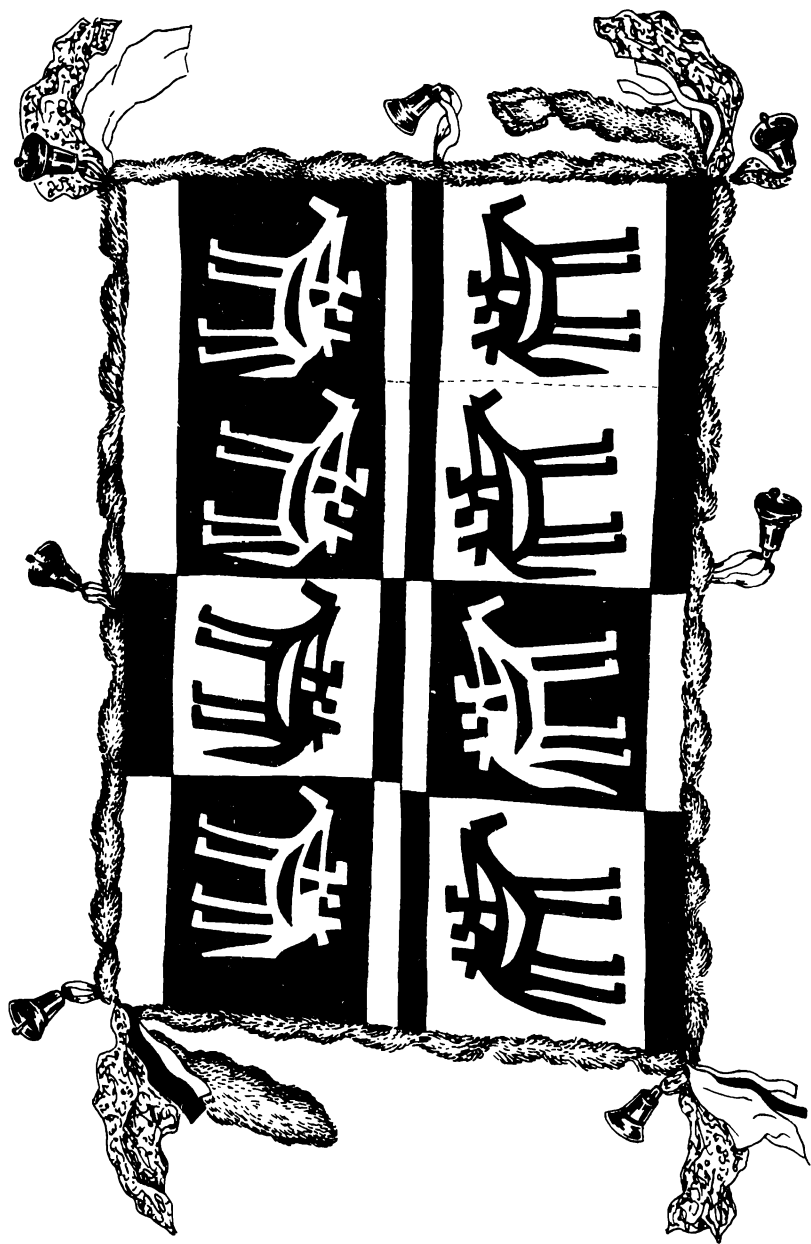

Рис. 66. Жертвенное покрывало (СМ35).

белок. Голова всадника обозначена ромбом и отклонена назад; ноги не показаны. Одной рукой всадник держит поводья коня; сзади него “сидит невеста”.

Рукавицы изготовлены из сукна красного цвета (бордовый оттенок), их длина составляет 22 см, ширина 14 см (рис. 67). С внутренней стороны за их левый и правый края пришиты прямоугольные куски сукна оранжевого цвета (размерами 12 x 20 см). Края суконных прямоугольников обшиты красной тесемкой, а центральная часть украшена орнаментом “спящий соболя” [Ромбандеева, 1992, с. 116] из бордового сукна, который оформлен с двух стороны горизонтальными полосками синего сукна. На тыльную сторону правой рукавицы нашита фигура из сукна синего цвета; тыльная сторона левой рукавицы украшена пришитым к ней трафаретом данной фигуры из синего сукна. Фигура, представленная на тыльной стороне, это, скорее всего, не столько изображение медведя, сколько *мув хора* (земляного быка или мамонта), на что указывают могучие роговые отростки по бокам туловища. Считалось, что *мув хор* - это не порода зверя, а подземное («посмертное») перевоплощение лося или медведя. Казымские ханты говорили, что лось или медведь, достигая глубокой старости, не умирают естественной смертью, а уходят под землю, обращаясь в *мув хора*; более того, и медведь, и лось превращались в одного и того же *мув хора* [Сенкевич-Гудкова, 1949, с. 156 - 158]. Известно, что в ходе медвежьего праздника перед головой убитого зверя клали вылепленное из теста изображение *мув хора*, в которого, по мнению присутствующих, и обращался дух убитого животного [Там же, с. 158]. Изображение *мув хора* можно было увидеть как на рукавицах, так и на меховых мешочках участников праздника [Иванов, 1949, с. 150 - 151]. Рука-

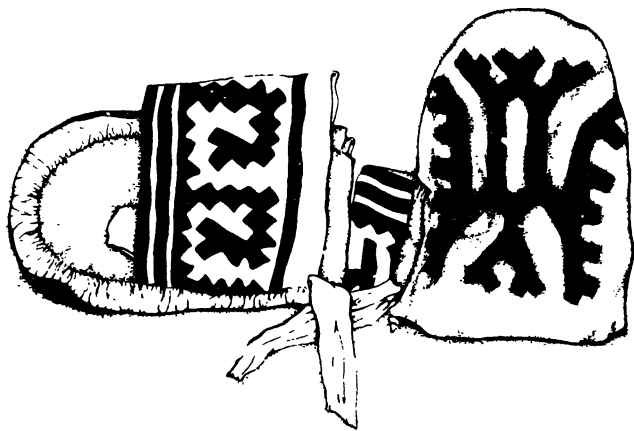

Рис. 67. Рукавицы для медвежьего праздника.

вицы хозяину медведя шила после окончания праздника специально избранная женщина [Ромбандеева, 1993, с. 130]. По другой информации, в последний день праздника охотник, убивший медведя, трижды обходил женщин, сидевших рядом с котлом, в котором варилось мясо медведя. В руках у него была деревянная чашка с мясом задней части животного. Во время обхода он храпел как медведь, а потом ставил котелок на колени одной из женщин. Это был ценный подарок, и женщина была обязана отдарить его - изготовить рукавицы, украшенные орнаментом "медвежья лапа" [Новикова, 1996, с. 109].

В сундуке, полиэтиленовом мешке и двух чемоданах находились четыре жертвенных покрывала, "богатырский" шлем, два оленьих нашейных орнаментированных пояса с колокольчиками; кулек медных и серебряных монет конца XIX - начала XX в.; *арсыны*, шкурки соболей, норок, лис, белок; халаты для медвежьего праздника; шапка-ушанка - подарок для духа-покровителя.

Первое покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного (в полоску) и черного цвета и оторочено белым мехом (СМ36; рис. 68, а). Оно изготовлено предположительно в 1930-е гг. Размеры изделия 70 x 75 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. Лицевая сторона покрывала зашита пестрым хлопчатобумажным платком с надписью по краю "Мануфактура братьев Медведевых". К углам полотнища пришиты черные ленты сукна и красный шерстяной шнур. Края покрывала по всему периметру украшены орнаментом из красных и черных треугольников. Голова всадника (на высокой шее) обозначена ром-

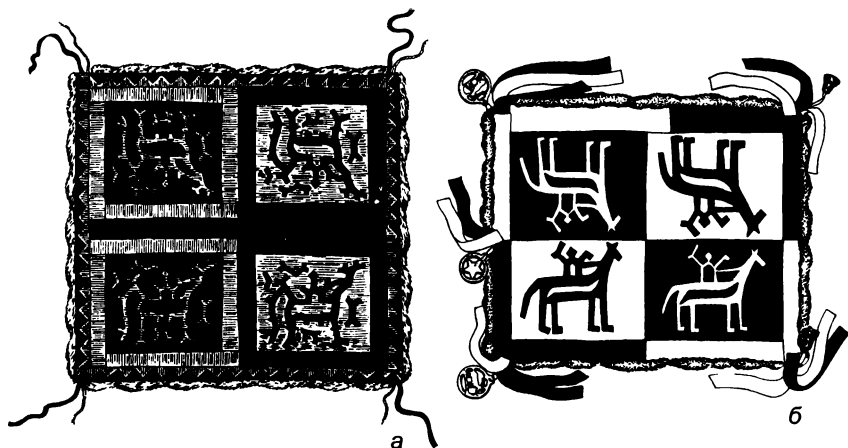

Рис. 68. Жертвенные покрывала.
а - СМ36, б - СМ37.

бом; одной рукой всадник держит поводья коня, вторая рука поднята вверх. Фигура коня выполнена с пышным хвостом и только двумя ногами. На каждом квадрате лицевой стороны находятся еще четыре фигуры, около хвоста коня угадываются две птицы, под туловищем коня и перед ним - два пушных зверька.

Второе покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и синего цвета и оторочено беличьим мехом (СМ37; рис. 68, б). Изготовлено в середине XX в. Его размеры 56 x 66 см. В качестве подклада использован синий сатиновый платок. К середине левой стороны пришит т.н. "хвост" из красных и синих лент, на конце одной из них завязана латунная подвеска, представляющая собой звезду в круге. К углам полотнища пришиты красные и синие ленты (с лицевой части и с подклада), медная подвеска в виде фигуры оленя в круге, медные колокольчики, отлитые на заводе Е.С. Ключкова (в качестве язычка использована монета достоинством в 5 коп. выпуска 1931 г.) и других заводах, розовые и красные шелковые ленты. Голова всадника обозначена ромбом, ноги не показаны, одной рукой он держит поводья коня, во второй угадывается птица.

Третье покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна черного цвета и красного вельвета и оторочено беличьим мехом (СМ38; рис. 69, а). Изготовлено в конце 1950-х гг. Его размеры 55 x 60 см. В качестве подклада использован пестрый хлопчатобумажный платок, края которого выступают в виде каймы на лицевой стороне. Горизонтальная разделительная линия между па-

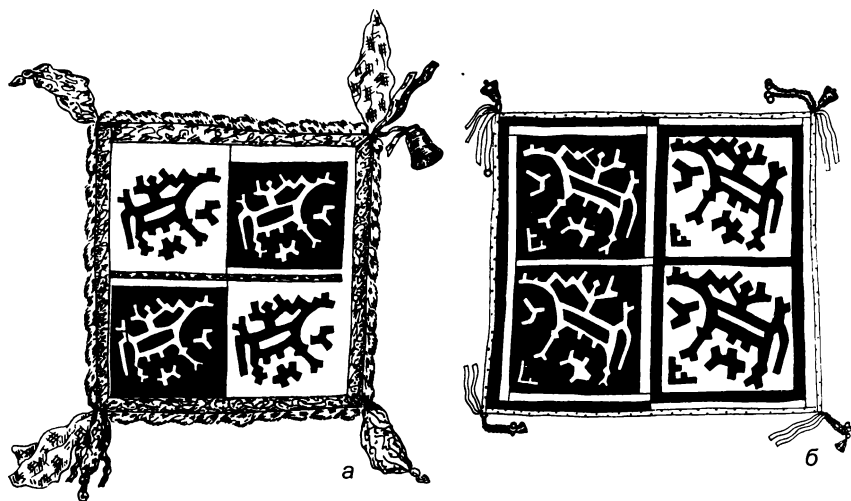
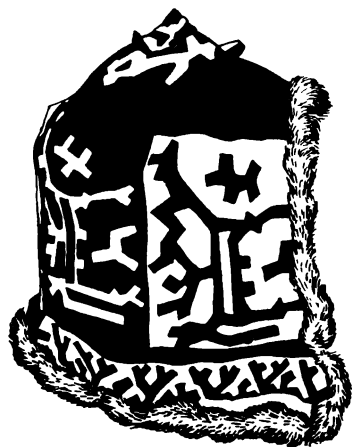

Рис. 69. Жертвенные покрывала.
а - СМ38, б - СМ39.

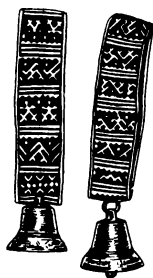
рами квадратов выполнена из темно-синей полосы хлопчатобумажной ткани. К углам полотнища пришиты полоски ткани (из которых изготовлен подклад) и бело-голубой платок, к одному из углов - большой белый колокольчик. В узелках платка завернуты монеты достоинством в 5, 15 и 20 коп. выпуска 1956 - 1961 гг. Основой лицевой стороны является прямоугольный плат из красного вельвета; в шахматном порядке на него нашиты фигуры всадников и их трафареты из черного сукна. Верхняя и нижняя пары всадников расположены по отношению друг к другу асимметрично. Левой рукой всадник держит поводья коня, правая рука поднята вверх. Фигура коня выполнена только с двумя ногами. Под конем и перед ним на поле находятся стилизованные фигуры пушных зверьков.

Четвертое покрывало с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и синего цвета (СМ39; рис. 69, б). Изготовлено в конце 1950-х гг. Его размеры 52 x 54 см. В качестве подклада использован красный в горошек хлопчатобумажный платок. Углы полотнища украшены двумя маленькими и двумя большими медными колокольчиками на железных цепочках, а также розовыми лентами, в концы которых зашиты две монеты достоинством 20 коп. выпуска 1923 г. и 3 коп. 1949 г. Верхняя и нижняя пары всадников расположены по отношению друг к другу асимметрично. Правой рукой всадник держит поводья коня, левая рука поднята вверх. Фигура коня выполнена только с двумя ногами. Под конем и перед ним на поле находятся фигуры пушных зверьков, в нижних левых углах всех квадратов - узор "заячьи уши".

"Богатырский" шлем с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна красного и черного цвета и оторочен беличьим мехом (СМ40; рис. 70, а). Изготовлен в конце 1950-х гг. Его высота составляет 32 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом "заячьи уши", пришиты три маленьких белых колокольчика и четыре ленты с зашитыми на их концах монетами достоинством в 15 и 20 коп. 1948 и 1953 гг. соответственно. Заметим, что орнамент "заячьи уши", возможно, связан с *Калташ-эквой*, матерью изображенного всадника *Мир-сусне-хума*, которая в ряде случаев могла выступать в образе зайца [Гемуев, 1990, с. 200]. Верхняя часть шлема изготовлена из куска сукна черного цвета, на который нашита фигура медведя из сукна красного цвета, выполненная с овальной вставкой, к центру которой пришиты тонкие кусочки сукна. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, вторая рука поднята вверх. Фигура коня выполнена только с двумя ногами. Под конем и перед ним на поле находятся стилизованные фигуры пушных зверьков.

а

б

в

Рис. 70. "Богатырский" шлем СМ40 (а), оленьи нашейные пояса (б) и шапка Мир-сусне-хума (в).

Следует отметить, что два последних покрывала, шлем, а также еще один шлем из дома К. Пакина (см. ниже) выполнены мастерицей по единой выкройке, которая хранилась вместе с покрывалами. Для нее была использована страница из журнала "Огонек". Трафарет и вырезанная фигура были завернуты в газету "Правда" от 30 января 1959 г. Оба покрывала изготовлены с некоторыми отклонениями от канона: на первом из них фигуры нашиты на поле, а не вшиты в него; в обоих случаях первый ряд всадников не перевернут по отношению ко второму. Покрывала отличаются друг от друга цветом сукна, наличием у одного из них меховой оторочки, направлением движения всадников.

Оленьи пояса выполнены из кусков выделанной кожи длиной около 54 см и шириной 7 см (рис. 70, б). На кожаную основу нашита полоса сукна черного цвета, которая орнаментирована узкими белыми полосками, часть из них окрашена в красный цвет. Первый пояс состоит из десяти орнаментированных прямоугольников, второй - из одиннадцати. В них помещены следующие узоры: "крест", "ветвистый рог оленя быка", "березовая ветка с ломаной лозой", "ветвистый рог оленя". "челюсть щуки", "цельная березовая ветка", "заячьи уши", "задние ноги лягушки", "сгиб лапы лисы", "гнездо птицы".

"орнамент рукоятки весла"; часть узоров повторена дважды*. Пояса застегнуты на пуговицы из оленьей кости. В середине поясов сделаны отверстия, в которых на кожаных шнурах закреплены большие медные колокольчики - край одного украшен растительным орнаментом, второго - надписью "Мастеръ Егор. Е. Макаров. 1879".

* Тип орнамента определен по [Ромбандеева, 1992, с. 117 - 118; Федорова Е.Г., 1992, с. 112; Шешкин, Шабалина, 1993, с. 16, 19, 24, 33].

Шапка-ушанка для духа-покровителя выполнена из сукна синего и желтого цвета и оторочена беличьим мехом. Диаметр шапки 16 см, высота 13 см (рис. 70, в).

Таким образом, культовая атрибутика П.С. Таратова включала два комплекса вещей: первый, связанный с почитанием *Мир-сусне-хума* (его фигуру, пять четырехпольных жертвенных покрывал и одно восьмипольное, “богатырский” шлем, мешочки с гусиным пухом), и второй, относящийся к медвежьему празднику (*имда, санквылтап*, рукавицы, халаты, модели луков). Бросается в глаза необычно большое количество жертвенных покрывал в одном доме. Известно, что П.С. Таратов был неоднократно женат. Для “укрепления” вновь образованной семьи изготавливалось покрывало. Возможно, что часть покрывал осталась у него от умерших взрослых сыновей.

Особый интерес вызывает покрывало с восемью фигурами всадников. Как уже было замечено, подобные экземпляры до сих пор не встречались. Необходимо обратить внимание на следующие детали этого покрывала: на нем восемь фигур всадников, но к краям полотнища пришиты семь колокольчиков; покрывало делится по вертикали на две части: левую, с фигурами в шахматном порядке, и правую, в которой желтые фигуры всадников находятся над красными. Одним из наших коллег, А.И. Соловьевым, было высказано предположение о том, что мастерица выполнила шестипольное покрывало, т.к. правая часть, по его мнению, состоит из двух (верхнего и нижнего) полей, на каждом из которых помещены сразу две фигуры всадников. Как мы увидим дальше, большинство манси считают на жертвенном покрывале не столько количество фигур, сколько количество углов, подразумевая, что на них - колокольчики. Максимальное количество колокольчиков на самых больших покрывалах - семипольных - равно семи. Описанное покрывало П.С. Таратова по данному признаку также относится к семипольным покрывалам. Сомнение вызывает определение правой половины покрывала как двупольной; нижняя ее часть, хотя и не имеет разделительной полоски между двумя всадниками, выполнена из двух отдельных кусков желтого сукна. Из двух кусков красного сукна выполнена и верхняя часть правой половины. Безусловно, легче всего классифицировать данное покрывало как *яны-ялпын*, который выполняется в конце жизни мужчины, не задаваясь вопросом о том, сколько же полей, по мнению мастерицы, оно в себя включает. Однако представляется, что наиболее логично следующее объяснение этого феномена: покрывало было сшито по случаю последней женитьбы П.С. Таратова*, когда к нему после смерти мужа перешла жить Анна Кузьмовна (1975 г.; “молодым” к этому времени было

* Заметим, что на этом покрывале *Мир-сусне-хум* “везет невесту”.

уже около 70 лет). Изделие относится к категории *яны-ялтын* и потому имеет семь колокольчиков. Оно состоит из двух равных (по количеству фигур) и одновременно различающихся (по способу их размещения) частей, возможно, символизирующих объединение двух уже семейных людей - Петра Сергеевича и Анны Кузьмовны.

* * *

В левом углу задней (внешней) стены дома П.С. Таратова на высоте около 170 см от земли на двух больших железных гвоздях установлена полка, на которую в ходе жертвенной церемонии ставится пища духам-покровителям. Рядом в землю вкопан столб (*анквал*), к которому привязывали жертвенного животного.

Домашние фетиши В.С. Гындыбина*

Хозяева дома умерли за несколько лет до нашего первого приезда в Верхне-Нильдино в 1985 г. Основная часть культовой атрибутики после смерти владельцев обычно хранится на чердаке дома, в данном случае она находилась в единственном большом сундуке, стоявшем в правой половине чердачного помещения. Главный фетиш (рис. 71) представлял собой антропоморфное изображение, выполненное из трех рубашек и восьми халатов желтого, зеленого, красного цвета и пестрых (в воротники двух рубах и завязки третьей были зашиты монеты достоинством в 10 коп. выпуска 1878, 1900, 1905 гг.). Для их изготовления были использованы шелк, газ, мадаполам, сатин, при этом преобладали рубахи и халаты из шелка. Верхняя часть одеяния духа-покровителя состояла из трех черных суконных халатов.

Наружный халат заслуживает особого внимания. Скроен он без клиньев, с ромбовидными вставками под мышками (красная - слева, черная - справа). У него красный суконный отложной воротник и шесть пар завязок из красного шерстяного шнура. По краям бортов сверху донизу пришиты синие стеклянные бусы. В одном ряду с ними нашиты большие медные декоративные пуговицы, по семь с каждой стороны. Полы и борта халата украшены оловянными розетками местного литья. В одной из работ У.Д. Сирелиуса опубликован рисунок вырезанной из коры тополя формы для отливки украшений подобного рода; при отливке форму покрывали

* Материал о культовой атрибутике, обнаруженной на чердаке дома, был опубликован ранее [Гемуев, 1990, с. 106 - 112]. Мы считаем необходимым привести его вновь с рядом дополнений.

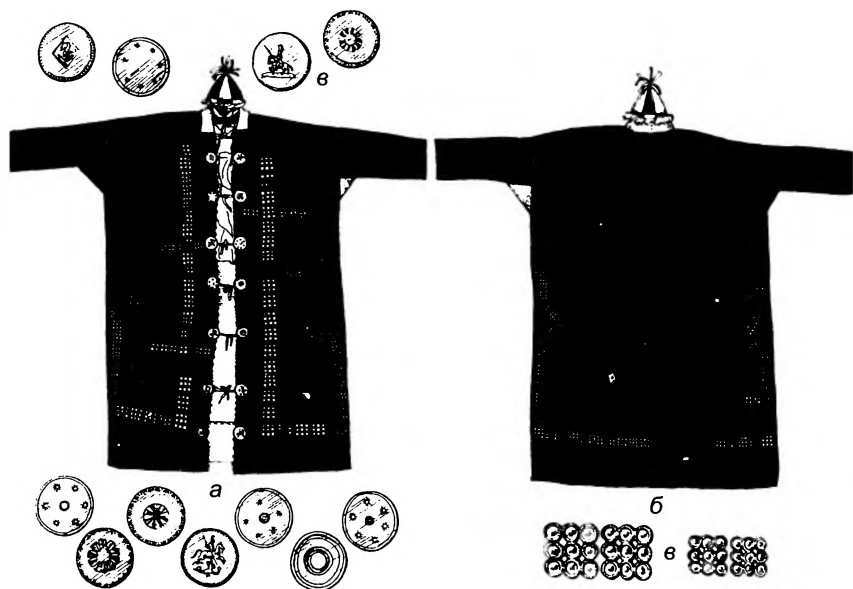

Рис. 71. Домашний дух-покровитель.
а - лицевая сторона, б - обратная сторона,
в - медные пуговицы и литые украшения.

берестой, которую прижимали гладким деревянным брусом. Между берестой и корой оставляли отверстие, через него вливали в форму расплавленное олово [Сирелиус, 1907, с. 59].

К описанному халату была пришита островерхая шапка из шести черных и красных клиньев, отороченная по нижнему краю соболиным мехом. На нее была надета другая шапка из голубого шерстяного сукна, также опушенная мехом соболя.

“Голову” изображения составляли стянутые в узел воротники рубаш. Внутри нее находилась засушенная летучая мышь, завернутая в шелковый цветастый лоскут. Следует напомнить об особом отношении обских угров к этому представителю фауны. Ляминские ханты считали, что залетевшая в жилище мышь является покровителем семьи (особняком в этом отношении стоит пимская группа хантов, которые считают, что летучая мышь приносит несчастье). Ее ловили, умерщвляли и хранили как духа-покровителя; полагали, что во многом от нее зависит успех охоты. Неподобающее отношение к этой святыне влекло за собой неудачу в охотничьем промысле [Кулемзин, 1984, с. 79, 96].

Почтительным было отношение к летучей мыши (*тор товлын*) и сосвинских манси. Наш информатор П.С. Таратов так говорил по этому поводу: *Тор товлын, если в наш дом зайдет, он долго не*

живет, помирает. Его высушат, потом в шелковую тряпку заворачивают. Если он залетит - медведя убьешь осенью.

Помимо прикладов-арсынов, медной ложки, свертка с монетами и жестяного блюда с портретом А. Мицкевича, изготовленного в начале XX в. в Одессе, духу-покровителю был предназначен специально сшитый зипун, выкроенный "с перехватом" (рис. 72). Таковую одежду носили вплоть до середины прошлого века. Следы изношенности на зипуне могут быть объяснены тем, что жертвенную одежду разрешалось надевать танцорам в последний день медвежьего праздника [Kannisto, 1958, S. 317].

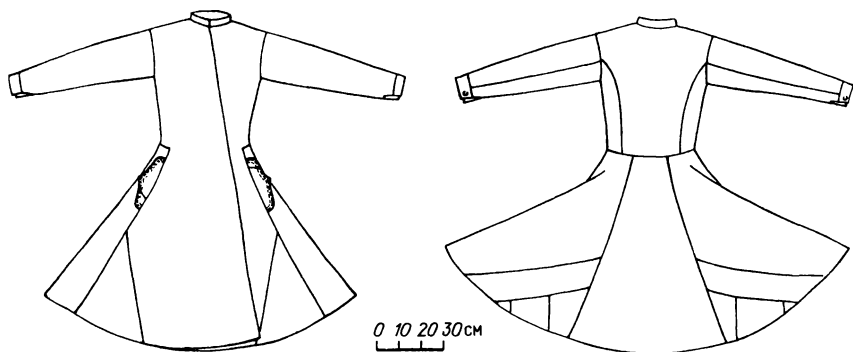

Рис. 72. Покрой зипуна, предназначенного духу-покровителю.

Целая группа вещей оказалась связанной с *Мир-сусне-хумом*. Это прежде всего жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников, выполненное из сукна красного и синего цвета и отороченное собольим мехом (СМ41; рис. 73). Оно изготовлено в первой половине XX в. Его размеры составляют 80 x 80 см. Подкладом служит белый ситцевый платок. К углам полотнища на красных и синих лентах пришиты медные колокольчики завода Е.С. Ключкова. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, во второй руке угадывается птица.

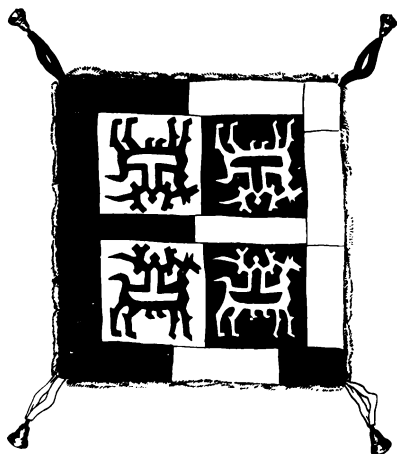

Рис. 73. Жертвенное покрывало (СМ41).

Здесь же находились три жертвенных покрывала в виде "богатырских" поясов. Один из них, с четырьмя фигурами всадников, расположенными в один

ряд, был выполнен из сукна красного и черного цвета и оторочен собольим мехом (СМ42; рис. 74, *а*). Он изготовлен в конце XIX в. Размеры изделия 34 x 130 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. На лицевой стороне пришиты две серебряные монеты достоинством в 20 коп. выпуска 1868 и 1870 гг. К правым углам пришиты два медных колокольчика, к левым - два медных бубенчи-

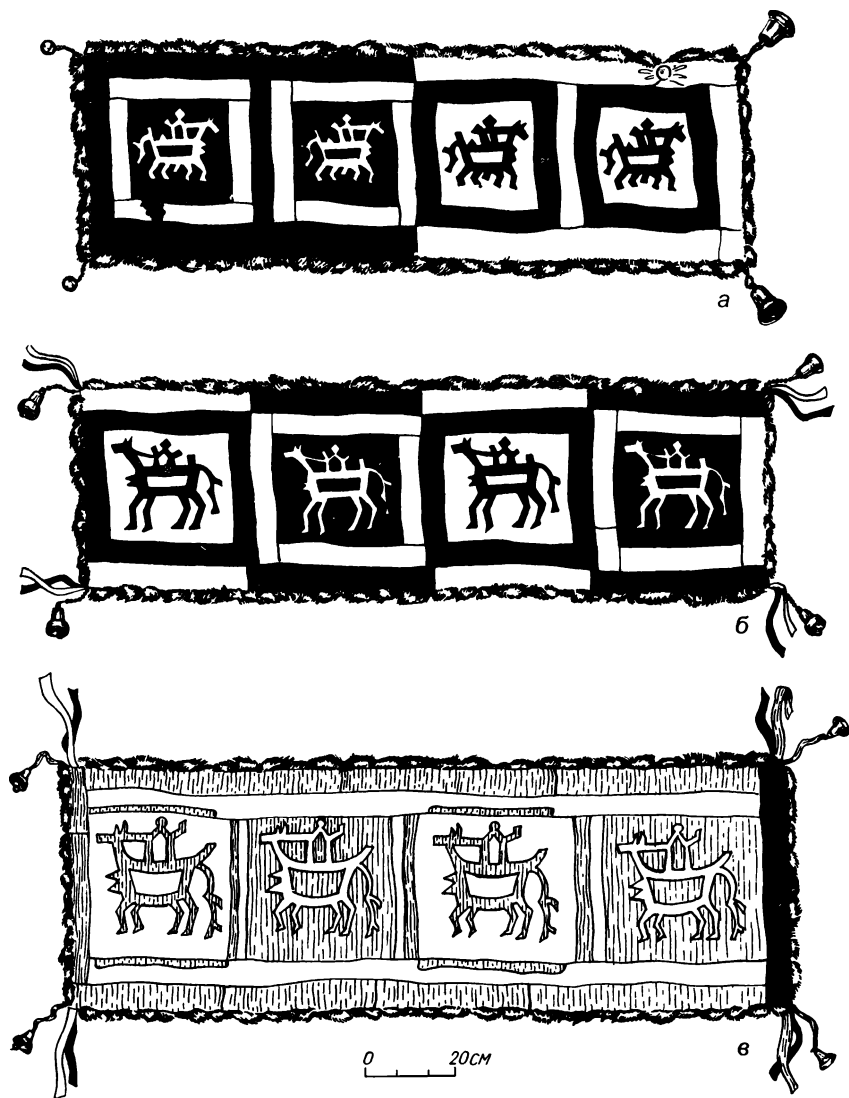

Рис. 74. Ритуальные пояса.
а - СМ42, б - СМ43, в - СМ44.

ка. Голова всадника обозначена ромбом, левой рукой он держит поводья коня, правая рука поднята вверх; показана только одна нога.

Второй пояс с четырьмя фигурами всадников был выполнен из сукна красного и зеленого цвета и оторочен собольим мехом (СМ43; рис. 74, б). Изготовлен в конце XIX в. Размеры изделия 40 x 150 см. К углам полотнища пришиты зеленые и красные суконные ленты, а также медные колокольчики на низках бисера желтого и голубого цвета. У фигуры крайнего слева всадника на уровне пояса пришита серебряная монета достоинством в 20 коп. выпуска 1885 г. Голова всадника обозначена ромбом; ноги не показаны; правой рукой он держит поводья коня, левая рука поднята вверх.

Третий пояс с четырьмя фигурами всадников был выполнен из сукна желтого и голубого цвета и оторочен собольим мехом (СМ44; рис. 74, в). Изготовлен в 1930-х гг. Размеры изделия 50 x 160 см. Правый край пояса изготовлен из полосы сукна черного цвета. К углам полотнища пришиты голубые, желтые и черные суконные ленты, а также медные колокольчики, отлитые на заводе П.Г. Чернигина, на лентах голубого цвета. С обратной стороны покрывала под маленькими квадратиками сукна зашиты пять серебряных монет достоинством в 10 коп. выпуска 1921 - 1927 гг. Голова всадника обозначена ромбом; ноги не показаны; правой рукой он держит поводья коня, левая рука, согнутая в локте, поднята вверх.

Еще одним элементом "богатырского" одеяния, обнаруженного в сундуке, явился шлем с семью фигурами всадников из сукна голубого и желтого цвета, отороченный беличьим мехом (СМ45; рис. 75). Он изготовлен в 1930-х гг., вероятно, одновременно с последним поясом, на что указывает цвет использованного сукна и похожий рисунок всадника на коне. Высота шлема 62 см. К нижнему краю пришиты два медных колокольчика, а к верхушке шлема - пять маленьких медных колокольчиков, четыре желтые и четыре голубые суконные ленты. Все квадраты разделены полосками с вшитыми в них фигурками гусей из сукна голубого и желтого цвета. Внутри шлема с левой стороны пришит карман, представляющий собой согнутый вдвое квадратный кусок голубого сукна с желтой фигурой всадника; в кармане находились шесть монет достоинством в 10 коп. выпуска 1924 - 1925 гг.

Наличие в одном месте ритуального пояса и семипольного шлема позволяет вспомнить отрывок из «Песни-приглашения *Мир-сусне-хуму*»: «Опояшься своим поясом семи гусей крылатых, надевшим на тебя твоей матушкой-прародительницей семи богов, одень на голову свою шапку священную о семи сторонах, надетую на тебя твоим батюшкой *Торумом!*» [Vogul folklore..., p. 38 - 41]. Необходимо отметить, что размеры шлемов и поясов с изображением

Рис. 75. "Богатырский" шлем (СМ45).

Мир-сусне-хума значительно превосходили размеры бытовых изделий, поскольку предназначались для мифического богатыря.

Одним из наиболее выразительных предметов культового комплекса В.С. Гындыбина являлась накидка с семью фигурами всадников, выполненная из сукна красного и черного цвета и отороченная беличьим мехом (СМ46; рис. 76). Она изготовлена в начале XX в. Ее размеры в развернутом состоянии составляют 70 x 120 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. К нижнему краю

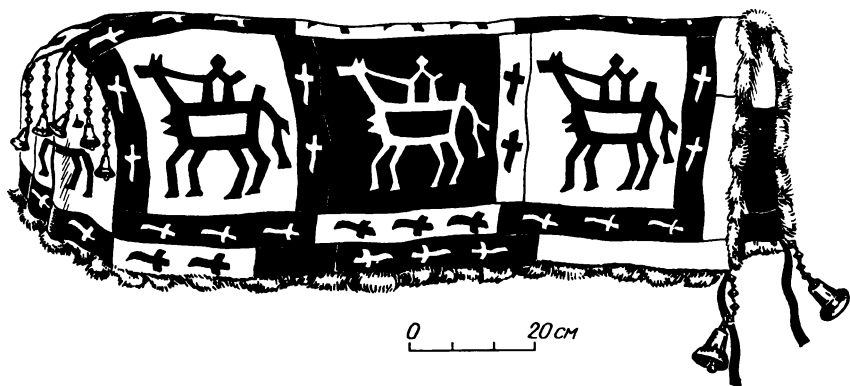

Рис. 76. Накидка для медвежьего праздника (СМ46).

накидки пришиты два медных колокольчика, к верхнему краю торцевой стороны еще пять маленьких медных колокольчиков на низках цветного бисера. Квадраты между собой разделены полосками сукна с изображениями птиц. Голова всадника обозначена ромбом, ноги не показаны; одной рукой он держит поводья коня, вторая рука поднята вверх.

Подобной накидкой покрывали саблю на медвежьем празднике, имитируя лошадь. На ней в дом, где разыгрывалось представление, “въезжал” человек, изображавший *Мир-сусне-хума*.

Последним в сундуке оказался халат бледно-розового цвета, в который были завернуты квадратный кусок черного сукна с красным всадником, оставшийся после изготовления вышеописанной накидки, и три суконных островерхих шапки. Одна из них, с кисточками сверху, сшита из четырех широких (черных и оранжевых) и четырех узких (черных) клиньев (рис. 77, а). Широкие клинья украшены орнаментом; тулья опушена собольим мехом. Аналогичным образом выполнена и вторая шапка из сукна красного и черного цвета (рис. 77, б). Третья шапка сшита из трех синих и трех красных суконных клиньев (рис. 77, в).

В сенях дома среди разбросанных бытовых вещей была обнаружена бляха, представляющая собой литой медный диск диаметром 8,7 см и толщиной 0,3 см (рис. 78). По обрезу круга на равном расстоянии друг от друга выполнено семь небольших выступов, при этом два из них, расположенные на линии горизонтали, которая условно проходит через центр, имеют полукруглые отверстия. Место восьмого выступа занимает дужка трапецевидной формы с квадратным отверстием. В центре бляхи фигура всадника на коне с жезлом в руке, одетого в халат и накидку, развевающуюся за спиной; на его голову надет высокий колпак с опушкой, из-под которого выбиваются длинные волосы. За спиной всадника нанесено изоб-

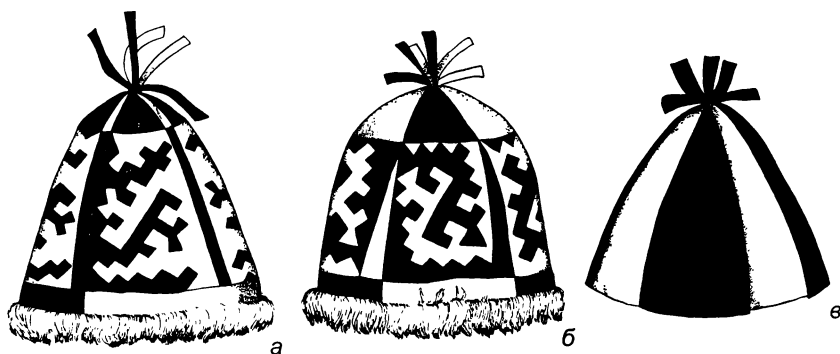

Рис. 77. Шапки - подарки духу-покровителю.

ражение цветка. Край бляхи украшен шнуровым орнаментом, заключенным между двумя выступающими бортиками. Поверхность под копытами коня заштрихована волнистыми линиями.

Подобные бляхи встречались на территории Западной Сибири от Салехарда до Томской области в захоронениях первой половины XIX в. Обобщающую сводку о них составил Я.А. Яковлев [1992, с. 51 - 68]. Кроме этого, две бляхи (новоделы) хранятся в Березовском музее Тюменской области. Они были отлиты здесь в начале XX в. в мастерской кузнеца Михайленко [Скалозубов, 1906, с. 7]. Широкое распространение блях, их местное происхождение и прикладное значение (использование в качестве подвесок для одежды и головных уборов) не позволили им войти в культовую атрибутику ненцев, хантов и манси, несмотря на имеющееся на них изображение всадника, которое во многих других случаях, как правило, принималось за изображение *Мир-сусне-хума* или *Урт-ики*.

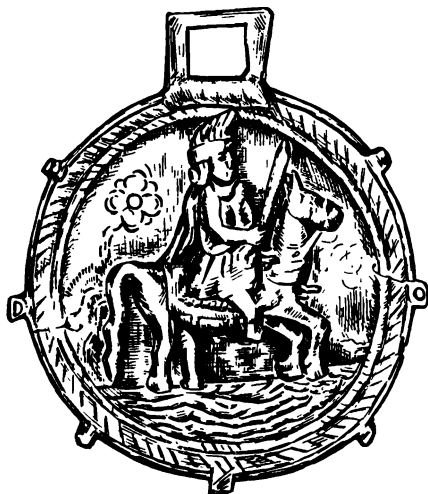

Рис. 78. Медная бляха с изображением всадника на коне.

Домашние фетиши К. Пакина*

Дом, где мы останавливались в 1985 г., принадлежал знатоку мансийских обычаев Кириллу Пакину (1898 - 1975), который считался шаманом.

Культовая атрибутика после смерти хозяина была отнесена на чердак, где хранилась у задней стены с маленьким оконцем. Справа от него в свертке лежала фигура духа-покровителя дома - *Ахв-тас-ойки* "Камня-старика", представлявшая собой кусок руды с большим содержанием железа (рис. 79, а). На нее были надеты шесть рубах из тканей различной расцветки и специально пошитая шапка из пыжика (оленьего выпоротка). Как уже упоминалось ранее, у манси хозяином-покровителем оленьих стад считался *Нер-ойка*, "живущий" на *Ялпын-нер* "Священной горе" вблизи оз. Турват. По-

* Материал о культовой атрибутике, находившейся в доме, был опубликован ранее [Гемуев, 1990, с. 113 - 121]. Мы считаем необходимым привести его вновь с рядом дополнений.

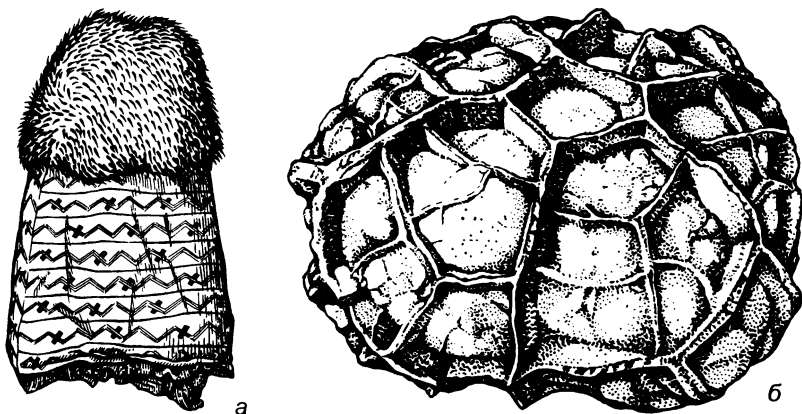

Рис. 79. Фигура *Ахвтас-ойки* (а) и камень из "святого" сундука (б).

видимому, привезенный с Урала *Ахвтас-ойка* являл собой своеобразное воплощение *Нер-ойки*, потому и шапка на нем из меха оленя. Вообще-то использование оленьего меха для изготовления головных уборов, предназначенных богам и духам, не свойственно манси.

В одном свертке с *Ахвтас-ойкой* лежали принесенные ему приклады - *арсыны* с завязанными в углах монетами. Здесь же находилось жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников из сукна красного и черного цвета. К стене был прислонен деревянный "журавль" для медвежьего праздника.

Ахвтас-ойка оказался не единственным каменным фетишем на этом чердаке. В стоявшем рядом сундуке лежал еще один камень причудливой формы (рис. 79, б), "одетый" в специально сшитую рубашку, а также два "богатырских" шлема, жертвенное покрывало с фигурой коня и пять четырехпольных *ялпын-улама* в ветхом состоянии. Первый шлем с четырьмя фигурами всадников был выполнен из сукна красного и черного цвета и оторочен мехом (СМ47: рис. 80, а). Он изготовлен в первой половине XX в. Высота изделия 43 см, размеры одного квадрата 18 x 20 см. Тулья украшена орнаментом, называемым исследователями по-разному: "соболь", "пасть шуки", "смешанный орнамент" [Чернецов, 19476, с. 170; Шешкин. Шабалина, 1993, с. 29, 37]. К нижнему краю шлема на красных и черных суконных лентах пришиты четыре колокольчика и три железных кольца. В верхней части шлема на сукно черного цвета нашита фигура медведя из сукна красного цвета, выполненная с овальной вставкой, в центре которой пришит пучок суконных лент. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья, во второй руке угадывается птица.

Второй шлем с четырьмя фигурами всадников был сшит из сукна красного и черного цвета и оторочен мехом (СМ48; рис. 80, б). Он изготовлен в конце 1950-х гг. Его высота 42 см, размеры одного квадрата 24 x 24 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом, пришиты три колокольчика, медная цепочка и две ленты сукна красного цвета, на концах которых зашиты монеты достоинством 10 коп. образца 1925 г. и 20 коп. 1923 г. В верхней части шлема на сукно черного цвета нашита фигура медведя из сукна красного цвета, выполненная с овальной вставкой, в центре которой пришит пучок суконных лент. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья, вторая поднята вверх. Под животом коня и перед ним на поле находятся две фигуры пушных зверьков. На двух квадратах в левых нижних углах расположен узор “заячьи уши”. Все фигуры на полях шлема выполнены по трафарету, использованному для изготовления двух покрывал и шлема из дома П.С. Таратова (СМ38 - 40).

Покрывало с фигурой коня изготовлено предположительно в начале XX в. Его размеры составляют 42 - 47 x 88 - 90 см (СМ49; рис. 81). Покрывало представляет собой кусок сукна черного цвета прямоугольной формы. Фигура коня сшита из кусочков красного сукна. В верхней части изделия ранее были приклеены параллельные друг другу две тонкие полоски бумаги серебристого цвета, а между ними - большие буквы (возможно, “Е” и “М”), которые не сохранились. Над фигурой коня в том месте, где могла бы находиться голова всадника, пришит нитками кусок серебристой бумаги, форма которого напоминает фрагмент заглавной буквы “З”.

а

б

Рис. 80. “Богатырские” шлемы.
а - СМ47, б - СМ48.

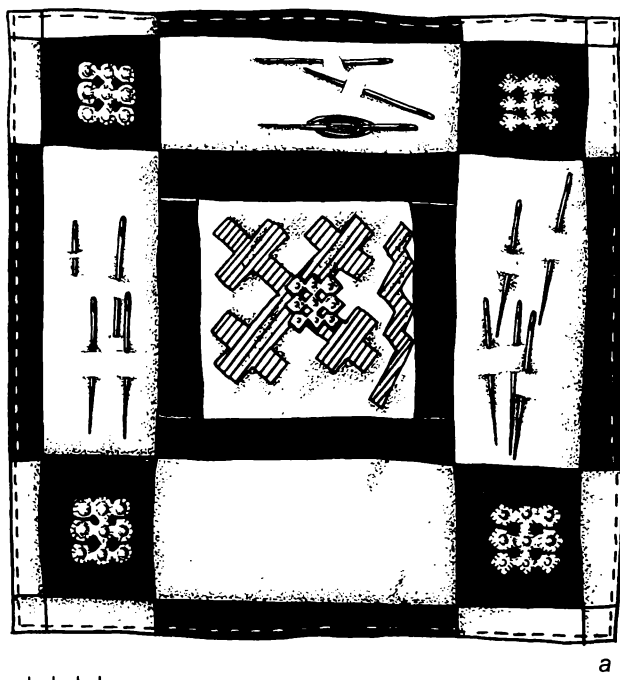

Рис. 81. Жертвенное покрывало с фигурой коня (СМ49).

Кроме того, в сундуке находилась игольница квадратной формы, изготовленная из красного, синего, желтого и зеленого сукна (рис. 82, а), с подкладом из хлопчатобумажной ткани. Рисунок в центре выполнен в технике мозаики, по углам и в центре пришиты пять литых розеток. С трех сторон в игольницу воткнуты швейные иглы. Подобные предметы жертвовали поселковым или домашним духам-покровителям, когда в семье рождалась девочка. Именно так дух-покровитель оповещался о рождении нового человека. Получая подарок, он должен был взять под свою защиту жизнь нового члена семьи. Одновременно игольница являлась как бы первой жертвой, принесенной самой новорожденной духу-покровителю [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 41]. Подобное изделие из сукна синего и красного цвета с иглами и привязанным к углу наперстком было обнаружено нами в составе культовой атрибутики в одном из домов у хантов селения Тутлейм на р. Вогулке (1997 г.).

Игольница с чердака К. Пакина не только выполнена с большим тщанием, но и необычно украшена. К одному из углов пришта бронзовая заколка в форме конской головы (рис. 82, б). В ее нижней части имеется отверстие, сквозь которое продернута суровая нитка. На нее нанизаны стеклянные бусы попеременно с медными пуговицами.

Кроме уже описанных вещей в сундуке лежал налобник (рис. 83), выполненный из тонкой латунной пластины с использованием штампа и гравировки. На его лицевой стороне изображен охотник с натянутым луком в руках; справа и слева от него - фигуры животных, между ними - деревья и кусты. Нижний край пластины обрамлен десятью полукруглыми фестонами. По краям пластины пробиты отверстия, сквозь которые продернут кусок тонкого шпагата для закрепления пластины на голове.

а

б

Рис. 82. Игольница - подарок духу-покровителю (а) и бронзовая заковка в форме конской головы (б).

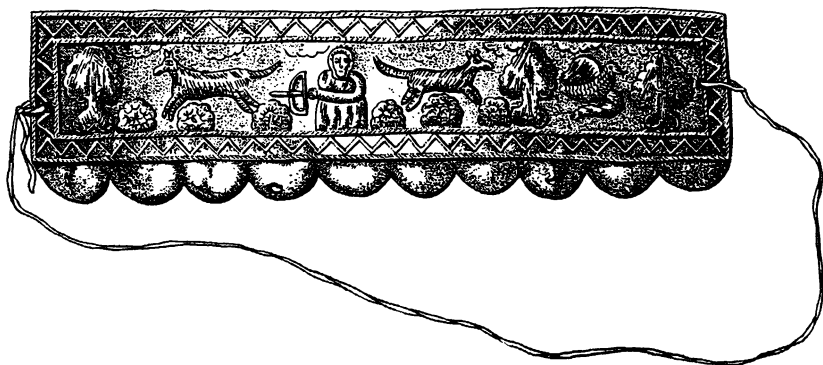

Рис. 83. Налобная пластина.

Содержимое сундука включало круглую табакерку (в ней было немного табака) и медную ложку. Заметим, что атрибуты из меди достаточно характерны для культовых комплексов манси.

Слева от окна висел кожаный мешок, содержащий обычные подарки *Мир-сусне-хуму* - металлические блюдца. Одно из них серебряное, с изображением скачущего оленя; на лицевой стороне выбито клеймо мастера - "ПБ" (рис. 84). Подобные клейма ранее встречались на двух блюдах и пластине; одно из блюд по клейму пробирного мастера датируется 1822 г., а выбитый на нем герб Тобольска говорит о месте изготовления [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 81, 159; Гемуев, 1990, с. 120]. Скорее всего, блюдо из дома К. Пакина также было выполнено в Тобольске в начале XIX в. Вто-

Рис. 84. Серебряное блюдце с фигурой оленя.

Рис. 85. "Богатырский" шлем (СМ50).

рое блюдо медное, фабричной работы с клеймами владельца предприятия "З.К." и двумя выбитыми медалями. На одной изображена голова мужчины, на другой - фигура женщины, сидящей на троне. Третье блюдо железное, луженое, на обороте двойной линией процарапано изображение четырехконечного креста свастического типа.

В этом же мешке находился "богатырский" шлем с четырьмя фигурами всадников, выполненный из сукна красного и зеленого цвета и отороченный беличьим мехом (СМ50; рис. 85). Он изготовлен в 1930-х гг. Его высота 58 см. К нижнему краю шлема, украшенному орнаментом, пришиты семь маленьких колокольчиков. Верх шлема выполнен из сукна красного цвета, на него нашито изображение медведя из зеленого сукна; рядом с ним под маленьким кусочком сукна зашита монета достоинством 1 коп. выпуска 1925 г. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, во второй угадывается птица.

Три другие шапки (обычных размеров) либо предназначались для

медвежьего праздника, либо были преподнесены *Мир-сусне-хуму*. Скроены они по-разному; единственным общим элементом является меховая опушка. Одна из шапок (рис. 86, а) трапецевидной формы, скроена из красного сукна со вставками из сукна черного цвета. Вторая шапка (рис. 86, б) по крою близка первой, однако чередующиеся малиновые и черные полосы практически одинаковы по размеру. Последняя шапка интересна тем, что составляющие ее четыре клина выполнены из сукна четырех цветов: красного, зеленого, синего и желтого (рис. 86, в). Нижняя часть тульи скроена из зеленого сукна, орнамент красного цвета.

Вместе с культовыми атрибутами в мешке находились стопка и фарфоровая чашечка. В них наливалось спиртное, когда хозяин “угощал” своих духов-покровителей.

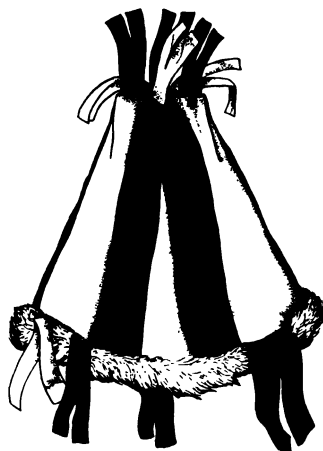
Слева от кожного мешка стоял сундук с *арсынами*, среди которых находилось жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников, сшитое из сукна красного и синего цвета.

* * *

В самой избе наше внимание привлекли лежавшие одна на другой две медвежьи шкуры, хранившиеся на *пупыг-норме* у задней стены. Каждая из них была сложена вдвое и размещена так, что впереди оказывалась морда и лапы зверя (рис. 87, а). Нижняя часть шкуры была привязана кожаным ремнем к специальному каркасу (рис. 87, б) с прикреплен-

а

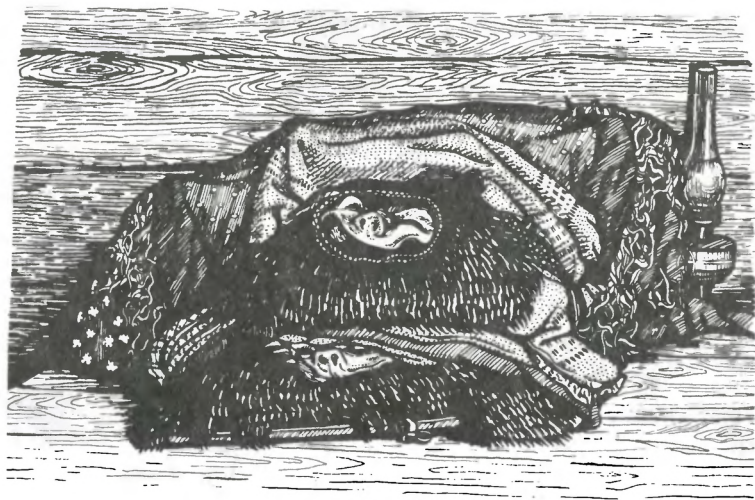

б

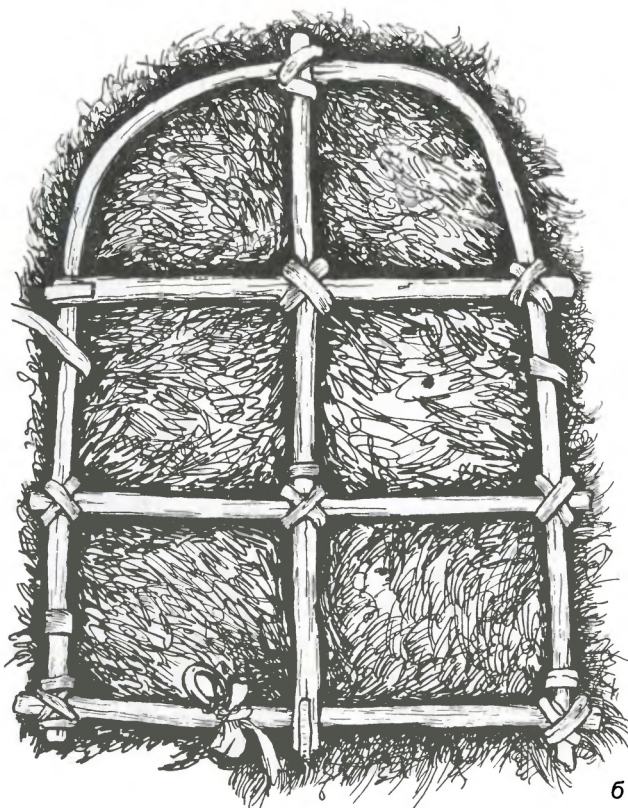

в

Рис. 86. Шапки - подарки *Мир-сусне-хуму*.

а

б

Рис. 87. Имда из дома К. Пакина.
а - общий вид, б - каркас.

ным к нему медным кольцом. Каркас (*ана* “колыбель”) у *имды* сделан из черемуховых ветвей (*лям-ив*); лыко, служащее для обвязки, также черемуховое. *Ана* обычно делал мужчина, убивший медведя.

Шею верхней шкуры украшали бусы. Сверху на *имде* лежало более десятка больших платков, а сбоку стоял мешок с *арсынами*. *Платки* - потому, что бабы они (самки. - Авт.). Если бы мужики были - тор бы не было, только *арсыны*.

Когда мы пришли в избу, Анна Кузьмовна зажгла чагу, налила чарку “им”, себе и мужу. Сняв с *пупыг-нормы* шкуры и положив их на стол, она попросила медведей не сердиться и чтобы мы не болели. После этого все выпили. Убрав шкуры на место, женщина опять зажгла чагу.

Медведица, чья шкура лежала внизу, была убита дедом А.К. Таратовой, другая - ее отцом. Мы считаем их как мать и дочь, - сказала хозяйка. Отец А.К. Таратовой передал “заведование” ей, но это исключительный случай. Я - как мужик, - сказала она, имея в виду то обстоятельство, что с малых лет охотилась вместе с мужчинами (сыновей у отца не было) и была очень удачливой охотницей.

Когда заболеют, просят у *имды* здоровья и обещают *арсын*. Когда выздоравливают, кладут *арсын*. По словам племянника А.К. Таратовой, В. Остерова, дважды в год (как старики скажут), зимой и в начале июня, когда нет комаров, для *имды* устраивают “угощение”. Варят мясо и рыбу, но пищу медвежьим шкурам не дают, ограничиваясь только рюмкой водки. Еще одну рюмку ставят возле печки (огню) и на подоконник (солнцу). Присутствующие на церемонии женщины берут рюмку, стоящую у огня. Сам информатор брал рюмку от окна или с полки, где хранились шкуры.

В. Новицким описано празднество в Руссуйских юртах на Северной Сосьве, проводимое в честь *имды* [1925, с.17 - 18].

Интересно, что в качестве *имды* могли быть использованы не только шкуры зверей, убитых самим охотником: по сообщению В.Н. Чернецова, медвежья шкура была куплена у вогула В. Яркина неким хантом с Полуя: “Тот сказал, что хочет играть медведя и сделать из него *имда*”. Выезжая на неводьбу на длительный срок, брали с собой не только фигуры духов-покровителей, шаманский бубен, но и *имду* [Источники..., 1987, с. 38, 240].

* * *

Таким образом, культовая атрибутика К. Пакина, включала две каменные фигуры духов-покровителей, семь четырехпольных жертвенных покрывал, *ялтын-улама* с фигурой коня, три “богатырс-

ких” шлема, налобную пластину, три блюдца и две *имды*. Часть вещей (в т.ч. несколько жертвенных покрывал) перешла к хозяину от его родителей, но сохранилась лишь в ветхом состоянии.

* * *

Завершая рассказ о Верхне-Нильдино, необходимо упомянуть еще об одном доме, в котором проживала одинокая пожилая женщина. В 1997 г. она была уже тяжело больна, и к ней приехала дочь, Д.А. Вынгелева, 1942 г.р. Нас заинтересовал оструганный столб высотой около 180 см, недавно вкопанный у задней стены жилища. Дарья Александровна подтвердила, что 10 июня зарезали бычка по мансийскому обычаю - возле дома, с *молебном о здоровье*. Жертвоприношение организовала Н. Анемгурова из Хулимсунта (владельца бычка). Она привезла два платка, одним накрыли бычка, другим повязали ему голову. Зажгли чагу и семенники бобра, окурили ими под брюхом бычка, совершая рукой круговые движения “по солнцу”. Затем зять Д.А. Вынгелевой (русский) оглушил животное колуном по голове и зарезал. К задней стене дома прибита полка, на которую ставят пищу и водку богам во время жертвоприношения, а также на новолуние.

По словам Д.А. Вынгелевой, *так, с молебном, скот режут часто, особенно по осени. Все равно скотину забивать, так заодно и жертву принести*. Сама Дарья Александровна собиралась осенью забить еще одного бычка, но без посвящения его духу-покровителю, так как к этому времени ожидается смерть матери, а, по обычаю, в течение года после смерти родственников жертвы приносить нельзя.

Нижне-Нильдино

Юрты располагались на левом берегу Северной Сосьвы ниже Верхне-Нильдино, на половине пути к селению Кимкъясуи. В 1985 г. при осмотре последнего, уже разрушившегося дома, в правом углу комнаты на *тутыг-норме* мы нашли медное блюдо диаметром 10,7 см, в центре которого было выгравировано изображение скачущего оленя, а вокруг него - фигуры охотника с луком и двух зверьков. По краям блюда пробиты два отверстия (рис. 88).

Наш информатор В.В. Вадичупов рассказал, что недалеко от бывшего селения на расстоянии около шести километров от берега, в лесу находится “место” Вынгелевых, он случайно вышел на него во время охоты. На поляне он увидел *ура*, установленный на одной опоре. Позади него, опираясь на горизонтально укрепленную жердь, стояли

семь деревянных фигур *менквов*, их головы были обмотаны белой тканью*. К одному из деревьев были прислонены оструганные палки длиной около 70 см. Они предназначались для игры "*Щорпахты*" (*щор* "навоз", *пахты* "кидать"), в которую играли в деревнях, а также и здесь, так как место не считалось святым. На пенек ставили чурку и по очереди пытались сбить ее, бросая палки. Проигравшего укладывали лицом вниз на лежащие на земле в ряд палки, брали его за ноги и "катали" таким образом взад-вперед. По этому поводу вспоминаются слова Н.Л. Гондатти, сказанные им о преимуществах традиционных верований у манси перед православием: "...при всех языческих обрядах они наедятся, напьются, напляшутся и напоятся; одним словом, эти обряды являются для них не только средством общения с богами, но и местом развлечения и наслаждения, чем, конечно, никогда не может быть христианство" [1888, с. 50].

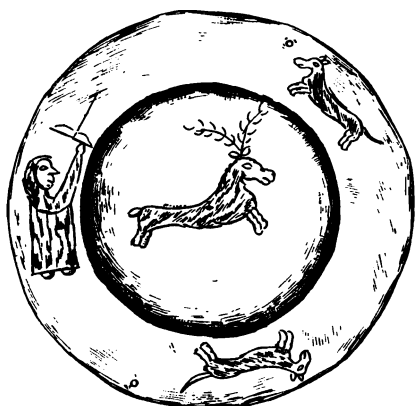

Рис. 88. Блюдце из Нижне-Нильдино.

Кимкъясуи

Селение Кимкъясуи ("устье р. Кимк-я") находится на правом берегу Северной Сосьвы ниже Верхне-Нильдино на 25 км. Считается, что оно было основано русскими в начале XX в. По данным Приполярной переписи 1926 г., в с. Тимко-суй (Кимкъя-суй) проживало 12 чел. (русские и зыряне), в 1937 г. - 47 чел. (из них манси - 12 чел.). В эти годы здесь был создан колхоз, население было смешанным и состояло из русских, коми-зырян и манси. В 1952 г. в Кимкъясуях проживало 149 чел. (манси - 88 чел.), в 1976 г. - 157 чел. (манси - 114 чел.), в 1981 г. - 130 чел. (манси - 104 чел.), в 1990 г. - 141 чел. (манси - 110 чел.) [Северная Сосьва, 1992, с. 4 - 9]. Как видно из статистических данных, в послевоенный период численность проживающих и доля мансийского населения оставались в поселке стабильными. Сегодня среди мансийских фамилий здесь преобладают Вадичуповы, Вынгелевы, Гындыбины и Монины.

* Подобное сооружение, увиденное на Сосьве, А. Каннисто назвал "стропилом лесных духов" [1958, S. 208].

Дом расположен в верхнем краю селения на высоком берегу, частично обрушившемся в сторону реки. Несколько лет назад хозяин дома повесился, вдова уехала в другое селение.

Вся культовая атрибутика, за исключением двух русских икон, была унесена на чердак, куда можно попасть по приставной лестнице из сеней дома. Дверца чердака заколочена. Вдоль всего чердачного помещения по центру проходит перекладина, на которой висят большой холщовый мешок, мешочек с гусиным пухом, мешочек с *арсынами* и наброшена одежда. На полу лежат пять оленьих шкур и раскидано множество рогов. У задней стены слева от дверцы находится большой сундук, справа от него стоит еще один, поменьше. К стене прислонена пустая рама для медвежьей шкуры. Перед сундуками на полу лежит большой холщовый мешок.

В левой части большого сундука лежали *арсыны* и жертвенное покрывало (подгнившее от сырости) с четырьмя фигурами всадников, выполненное из сукна красного и зеленого цвета и отороченное беличьим мехом (СМ51; рис. 89). Покрывало изготовлено в конце XIX в. Его размеры составляют 68 x 73 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. К углам полотнища пришиты красные и зеленые суконные ленты. Все всадники «двигаются» в левую сторону, при этом верхний ряд фигур не перевернут по отношению к нижнему. Голова всадника обозначена ромбом, ноги не показаны, в одной руке он держит поводья коня, вторая поднята вверх. Цвет сукна и характер изображений на данном покрывале и поясе (СМ43) из дома В.С. Гындыбина в Верхне-Нильдино полностью совпадают.

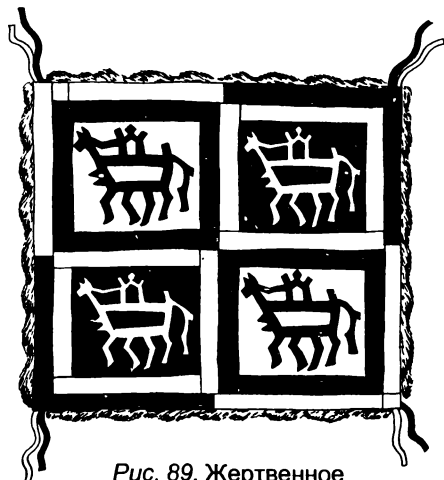

Рис. 89. Жертвенное покрывало (СМ51).

На крышке маленького сундука лежала матерчатая фигура духа-покровителя длиной около 40 см и размахом рук 42 см. Большинство надетых на фигуру халатов, включая верхний, выполнены из сукна черного цвета. На голове фигуры маленькая островерхая черная суконная шапочка, поверх которой надета шапка из четырех клиньев сукна черного и малинового цвета с изображением ящеры

(рис. 90, а, б). Высота шапки 10 см, диаметр 12 см, нижний край подшит тонкой полоской беличьей шкурки. Две ящерицы изображены в традиционной манере - четыре лапы и хвост, другая пара имеет более сложный рисунок, напоминающий одну из зооморфных фигур Гляденовского костыща (рис. 90, в) [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 51, рис. 46]. К серединам швов, разделяющих клинья, пришиты по две тонких полоски малинового и черного сукна, а к верхушке шапки - шестнадцать суконных кисточек.

В самом сундуке лежали *арсыны*, мешочек с гусиным пухом и детская игрушка, выполненная из папье-маше, которая представляла собой пять раскрашенных гусей на деревянной подставке. В конце XIX в. Н.Л. Гондатти писал о том, что "инородцы стали приобретать у зырян и русских простые детские игрушки и признавать их за изображения богов в настоящем их виде или в том, какой они иногда принимают, являясь людям, и какой у них был в то время, когда они боролись между собой и с разными богатырями и великанами" [1888, с. 16]. В данном случае фигурки гусей, скорее всего, соотносились с птичьим обликом *Мир-сусне-хума*.

Здесь же находилось и жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников, выполненное из сукна красного и черного цвета и отороченное беличьим мехом (СМ52; рис. 91, а). Оно изготовлено в первой половине XX в. Его размеры составляют 77 x 77 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. Лицевая сторона полотнища закрыта пришитым в нескольких местах шелковым узорчатым платком синего цвета. К углам покрывала пришиты кусочки шерстяного пояса, на которых можно прочесть слова: "дар", "...тела" и др., и бубенчик на низке желтого бисера. Покрывало по периметру украшено полосой из красных и черных треугольников. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, вторая поднята вверх. Над кру-

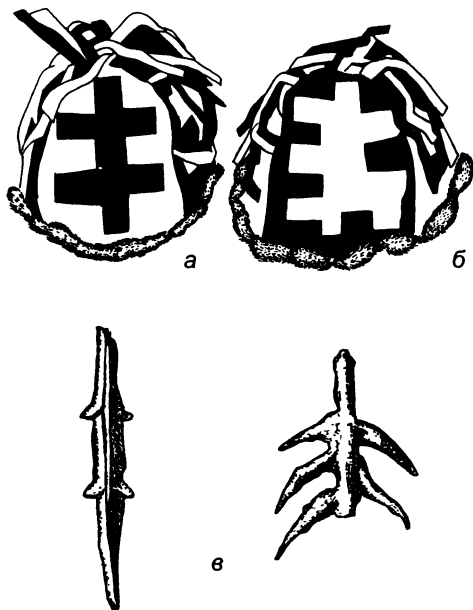
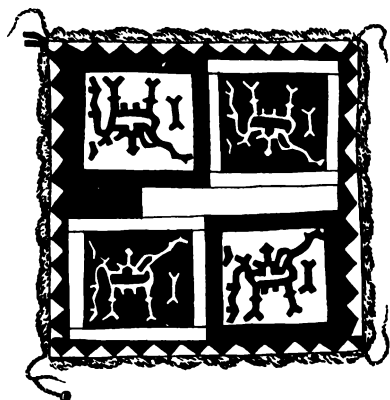
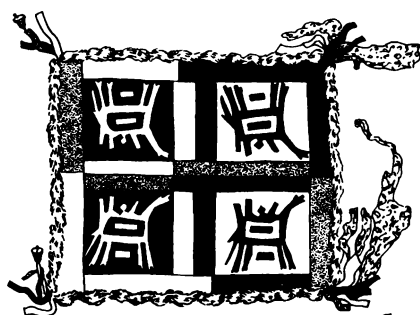

Рис. 90. Шлем духа-покровителя.
а, б - фигуры ящериц на шлеме,
в - фигуры ящериц Гляденовского костыща.

а

б

Рис. 91. Жертвенные покрывала.
а - СМ52, б - СМ53.

пом коня расположена фигурка в виде уголка (птица?), перед конем - фигурка, обычно изображающая пушного зверька; сложный рисунок хвоста коня позволяет предполагать, что в данном случае круп показан покрытым лисьей шкурой, что традиционно характерно для изображения коня *Мир-сусне-хума*. По информации С.И. Руденко, “во время недельного религиозного праздника (в ноябре) “мастер” - сын бога неба (Торума) - является на празднество верхом на лошади, причем голова ее бывает повязана красным сукном с золотым позументом, туловище - белой пешкой, а круп - лисьей шкурой с хвостом” [Прыткова, 1949б, с. 378]. Описанное покрывало можно считать двойником *ялтын-улама* П.С. Таратова в Верхне-Нильдино (СМ36).

В большом холщовом мешке, лежавшем на полу, находились шкуры лис, соболей, множество *арсынов* и модели луков (2 шт.) длиной около 20 см. Здесь же было обнаружено жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников, выполненное из сукна красного и черного цвета и отороченное беличьим мехом (СМ53; рис. 91, б). Оно изготовлено в 1930-х гг. Размеры изделия 58 x 73 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. Лицевая сторона полотнища закрыта подшитым в нескольких местах красным хлопчатобумажным платком. К углам *ялтын-улама* пришиты синие, черные и красные ленты, маленькие медные колокольчики, куски ткани с лицевого покрытия; в углу одного из них была завернута монета достоинством в 10 коп. выпуска 1929 г. Часть полос, оформляющих основные квадраты сукна, выполнена из синей ткани. Голова всадника обозначена ромбом, его руки подняты вверх, ноги не показаны. Под животом коня вшита фигурка прямоугольной формы.

В большом мешке, привязанном к перекладине, хранилось множество *арсынов*, лисьих и соболевых шкур. Среди вложений вы-

делялся ситцевый мешок, внутри которого лежали *арсыны* и халаты для медвежьего праздника, а также сверток из платков с “богатырским” шлемом. Отдельный комплект атрибутики составляли жертвенное покрывало и узел из нескольких платков, внутри которого была обнаружена островерхая шапка.

Шлем с семью фигурами всадников выполнен из сукна красного и черного цвета и оторочен мехом белки (СМ54; рис. 92). Он изготовлен в 1930-х гг. Его высота составляет 60 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий.

К нижнему краю шлема на красных лентах пришиты два больших бубенца. Квадраты с фигурами всадников разделены между собой полосками сукна с изображениями гусей и солнца. К верхушке шлема пришиты четыре красных и три черных суконных кисточки, четыре маленьких медных колокольчика и колокольчик, отлитый на заводе П.Г. Чернигина. Внутри шлема с правой стороны пришит карман квадратной формы из черного сукна с красной фигурой всадника, сложенный вдвое. Внутри него находились монеты достоинством 20 коп. выпуска 1924, 1925, 1928, 1934 гг. и 10 коп. выпуска 1922 и 1929 гг. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, вторая, согнутая в локте, понята вверх; ноги не показаны. По форме, наличию внутреннего кармана и изображению всадника данный шлем является близким подобием шлема из дома В.С. Гындыбина в Верхне-Нильдино (СМ45).

Рис. 92. “Богатырский шлем” (СМ54).

Жертвенное покрывало (СМ55; рис. 93, а) с семью фигурами всадников выполнено из сукна красного и черного цвета и оторочено мехом красной лисицы. Изготовлено в середине XX в. Его размеры 93 (110) x 80 см. Полотнище имеет подклад из розовой хлопчатобумажной ткани. В работе использованы нити оленьих сухожилий. К углам пришито по два розовых шерстяных шнурка, к которым привязаны белые и красные платки (в одном из них находится островерхая суконная шапка красно-сиреневого цвета), а также пестрый платок с завернутым в него маленьким медным колокольчиком. В углах платков завязаны монеты достоинством в 5, 10, 15, 20 коп. выпуска 1905, 1924, 1933, 1935, 1941 и 1946 гг. К середине

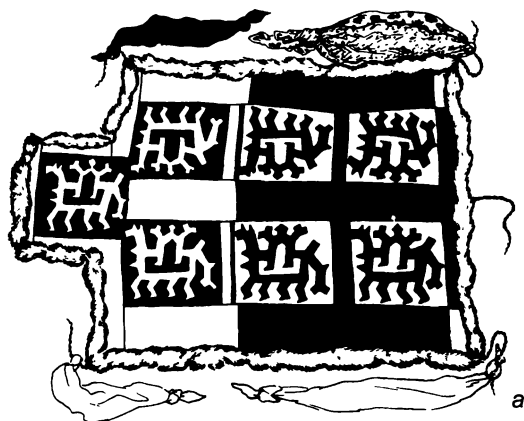

Рис. 93. Жертвенное покрывало (СМ55) (а) и шапка духа-покровителя (б).

правой стороны также пришиты два розовых шнурка. Шесть фигур всадников расположены в два ряда, седьмая фигура на отдельном квадрате вынесена за пределы основного полотнища. Голова всадника обозначена ромбом, руки подняты вверх, ноги расположены на тулове коня.

Островерхая шапка сшита из четырех клиньев сукна красного и черного цвета, нижний край оторочен лисьим мехом, к нему подшиты семь медных бубенчиков на низках белого и черного бисера; в верхней части шапки пришиты семь монет достоинством в 15 коп. выпуска 1924 - 1926 гг. Высота головного убора 23 см. диаметр нижней части 18 см. В суконные клинья вшиты четыре птицевидные фигуры (рис. 93, б). Подобный рисунок (изображение тетери), со спинки детской люльки опубликован В.Н. Чернецовым [1959, с. 135].

Подобный комплект из семипольного покрывала и островерхой шапки с птицевидными фигурами был встречен нами в 1997 г. у хантов селения Тутлейм на р. Вогулке (15 экз.). В обоих случаях совпадает форма покрывал и шапок, изображения всадников, "птиц" и т.п.; скорее всего, кимкъясуйский комплект имеет тутлеймское происхождение.

Таким образом, культовая атрибутика в доме Гындыбиных включает достаточно традиционные элементы: предметы почитания *Мир-сусне-хума* (жертвенные покрывала, "богатырский" шлем, мешочки с гусиным пухом, детскую игрушку "Гуси"), приношения духу-покровителю по случаю рождения ребенка (модели луков), вещи для медвежьего праздника (рама для шкуры, халаты) и фигуру духа-покровителя. Одежда и нижний головной убор *путьга* выполнены из сукна черного цвета; верхняя шапка украшена изобра-

жениями ящерниц, которые, согласно общесибирской традиции, были связаны с нижним миром. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с фигурой *Куль-отыра*, владыкой Нижнего мира; хранение его изображения в составе домашних пенатов было ранее встречено в Хурумпауле [Гемуев, 1990, с. 68].

Домашние фетиши А.Н. Вадичупова

Дом расположен в нижней части селения на берегу р. Кимк-я. Несколько лет назад жена хозяина дома ушла из жизни, после чего А.Н. Вадичупов построил неподалеку новый дом, где проживает сегодня с сыном. Мебель из старого дома увезена, рамы в окнах отсутствуют, дверь заколочена. Культовая атрибутика, принадлежавшая отцу и деду А.Н. Вадичупова, осталась на чердаке.

В передней части чердачного помещения справа, сразу за дверцей лежали старые бытовые вещи в трех больших орнаментированных сумках из оленьей кожи. Выделялись два орнаментированных оленьих пояса с холщовыми подкладами: первый, размерами 110 x 24 см, изготовлен из сукна красного и черного цвета, один из горизонтальных кантов выполнен из желтого сукна (рис. 94); второй пояс приблизительно тех же размеров выполнен из красного и зеленого сукна.

Слева от входной дверцы был прибит шейный кожаный орнаментированный пояс, украшенный большим медным колокольчиком с надписью “Мастеръ лиль в городе Валдае. Кого люблю. Т.И.”; пояс остался от жертвоприношения оленя.

У задней стены чердачного помещения находились (слева направо): жестяная тарелка с чагой, оленьи рога; сундучок с *арсынами*, на нем - большой медный чайник; еще один сундук, на крышке которого стоял большой холщовый мешок. За сундуками лежали три кулька с гусиным пухом, берестяной туес с крышкой и второй холщовый мешок с завязкой в верхней части. Мешки были наполнены халатами для медвежьего праздника и *тор* - платками с пришитой по краям бахромой, предназначенными в подарок *Калтащ-экве*.

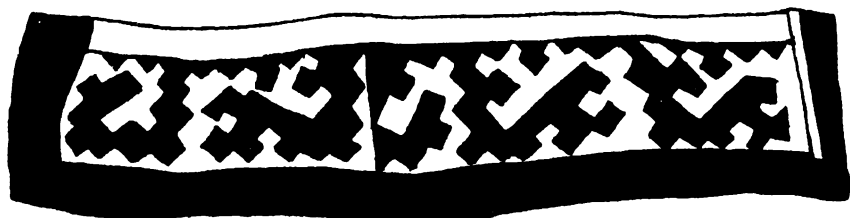

Рис. 94. Олений пояс.

Чайник был плотно набит *арсынами*, здесь же находилось жертвенное покрывало (СМ56; рис. 95) с четырьмя фигурами всадников, выполненное из сукна красного и черного цвета и отороченное мехом белки. Оно изготовлено в конце XIX в. Его размеры составляют 67 x 67 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. Лицевая сторона покрывала закрыта пришитым к ней в нескольких местах голубым ситцевым платком. К углам полотнища пришиты красные шерстяные шнуры, ленты красного и темно-синего сукна, медные колокольчики, кольцо на цепочке. Верхняя часть туловища всадника имеет заостренную форму, голова и ноги не показаны; одной рукой всадник держит поводья коня.

В сундуке хранились *арсыны* и две фигуры духов-покровителей длиной около 35 см каждая, в черных халатах. На дне сундука лежала берестяная фигурка оленя.

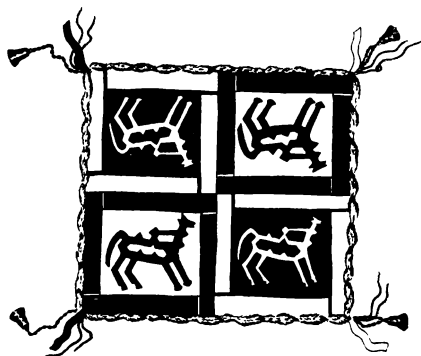

Рис. 95. Жертвенное покрывало (СМ56).

Рис. 96. Овальная жертвенная пластина. 1784 г.

На полу между двумя сундуками была обнаружена овальная серебряная пластина размерами 9 x 10,5 см (рис. 96). Она изготовлена в Тобольске в 1784 г.; на лицевой стороне поставлены клейма пробирного мастера и автора изделия. Штамп "1784 ЛВ" принадлежал пробирному мастеру Льву Власову, работавшему в Тобольске во второй половине XVIII в., клеймо "I•Ш" - неизвестному мастеру, одна из работ которого находится в Эрмитаже [Постникова-Лосева и др., 1983, с. 253]. На пластине изображена сцена охоты: человек, натягивающий лук, целится в пушного зверька, который прячется в кроне дерева. На берегу озера стоит журавль, по воде плавает утка. Край пластины выполнен в виде широкой полосы, ограниченной двумя выступающими бортиками и украшенной волнистым зигзагом, рельефными перлами круглой и овальной формы.

В берестяном туесе были обнаружены *арсыны*, жертвенное покрывало и “богатырский” шлем.

Покрывало (СМ57; рис. 97) с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и черного цвета и оторочено белым мехом. Оно изготовлено в 1930-х гг. Его размеры составляют 86 x 92 см. Лицевая часть закрыта пришитым по периметру белым хлопчатобумажным платком с надписью по краю “Краснопресненский трест в Москве”. Углы полотнища украшены красными и черными суконными лентами, латунной бляхой с фигурой лучника в круге, медными колокольчиками, один из которых изготовлен на “заводе наследников Ф.М. Трошина”. На лицевой стороне в двух местах под красным и черным квадратиками сукна зашиты монеты достоинством в 10 коп. выпуска 1925 и 1929 гг. Фигуры всадников необычно крупные. Наличие на покрывале ярких красных и черных прямоугольников, кругов, геометрических фигур напоминает художественный стиль ряда авангардистских течений, популярных в России в 1920 - 1930-е гг., хотя это сходство, скорее всего, является случайным. Голова всадника обозначена ромбом, руки подняты вверх. Туловища двух коней выполнены с прямоугольными вставками, у остальных вшиты вставки в виде двух кругов. Перед конем на поле помещена фигура, составленная из двух треугольников.

“Богатырский” шлем (СМ58; рис. 98) с семью фигурами всадников выполнен из сукна малинового и голубого цвета и оторочен мехом белки. Изготовлен в середине XX в. Его высота составляет 48 см. К нижнему краю шлема пришиты один маленький и три больших медных колокольчика, изготовленные на заводах П.Г. Чернигина, Е. Ключкова и А. Трошина; к тыльной стороне в верхней части - еще три маленьких колокольчика. Нижняя часть шлема выполнена из пяти суконных квадратов. Передний

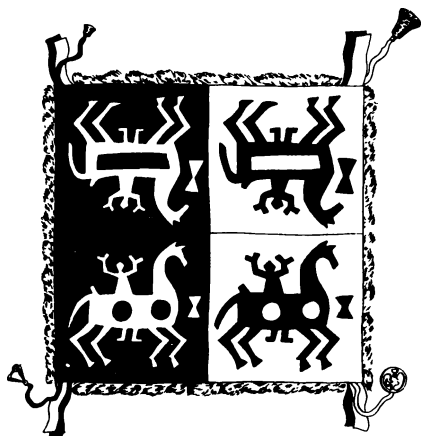

Рис. 97. Жертвенное покрывало (СМ57).

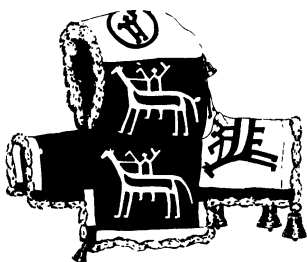

Рис. 98. “Богатырский шлем” (СМ58).

квадрат, защищающий шею, сшит из малинового сукна, без рисунка. На остальных квадратах фигуры всадников. Верхняя часть сшита из трех вертикально расположенных суконных прямоугольников с фигурами всадников, и одного, расположенного горизонтально (голубого цвета). На него нашита антропоморфная фигура в круге. Похожие фигуры в круге ранее встречались на семипольных жертвенных покрывалах в селении Хурумпауль на р. Ляпин [Гемуев, 1990, с. 36, 64]. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, вторая рука поднята вверх.

Один из холщовых мешков был наполнен *арсынами* и лисьи-ми шкурами, во втором мешке, кроме перечисленного, были обнаружены миниатюрные сапожки, четыре жертвенных покрывала и два шлема.

Сапоги сшиты из кожи коричневого цвета, длина подошвы составляет 17 см, высота голенища 24 см. Каблук и подошва прибиты медными гвоздями. Подобные сапоги традиционно предназначались в подарок *Мир-сусне-хуму* [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 74; Гемуев, 1990, с. 42]. В сказании, опубликованном А. Каннисто, повествуется о том, как один вогул послал в Троицкие юрты в жертву *Мир-сусне-хуму* старые голенища своих сапог [1958, S. 262].

Первое покрывало (СМ59; рис. 99) с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и черного цвета. Изготовлено в первой половине XX в. Его размеры составляют 52 x 76 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. К углам полотнища пришиты красные и черные суконные ленты. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, вторая поднята вверх. Фигура коня показана только с двумя ногами. Над крупом коня вшита фигурка птицы.

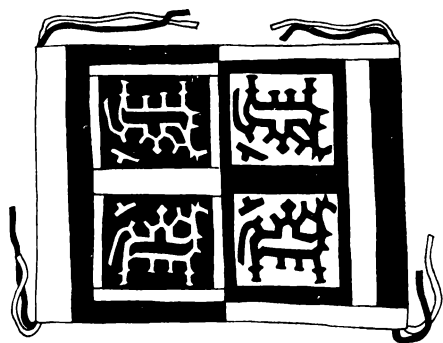

Рис. 99. Жертвенное покрывало (СМ59).

Второе покрывало (СМ60; рис. 100) с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и черного цвета. Изготовлено в конце XIX в. Его размеры составляют 74 x 85 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. К углам полотнища пришиты широкие и узкие шерстяные красные ленты. Низка синего и белого бисера. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, вторая под-

нята вверх. Фигура кося показана только с двумя ногами. На каждом поле вокруг всадника изображены пять фигур птиц и пушных зверьков.

Третье покрывало (СМ61; рис. 101) с четырьмя фигурами всадников выполнено из сукна красного и черного цвета и оторочено беличьим мехом. Оно изготовлено в начале XX в. Его размеры составляют 67 x 71 см. В работе использованы нити оленьих сухожилий. Лицевая сторона покрывала закрыта пришитым по периметру розовым шелковым платком. К углам полотнища крепятся маленькие медные колокольчики на красных шерстяных шнурках. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья кося, вторая рука, согнутая в локтевом суставе, поднята вверх; ноги показаны на тулове кося. Между лицевым покрывтием и основным полотнищем была положена берестяная фигурка петуха.

Четвертое покрывало (СМ62; рис. 102) с семью фигурами всадников выполнено из сукна черного и зеленого цвета и оторочено мехом белки. Оно изготовлено в середине XX в. Его размеры составляют 74 x 80 см. Подкладом служит кусок хлопчатобумажной ткани красного цвета. К углам пришиты ленты из черного и зеленого сукна, куски из той же ткани, что и подклад, в углах после-

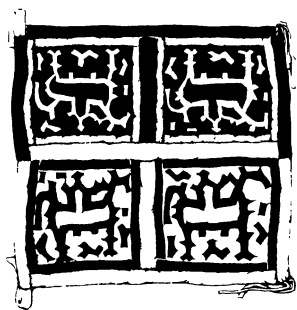

Рис. 100. Жертвенное покрывало (СМ60).

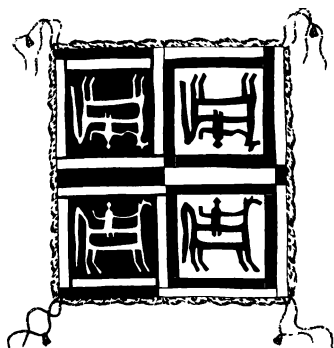

Рис. 101. Жертвенное покрывало (СМ61).

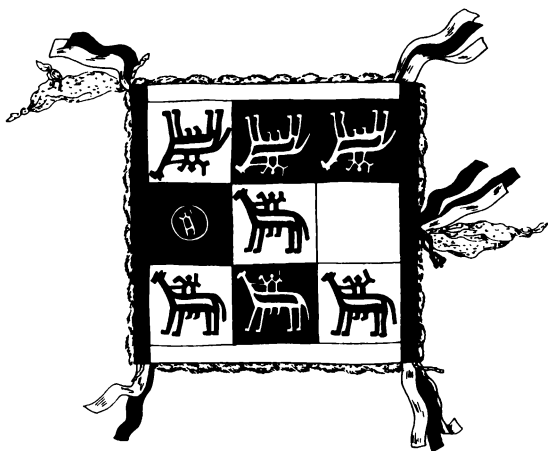

Рис. 102. Жертвенное покрывало (СМ62).

дних завязаны монеты достоинством в 10 и 20 коп. выпуска 1936, 1943 и 1948 гг. Такие же ленты и два маленьких медных колокольчика на низках синего и белого бисера составляли т.н. "хвост", находящийся в середине правой стороны. Покрывало состоит из девяти суконных квадратов. Всадники расположены в три ряда в последовательности 3-1-3. Один квадрат без изображения, а на крайнем слева квадрате во втором ряду имеется антропоморфная фигура в круге. Остроголовый всадник показан с поднятыми вверх руками, одной из них он держит поводья коня, во второй угадывается птица. Данное покрывало и семипольный шлем (СМ58), хранившиеся на чердаке, а также четырехпольное покрывало из дома П.С. Таратова (СМ37) изготовлены одним автором: на это указывают одинаковые изображения всадников и антропоморфной фигуры в круге. По форме и схеме расположения основных фигур покрывало напоминает подобные образцы из селения Хурumpaуль [Гемуев, 1990, с. 36, 64].

"Богатырский" шлем (СМ63; рис. 103) с четырьмя фигурами всадников выполнен из сукна красного и черного цвета и оторочен мехом белки. Он изготовлен в первой половине XX в. Его высота составляет 37 см. К углам верхней части шлема на черных шнурках пришиты четыре маленьких медных колокольчика; верхушка украшена султаном из красных и черных суконных лоскутков. Тулья орнаментирована, к ее нижнему краю пришиты три колокольчика. Голова всадника обозначена ромбом, одной рукой он держит поводья коня, второй - плетъ.

Рис. 103. "Богатырский" шлем (СМ63).

Еще один шлем, конусообразной формы, с четырьмя фигурами оленей выполнен из сукна черного и зеленого цвета и оторочен беличьим мехом (рис. 104). Его высота составляет 26 см, диаметр нижней части 32 см. Шлем состоит из шести клиньев: черный и зеленый без фигур и четыре клина с вшитыми фигурами оленей. Нижний край выполнен из полосы шириной 6 см, одна ее половина из зеленого, другая из черного сукна. Одна пара оленьих фигур изображена с высокими рогами и поднятым вверх хвостом, другая без рогов, с хвостами, опущенными

вниз. Туловища всех фигур с вшитыми вставками. Ранее шлемы с фигурами оленей у манси не встречались.

Завершая описание культовой атрибутики, перешедшей к А.Н. Вадичупову от его отца и деда, следует отметить, что хронологически она делится на две части: одна относится к рубежу XIX - XX вв., а вторая датируется серединой XX в. Таким образом, на чердаке хранятся “святые” вещи сразу двух поколений. Их состав не выходит за рамки традиций: две фигуры духов-покровителей, комплекс предметов почитания *Мир-сусне-хума* (пять четырехпольных и семипольное жертвенные покрывала, два “богатырских” шлема, мешочки с гусиным пухом, ритуальные сапожки), атрибутика медвежьего праздника (халаты и шлем с фигурами оленей). Уникальной является серебряная пластина, изготовленная в Тобольске в 1784 г.

Рис. 104. Шапка с фигурами оленей.

* * *

В селении Кимкъясуи мы останавливались у А.И. Монины (1937 г.р.), одного из наиболее авторитетных жителей селения, главы местной общины. По его словам, манси держат в доме только последнее по времени изготовления покрывало, которое и кладут на спину коня или оленя; предыдущие относят на чердак. *Я свои ялтыны не видел, они завязаны в узлы, так узелок сверху на спину животного и кладем. Лет шесть-семь назад сестра жены (живет в Кимкъясуях. - Авт.) сказала мне, что мы нуждаемся в ялтыне. Это она видела во сне. Сказала, что мне нужно купить сукно красного и зеленого цвета, а также колокольчики. Сделала покрывало и оно с тех пор в узелке лежит в новом доме на пупыг-норме. На вышке старого дома у меня есть покрывала моих родителей, тоже в узелках. Когда теленка собираемся забивать, то сначала на него кладем халат, а на шею набрасываем шаль или большой платок, сложенный треугольником. Кулек с ялтыном могут класть на спину, но чаще держим перед мордой - корова ведь дергается, со спины кулек упасть может. Зажигаем чагу.*

А.И. Монин женат на родной сестре В.Н. Вадичупова, родители которого жили в последние годы и умерли в доме зятя. После их смерти остались фигуры духов-покровителей и сундуки с прикладами. *Я тогда говорю Василию - забирай их, не мои это пупыги.*

Он сначала отказывался, но потом забрал. Сейчас они у него в сумьяхе во дворе хранятся. Моя жена (сестра Василия) иногда туда ходит, дверь в сумьях открывает, зажжет чагу и рюмку поставит. К задней стене дома В.Н. Вадичупова прибита полка, куда ставят “угощение” для духов во время жертвоприношения животного. Ему на спину кладут красно-синее покрывало, которое затем некоторое время висит на гвозде рядом с полкой.

* * *

Хотелось бы упомянуть об одном разговоре с В.В. Вадичуповым, касающемся *ялпын-улама*. Когда мы рассматривали фигуры всадников на одном из покрывал, то он сказал (с некоторым сомнением) буквально следующее: *Вроде бы я видел, что шили халат с подобными рисунками. Кажется, на обшлагах рукавов было по всаднику, и на спине у халата тоже был всадник. Этот халат накидывали на теленка. Это было лет семь назад в Кимкъясуях, это я случайно увидел, когда его делали, нам-то нельзя на это смотреть.* В литературе сведения о жертвенных халатах с рисунками всадников неизвестны, но традиция изготовления халатов в подарок духу-покровителю зафиксирована многократно. Возможно, не только шлем, пояс и “седло” (покрывало прямоугольной формы) украшались фигурами всадников, но и халат, который достаточно органично входит в комплект “богатырского” одеяния.

ГЛАВА II

СВЯТИЛИЩА МАНСИ: ТИПОЛОГИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСОНАЖИ

Возникновение культовых мест и их типы

Известно, что бассейн верхнего течения Северной Сосьвы в XVI - XVIII вв. являлся местом активных миграционных процессов: манси, вытесняемые с западных склонов Урала русскими, через верховья Лозьвы вышли на Северную Сосьву, заставив уйти далее на восток ранее живших здесь хантов. Передвижения манси внутри данного региона сопровождались образованием собственных поселков и, соответственно, местных святилищ различных рангов. Нередко новый дух-покровитель оказывался “сыном” покровителя *пауля*, из которого часть жителей отселилась и основала новый поселок. Осваивая территорию, манси населяли ее и образами известных им богов и духов.

В бассейне Северной Сосьвы зафиксированы святилища следующих типов: культовое место территориальной группы, место предка-покровителя селения, памятное место, женское место и домашнее святилище. Все упомянутые категории святилищ были отмечены в бассейне крупнейшего притока Северной Сосьвы - Ляпина [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 120 - 130]. Памятные места и женские святилища в верховьях Северной Сосьвы на протяжении текущего столетия исследователями не встречены.

К святилищам территориальной группы можно отнести культовое место *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки* на оз. Турват (почиталось манси, проживавшими у восточных склонов Урала - в верховьях Лозьвы, Пелыма и Сосьвы); святилище *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе (манси верхнего и среднего течения Северной Сосьвы, бассейна р. Тапсуй); культовое место *Ялпынг-Аки* (манси селений, расположенных в бассейне р. Тапсуй); святилища *Лус-хал-эква* и *Воял-ойки* (манси селений Усть-Тапсуй, Хангласам, Хулимсунт, Менкв-я, Сарадейских юрт, Ворья-пауля, Ломбовожа). Таким образом, к духам-покровителям, почитаемым территориальными группами манси, относятся дети *Нуми-Торума* (*Нер-ойка* и *Лус-хал-эква*, она же *Пурыхпан-эква* или *Хангласам-най-эква*), главный мансийский “лекарь” *Чохрын-ойка*, Медведь (*Ялпынг-Аки*) и *Воял-*

ойка, под которым по ряду косвенных свидетельств понимается *Мир-сусне-хум*.

Следует отметить, что у ляпинских манси из числа святилищ территориальных групп могут быть выделены два типа. Первый из них - межфратриальное культовое место (*Торум-кан*). Вторым, например, святилище бога войны *Хонт-Торума*, связан с бытованием у манси в прошлом военно-потестарной организации, когда каждый "князь" имел своего "идола", служившего идеологическим обоснованием единства населения "княжества" [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 126 - 130]. Что же касается верхнесосьвинских манси, то появление у них святилищ территориальных групп трудно связать с бытованием в прошлом тех или иных социальных структур. С определенностью можно говорить лишь о том, что почитаются здесь весьма значимые персонажи мансийского пантеона.

С традицией почитания духов-покровителей территориальных групп манси связано периодическое проведение общественных жертвоприношений в определенные сроки: через три, семь и двенадцать лет уральскому *Чохрын-ойке* [Носилов, 1904], через два года *Чохрын-ойке* в Усть-Тапсуе, один раз в три года *Воял-ойке* и т.п. Это, естественно, не исключает принесение жертвы духам-покровителям по иному поводу (начало охоты, болезнь, проезд в районе святилища).

К местам почитания предка-покровителя селения можно отнести святилища *Леп-тит-ойки* (Самбиндаловы; Яны-пауль), *Йипых-ойки* (Тасмановы; Халпауль), *Няксимволь-пауль-най-эквы*, *Каль-нехос* и *Тулям-ур-ойки* (Номины, Няксимволь), *Торум-ойки* (Пуксиковы; Хангласам, Хулимсунт), *Мис-хум-ойки* (Алкадьевы; Менкв-я-пауль), *Нярс-най-эквы* (Таратовы, Вадичуповы; Санки-тур), *Волья-ялпын-щань* (Таратовы, Вадичуповы; селения в бассейне р. Волья), *Полум-Торум-ныга* (Вынгелевы; Верхне-Нильдино), *Ялпус-ойка-ныга* (Пакины, Нирус-пауль), *Вор-я Най-эква - Каль-нехс* (Анемгуровы, Ворь-я-пауль), *Хулюм-пауль най эквы* (Пеликовы, Хулюм-пауль). Данные святилища находились в непосредственной близости от "своих" селений и могли посещаться не только представителями фамилии, ведущей происхождение от предка-покровителя, но и мужчинами других фамилий, проживающих в селении, в сопровождении хранителя места.

А. Каннисто разделял жертвенные места на *яны-кан* "большое жертвенное место" и *мань-кан* "малое жертвенное место". *Мань-кан* могло располагаться за каждым домом в селении, тогда как *яны-кан* являлось культовым местом, общим для жителей всей деревни или нескольких рядом расположенных селений. *Мань-кан* посещали и женщины, им запрещалось находиться только ря-

дом с жертвенным деревом; женщины могли присутствовать при жертвоприношении и находиться у жертвенного костра. Более строгие правила для женщин существовали при посещении *яныкан*: они не могли подходить к костру во время жертвенной церемонии; на некотором удалении разводили свой огонь, на котором варили жертвенное мясо [1958, S. 267 - 268, 400].

Поселковые и региональные святилища

Расположение и планировка

Вблизи селений находились святилища *Леп-тит-ойки*, *Йипых-ойки*, *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе, *Мис-хум-ойки* в Менкв-я-пауле, *Полум-Торум-пыга* в Верхне-Нильдино и место *менкво* у Нижне-Нильдино. Вдалеке от селений располагались культовые места *Чохрын-ойки* и *Нер-ойки* на оз. Турват, *Каль-нехос* и *Тулям-ур-ойки*, *Торум-ойки*, *Ялпынг-Аки*, *Лус-хал-эквы*, *Воял-ойки*, *Тахт-котиль-аки-пыга*, *Волья-ялпын-щань*.

Ряд культовых мест был привязан к природным объектам: святилище *Чохрын-ойки* и *Нер-ойки* располагалось на берегу озера, вблизи горы; *Леп-тит-ойка* и тапсуйский *Чохрын-ойка* - в устье рек. Значительная часть святилищ была расположена в так называемых "святых" местах: на берегу оз. *Ялпынг-тур*, у горы *Ялпынг-Нер*, на берегах Ялбыньи и одноименного притока Вольи (*Чохрын-ойка* и *Нер-ойка*; *Торум-ойка* - в течение ряда лет; *Лус-хал-эква*; *Воял-ойка*; *Тахт-котиль-аки-пыг*, *Аги*, *Нярс-най-эква*; *Волья-ялпын-щань*).

Святилища, расположенные на территории населенных пунктов, в XX в. не зафиксированы. Преследования со стороны русского (затем советского) государства и православной церкви привели к повсеместному переносу культовых мест за пределы селений, при этом святилища предков-покровителей оказались в непосредственной близости от населенных пунктов, что было обусловлено необходимостью часто совершать обряды, связанные с началом охотничьего сезона, рыбного промысла, излечением болезней и т.д. Святилища персонажей мансийского пантеона более высокого ранга были намеренно удалены от поселков, при этом окружающая их территория считалась "священной"; обряды совершались с определенной периодичностью, отличались количеством приносимых жертв, охватывали мансийское население большого региона.

При описании мансийских святилищ А. Каннисто употреблял термины *ялпын-ма* – территория, принадлежащая божеству (на-

пример, кедровый “остров” - возвышенное место среди болота), и *пурлахтын-ма* - место на этой территории, где совершались жертвоприношение и трапеза [Ibid., S. 276].

Пурлахтын-ма могло включать следующие элементы: жилище (амбарчик, дом, навес); кострище; стол; места для сидения присутствующих; деревья с вырезанными на их стволах личинами или воткнутыми ножами; жертвенные жерди; фигуры духов-покровителей; деревянные изваяния *менквов*; игровые атрибуты; оружие; посуду; предметы жертвоприношений. Рассмотрим данные элементы подробнее.

Жилище духа-покровителя

Амбарчик традиционно выполнен из колотых кедровых плах или досок (исключение - *ура* из бересты в Халпауле). В качестве опор используются спиленные стволы деревьев; количество опор одна (семь случаев) или две (четыре случая). Дверь приставная, удерживаемая поперечной перекладиной или загнутым гвоздем. Лестницей служит бревно с вырубленными выемками. Уникальным для местной культовой архитектуры является семигранный *сумьях Торум-ойки*; остальные амбарчики выполнены в рамках традиций, существующих у манси в Сосьвинско-Ляпинском Приобье.

Для постройки амбарчика обычно выбирались деревья, растущие выше по течению реки от культового места (исключение составляли т.н. “святые” реки, когда приходилось спускаться ниже, за пределы их устьев). Строительный материал заранее не готовили и не сушили, использовали “свежее” дерево. В работе принимали участие родственники хранителя места (семейное святилище) или мужчины - жители селения.

Причинами замены жилища духа-покровителя являются естественное разрушение с течением времени, повреждение лесными зверями или пожаром, обычай строить новый амбарчик через определенный срок (весной через семь лет на оз. Турват; через пять лет у *Леп-тит-ойки*) или появление нового хранителя (Менкв-я-пауль). Чаще всего новый амбарчик сооружался неподалеку от прежнего.

Оформление одного из концов конька крыши культовых амбарчиков в виде головы животного в изучаемом районе встречено дважды: на святилищах *Леп-тит-ойки* (лошадь) и *Мис-хум-ойки* (лось, по другой информации - лошадь). Напомним, что голова глухаря венчала конек культового амбарчика на святилище *Халев-ойки* у селения Анеево [Гемуев, 19906, с. 85], а голова орла - резной гребень крыши у *Пуни эквы* в Тэй-пауле на Юконде [Источники....

1987, с. 166]. В конце XIX в. оленьи рога были укреплены на крыше амбарчика *Чохрын-ойки* [Носилов, 1904, с. 88]. Над дверцей семигранного *сумьяха Торум-ойки* углем были нарисованы солнце и месяц.

Оформление верхних концов боковых стоек культовых амбарчиков в виде голов *менквов* встречено на оз. Турват (место *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки*) и в устье Леплы (место *Леп-тит-ойки*). Аналогичная традиция была зафиксирована у березовских хантов: изображения *еляней* (духов-помощников) были вырезаны на столбах священного амбарчика [Иванов, 1970, с. 31]. Как мы упоминали выше, основной функцией *менквов* в данном случае были охрана жилища духа-покровителя (в том числе и в моменты, когда последний “покидал” амбарчик “по своим делам”) и предупреждение его о посторонних. Такие же обязанности выполняли и сторожа, находившиеся внутри *сумьяха* (святилище *Тахт-котиль-аки-ныга* на Ялбынье (притоке Волю)), а также серебряная фигура слона, охранявшего порог “дома” *Ипных-ойки*. О подобном случае сообщает А.П. Зенько: у хантов р. Большой Юган в священном лабазе напротив фигуры *Яун-ики*, на ближнем к входу крае помоста стоял невысокий столик, на котором располагалось изображение духа-помощника, “сторожащего дверь” [1997, с. 29].

Навес в качестве жилища духа-покровителя в исследуемом регионе был встречен на культовом месте *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе. Его конструкция на протяжении последних 70 лет претерпела определенные изменения: в 1926 г. двускатный навес опирался на две опоры, а в 1989 г. сооружение представляло собой скат из двух слоев досок, располагавшийся на шести опорах. Причиной сооружения достаточно нестандартного жилища, на наш взгляд, является представление манси о существовании *Чохрын-ойки* в летнее время в облике стрекозы.

Отдельная изба с обстановкой, повторяющей интерьер обычного мансийского жилища, была построена для *Воля-ялтын-щань* (*Мис-нэ-эквы*) в бассейне р. Ялбыньи (приток Волю). Аналогичный случай бытования специального дома для духа-покровителя (опять же в женском облике) отмечен А. Каннисто у вогулов верхней Лозьвы - некто Василий Туйков построил *Тухтит-най* “Богине-покровительнице с устья Тухты” избу рядом со своим домом. В ней был устроен чувал. Отапливать избу приходила мать Василия (обязательно в чистых одеждах), другим женщинам туда входить запрещалось [1958, S. 159].

Информация об ориентации входа амбарчика исследователями первой половины XX в. не фиксировалась. Наши полевые материалы говорят об отсутствии в сегодняшней практике строго за-

данной ориентации входа амбарчика: жилища *Нер-ойки/Чохрын-ойки*, *Торум-ойки* и *Полум-Торум-пыга* входом направлены на юг, *Каль-нехос/Тулям-ур-ойки* и *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе - на север, в Менкв-я-пауле четыре амбарчика *Мис-хума* были ориентированы на северо-запад, пятый - на юго-запад.

Отметим, что манси традиционно строят дом таким образом, чтобы дверь была направлена на север, а противоположная входу "святая" стена, у которой совершались жертвоприношения, на юг. Культовый амбарчик также по традиции располагался на южной стороне жертвенной площадке, а тропа, по которой люди шли к культовому месту, вела к северной оконечности площадки. В соответствии с этим дверь амбарчика должна "смотреть" на север, а изображения духов находиться у противоположной двери южной стороны. И хотя реально это условие выполнялось не всегда, считалось, что дверь амбарчика в любом случае направлена на север. Дело в том, что манси придерживались символической ориентации объектов в пространстве, которая условно соответствовала канону (подробнее см.: [Гемуев, 1990а, с. 26 - 27]).

Таким образом, конструкция культовых сооружений выдержана в рамках основных строительных традиций, присущих манси на протяжении XIX - XX вв. Культовые *ура-сумяхи* выполнялись подобно хозяйственным лабазам и во многом - надмогильным сооружениям; изба для духа-покровителя - аналогично срубным жилищам, а навес *Чохрын-ойки* соответствовал временным жилищам - одно- и двускатным берестяным шалашам, которые устанавливались манси при выезде на рыбный промысел.

Элементы ритуальной площадки

Приспособления для ритуальных церемоний можно разделить на постоянные и временные; последние воздвигались для каждой новой церемонии. К постоянным следует отнести жерди, прибитые горизонтально между двумя деревьями (р. Няйс) или же опирающиеся на вертикально установленные столбы (*мань-кан* Т.И. Номина). На них во время церемонии вешали жертвенные одежду и меха, *ялтын-улама*, шкуры животных. Для хранения принесенных даров сооружался помост, упоминаемый В.Н. Чернецовым в Усть-Тапсуе. К этой же категории необходимо причислить растущие в пределах ритуальной площадки деревья, в стволы которых втыкали ножи *Чохрын-ойке*.

К временным приспособлениям можно отнести молодое деревце, которое устанавливали позади стола или рядом с навесом. На ветки вешали новый платок. Кроме того, манси полагали, что на

святилище любого духа-покровителя во время церемонии присутствуют и божества высокого ранга - *Нуми-Торум* и его сыновья (как правило, старший и младший); к ним также обращались с молитвами и пожеланиями. По сведениям А. Каннисто, на одном из святилищ Северной Сосьвы за столом были поставлены три березы (*тур йив*) в качестве жертвенных шестов, на которые повесили жертвенные одежды таким образом, что они напоминали человеческие фигуры. Одно дерево предназначалось *Мир-сусне-хуму*, другое (среднее) - *Нуми-Торуму*, третье - *Полум-Торуму* [1958, S. 269].

Вогулы Северной Сосьвы считали, что на большинстве культовых мест стол для жертвенной пищи (*ялпын тур*) боги сооружали для себя сами, так как они не могли сидеть за столами людей [Ibid., S. 272]. Как уже упоминалось выше, к столам прислоняли или ставили рядом с ними специально срубленные деревца, на которые вешали жертвенные одежды, обозначая тем самым присутствие и божеств более высокого ранга.

Специальные лавки для сидения были встречены лишь на святилище *Мис-хума* в Менкв-я-пауле. В остальных случаях около амбарчика или под ним хранились широкие доски, на которые усаживались присутствующие люди. По информации А. Каннисто, во время жертвоприношения нельзя было опираться на дерево или сидеть на дровах, которые собирались использовать для приготовления пищи, в противном случае на теле человека могли появиться струпья; дабы избежать этого, у жертвенного очага находились особые бревна для сидения [Ibid., S. 226]. Подобная традиция оформления культовых мест отмечена также у ляпинских и нижнесосьвинских манси [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 37; Гемуев, 19906, с. 83].

Набор посуды на святилищах включал котлы для варки мяса, жестяные тарелки, рюмки, чашки для чая, ложки. Мелкая посуда хранилась в передней части *сумьяха*, сразу за дверцей, или на предвходовой площадке - "крыльце". Было принято оставлять немного чая и табака для духов-покровителей.

Важным элементом площадки являлось кострище - место обитания *най-отыров* - духов-огня. В ряде случаев на верхних концах кольев кострища вырезались личины "сторожей" (святилища *Тахт-котиль-аки-пыга* на Ялбынье (притоке Волюи) и *Полум-Торум-пыга* у Верхне-Нильдино); по сведениям А. Каннисто, на Сосьве изображения лиц духов-покровителей по имени "шелудивые старуха и старик", относящихся к лесным духам *менквам*, было принято вырезать из двух кусков дерева у кострища рядом с *ура* [1958, S. 226]. Огню и "сторожам" обязательно приносили в жертву пищу.

Деревянные изваяния *менквов* были установлены на ряде культовых мест в верховьях Северной Сосьвы (*Ялпынг-Аки*; ручей *Эква*-

ойка-сос; Воял-ойка; пурлахтын-ма Вынгелевых у Нижне-Нильдино). Данная традиция связана как с самостоятельным почитанием лесных духов, так и с тем, что их фигуры устанавливали в качестве “сторожей” для духов-хозяев *ялпын-ма*. Чаще всего количество деревянных изображений равнялось семи (ср.: *Сат менкв* в бассейне Ляпина [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 82 - 83] или святилище *менкво* на Сосьве [Kannisto, 1958, S. 208]. В верховьях Северной Сосьвы отмечены три типа установки изваяний - с опорой на горизонтально укрепленную жердь (Нижне-Нильдино), на углы *сумьяха* (*Ялпынг-Аки*) или же стоящие одно за другим в виде клина (*Воял-ойка*).

На культовых местах были встречены деревья с личинами *менкво*: четыре у *Леп-тит-ойки*, два у *Каль-нехос/Тулям-ур-ойки* на р. Няйс и одно у *Мис-хума* около Менкв-я-пауля. По сообщению Н.Л. Гондатти, манси вырубали подобные изображения на растущих деревьях [1888, с. 16]. *Менкво* “угощали” наряду с основными “хозяевами” святилищ. Если на Лепле и Няйсе *менквы* играли второстепенную роль сторожей духов-покровителей и огня, то в Менкв-я громадных размеров дерево с личиной *менква* являлось центрообразующим элементом ритуальной площадки, вокруг которого сооружались новые *ура*, а также располагались кострище, стол и места для сиденья.

Иконография пантеона

Духи-покровители верхнесосьвинских манси “охраняли” разнорядковые социальные общности: региональные группы (духи-хозяева территорий - *Нер-ойка*, *Чохрын-ойка*, *Ялпынг-Аки*, *Лус-хал-эква*, *Воял-ойка*), население *паулей* (поселковые духи-покровители - *Йипых-ойка*, *Няксимволь-пауль най эква*, *Хулюм-пауль Най эква*, *Вор-я Най эква*, *Полум-Торум-пыг*), патронимические группы (мифические предки - *Леп-тит-ойка*, *Щах ойка*, *Мис-хум-ойка*, *Волья-ялпын-щань*), отдельные семьи (домашние *пугыги*).

Для некоторых духов-покровителей была характерна полифункциональность: *Нер-ойка*, например, с одной стороны, покровительствовал всем манси, проживавшим на восточных склонах Уральских гор, с другой стороны, - оленеводству.

Вместе с тем, представители отдельной фамилии могли почитать одновременно нескольких духов-покровителей: так манси Самбиндаловы “держали” крупное региональное святилище *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки* на оз. Турват; Самбиндаловы, проживавшие в Яны-пауле, - культовое место “родового” духа *Леп-тит-ойки*, младшие братья *Леп-тит-ойки* находились в домашнем

святилище Н.П. Самбиндалова, и при этом “все Самбиндаловы” дважды в год съезжались в Турват-пауль для принесения жертвы *Евтымс-ойке*. Столь большой набор объектов почитания отражал как миграционные процессы на территории Восточного Урала, так и происходившие на протяжении XVIII - XX вв. изменения в религиозных воззрениях манси. Новые представления не вытесняли старые. И те, и другие продолжительное время непротиворечиво существовали рядом. Характерный пример - святилище *Мис-хум-ойки* около Менкв-я-пауля. Прежнее его население почитало *менквов*, сменившие их люди стали поклоняться народу *мис*, но центром культового места продолжала оставаться вырезанная в стволе кедра личина *менква*. Заметим, что на культовых местах верхнесосьвинских манси *менквы* выполняли наибольшее количество функций: главного духа-покровителя (*Леп-тит-ойка*, *Тулям-ур-ойка*), “охранителя” дороги (у *Леп-тит-ойки*), “сторожей” амбарчика (у *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки* на оз. Турват) или огня (у *Тулям-ур-ойки*, у *Полум-Торум-ныга*).

Мансийский пантеон богов и духов был пронизан “родственными” отношениями: семья *Нуми-Торума*, включающая его сыновей и дочерей (для данного региона - *Нер-ойку*, *Мир-сусне-хума*, *Хангласам-най-экву*), внуков (*Полум-Торум-ныга*, *Тахт-котиль-аки-ныга* и *Аги*; дочерей *Хангласам-най-эквы*); семья *Вит-ялпын-торума* (куда входили *Леп-тит-ойка* и его сын); семьи *менквов* и *мис-хумов*; братья *Чохрын-ойки* и *Йипых-ойки*. Жизни людей и богов были настолько тесно взаимосвязаны, что структура семейных отношений, принятая в обско-угорском обществе, была перенесена и на сообщество духов-покровителей.

Изображения богов и духов были представлены в следующих вариантах: деревянные, тканые, чаще из сукна (с вложением или без него), каменные фигуры; личины на деревьях или стойках амбарчика; пучки стрел или одна стрела; археологические артефакты; привозные предметы быта.

Деревянные фигуры выполнены чаще всего из кедра с помощью топора; мелкие детали (рот, глаза) вырезаны ножом; ноги отсутствуют, руки в редких случаях бывают обозначены короткими обрубками. Размеры фигур духов-покровителей варьируют от 30 см до 1,2 м; в большинстве случаев они одеты: мужские изображения - в халаты, рубашки и островерхие двухцветные шапки с оторочкой из меха по нижнему краю; женские изображения укутаны в платки, обозначающие как платья, так и головные уборы. По упоминавшейся информации В.Н. Чернецова, одежду *Чохрын-ойке* меняли один раз в год. В последнее время одежды на фигурах не меняют, новые платки и рубашки кладут рядом. Наличие внутри деревян-

ной фигурки дополнительной металлической отмечено на святилище *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе (1926 г.).

В виде деревянных фигур были представлены изображения *Чохрын-ойки* на оз. Турват (рубеж веков) и в Усть-Тапсуе (1926, 1989 гг.), *Леп-тит-ойки*, *Леп-тит-ойка-пыга*, *Мис-хума*, *Мис-нэ* и *Пырища* из Менкв-я-пауля, *Лус-хал-эквы*, а также *менквов*.

Во второй половине XX в. фигуры духов-покровителей стали чаще выполняться из ткани. Это относится к изображениям *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки* на оз. Турват (1990 г.), *Ялпынг-Аки*, *Тхт-котиль-аки-пыга*, *Аги*, *Нярс-най-эквы*.

Фигуры духов-покровителей, выполненные из металла, также представлены на святилищах верховий Северной Сосьвы: речь идет о *Тав-хуритэ* (свинцовой отливке лося), *Щах ойке* (бронзовом клевце XVII в.), *Ялпынг-уй* (серебряном слоне), медных фигурках *Йипых-ойки* и *Каль-нехос*, бронзовом идоле в "короне" (Верхне-Нильдино), а также металлической фигурке, вставленной в деревянную основу *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе. Один из информаторов В.Н. Чернецова рассказывал, что подобные фигурки падают из туч во время молнии, уходят в землю, но потом поднимаются на поверхность и иногда изображают человека, сидящего на лошади [Источники..., 1987, с. 38]. Утрата металлургических навыков местным населением привела к тому, что культовую атрибутику стали изготавливать из свинца, остальные обнаруженные металлические изображения *пупыгов* являются либо переиспользованными археологическими артефактами, либо появились в результате торговли или обмена.

К привозным вещам, декоративно-прикладной характер которых сменился на культовый, можно отнести две жестяные тарелки и фарфоровую фигурку филина, обнаруженные В.Н. Чернецовым на святилище *Йипых-ойки* около Халпауля, а также серебряное блюдо из Верхне-Нильдино.

Фигуры *Тулям-ур-ойки* и *Торум-ойки* были выполнены из стрел, обмотанных жертвенными платками, которые образовывали их туловище (а в первом случае и голову).

На святилище *Волья-ялпын-щань* фигура духа-покровителя отсутствовала. Подобная практика известна у северных групп обских угров, достаточно упомянуть культовое место *Чохрын-ойки* в Вежакарах [Соколова, 1971] или многочисленные "святые" места обских и казымских хантов (1998 г.).

Обряды на святилищах

Люди посещали святилища периодически (весной во время нереста, перед осенней охотой, на Ильин день и т.п.) или okazji-

ально (излечение болезни, неудача в промысле, пропажа оленей). Лучшим временем традиционно считалось новолуние (ежемесячно - у *Торум-ойки*, *Леп-тит-ойки*, *Чохрын-ойки* в *Усть-Тапсуе*; в марте - у *Воял-ойки*; весной и в августе - у *Тахт-котиль-аки-пыга* и др.). На новолуние приносили кровавые жертвы и манси Верхней Лозьвы [Kannisto, 1958, S. 292].

По сведениям В.Н. Чернецова, жертва родовому *пугыгу* полагалась также по случаю завершения строительства нового дома [Источники..., 1987, с. 205].

В разных районах существовали свои особенности в сроках жертвоприношений: через три, семь и двенадцать лет совершались общественные жертвы уральскому *Чохрын-ойке* (конец XIX в.); через каждые два года - *Чохрын-ойке* в *Усть-Тапсуе* (1989 г.); два раза в год (летом и зимой) - *Торум-ойке*; раз в три года - общественные жертвы *Воял-ойке*.

Временные запреты на посещение культовых мест чаще всего были связаны со смертью жителей поселка: родственники умершего в Яны-пауле человека не могли посещать святилище *Леп-тит-ойки* в течение года (это правило не распространялось на хранителя места). Подобный запрет на посещение священного места *Куль-отыра* в течение нескольких месяцев (до полугода) существовал у манси пос. Ясунт на р. Ляпин [Зенько, 1997, с. 24].

Руководил обрядами на культовом месте его хранитель - *ялпынг кан урне хум* [Федорова, 1992б, с. 63], старший по возрасту мужчина из фамилии, которая считала *пугыга* своим предком. В случае смерти или немощи хранителя его обязанности переходили к сыну или следующему по возрасту брату. Выполнение функций хранителя места и шамана одним человеком в верховьях Северной Сосьвы на протяжении XX в. в большинстве случаев не фиксируется. Исключение составляет информация К.Д. Носилова о шамане-хранителе уральского *Чохрын-ойки* и сведения В.Н. Чернецова о ворожбе на сабле у одноименного персонажа в *Усть-Тапсуе*; отмечено хранение бубна и фрагментов шаманского костюма в амбарчиках *Йипых-ойки* и *Ялпынг-Аки*.

Состав присутствующих на культовом месте людей зависел от его ранга. На территориальные святилища съезжались манси-мужчины из достаточно отдаленных друг от друга селений (к *Воял-ойке* - из Ивдельского района, Ворья-пауля, Ломбовожа, Хулим-сунта и др.; к уральскому *Чохрын-ойке* - с верховий Лозьвы, Пелыма и Северной Сосьвы; к *Ялпынг-Аки* - со всего Тапсуя и верховьев Пелыма). Посещение поселкового места регламентировалось более жестко: сюда могли приходить мужчины - родственники хранителя, а с его разрешения и вместе с ним - представители

других фамилий, проживающих в селении. Нередко они должны были “выкупать” это право у духа-покровителя.

Особыми правилами регулировалось пребывание на “священном” месте женщин. Известно, что им запрещалось посещение ряда святилищ: уральского *Чохрын-ойки*; *Леп-тит-ойки*; *Каль-нехос/Тулям-ур-ойки*; *Ялпынг-Аки*; всех мест, расположенных в бассейнах “святых” рек (*Воял-ойки*, *Лус-хал-эквы*, *Волья-ялпын-щань*, *Тахт-котиль-аки-пыга*). Они оставались на берегу и ждали мужчин.

Допускались женщины на святилища *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе (они стояли сзади мужчин, опустив на лица платки), *Торум-ойки* (кроме беременных и снох), *Мис-хума* (доходили до костра) и на ручье Эква-ойка-сос.

Приносимые духам-покровителям жертвы делились на кровавые (олень, конь, корова) и бескровные (*арсын*, деньги, ножи, кольца, пища, серебряные сосуды, шкурки пушных зверей, модели стрел и луков, игольницы).

Во время церемонии жертвоприношения на поселковом святилище могли находиться и специально привезенные для этого домашние *путьги* [Чернецов, 1927, с. 21 - 25].

В связи с тем, что многие предки-покровители селений в прежние времена “были” богатырями, на святилищах представлено и оружие. На культовом месте *Леп-тит-ойки* хранились сабля и меч, у *Йипых-ойки* и *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе - сабли.

По информации А. Каннисто, некоторые духи-покровители на Северной Сосьве не требовали от людей кровавых жертв, вместо этого им приносили стрелы с железными наконечниками (*путьг-нел* “стрелы для духа-покровителя”), которые хранили связанными в пучки внутри *ура*. На верхней Лозьве число приносимых стрел равнялось трем или семи [1958, S. 306 - 307]. Ритуальные стрелы и наконечники были встречены на святилищах *Леп-тит-ойки*, *Йипых-ойки*, *Тулям-ур-ойки*, *Ялпынг-Аки*, *Торм-ойки*, *Воял-ойки* и *Мис-хума*.

Оружие зафиксировано и на культовых местах манси в бассейнах Ляпина и низовий Северной Сосьвы [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 21 - 22, 52 и др.; Гемуев, 1990, с. 134]. Использование образцов старинного оружия в качестве объектов почитания (бронзовый клевец на культовом месте *Леп-тит-ойки*) также имеет аналоги в указанных регионах. Кроме того, эта традиция в прошлом имела более широкое распространение и, возможно, общеугорский характер.

Модели стрел и луков приносили духу-покровителю по поводу рождения сына: подобный случай отмечен на святилище *Торум-ойки*. Аналогичный обычай зафиксирован у ляпинских манси [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 41]. По сведениям А. Каннисто, у вогулов на Тавде и Конде отцу родившегося ребенка сообщали радостную весть

в следующих выражениях: “Лучник родился” или “Носитель стрелы и лука родился” [1958, S. 20]. Иная ситуация встретила нас на культовом месте Номиных у Няксиволя: здесь модели стрел предназначались *Тулям-ур-ойке*, их приносил молодой охотник, приходивший сюда в первый раз; в свою очередь, *Тулям-ур-ойка* брал над ним покровительство и гарантировал в дальнейшем хорошие стрелковые навыки.

Традиция вывешивать “небольшие лука со стрелами” на дереве, под которым находилась фигура духа-покровителя, была отмечена в конце XVIII в. у северных хантов [Зуев, 1947, с. 42].

В пределах ритуальной площадки на ветви деревьев нередко вешали черепа убитых медведей и принесенных в жертву оленей.

* * *

На протяжении XX в. большая часть мансийских святилищ оставалась на одном месте, исчезла лишь группа капищ, связанная с ликвидированными населенными пунктами (бассейны рек Тапсуй и Волья). Произошло объединение мест проживания ряда духов-покровителей - *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки* на оз. Турват, *Кальнехос* и *Тулям-ур-ойки* на р. Няйс. Семигранный *сумьях Торум-ойки* переносился с р. Ялбынья на р. Хулюм и обратно. “Выходцы” из Сартыньи - *Тахт-котиль-аки-ныг* и *Аги*, а также *Нярс-най-эква* из Хулмисунта оказались в силу ряда причин на одном святилище в бассейне р. Ялбынья (притока Вольи).

Проживание манси в составе русского (советского) государства и под определенным патронажем православной церкви привело к ряду изменений в их религиозно-обрядовой практике: усилилась закрытость церемоний, часть святилищ была перенесена с территорий селений в тайгу, жертвоприношения стали приурочиваться к крупным православным праздникам (Ильин и Петров дни, Пасха), в одежде духов-покровителей использоваться элементы русской чиновничьей одежды (мундир, фуражка) и др. Ярким примером заимствований можно считать семигранный *сумьях Торум-ойки*, выполненный (частично) в традициях русского православного храма.

Домашние святилища

Расположение и атрибутика

Ранее уже отмечалось, что, рассматривая реалии XVII - начала XVIII вв., справедливо вести речь о “селении из одного дома”

[Гемуев, 1990a]. В соответствии с этим культовое место замыкалось на минимальную ячейку социума - семью, обладавшую домашним святилищем, центральной фигурой которого являлось изображение семейного духа-покровителя.

“Святые” вещи могли храниться внутри жилого помещения, на чердаке и в амбарчике рядом с домом.

Материалы полевых исследований позволяют говорить о наличии практически в любом мансийском доме *путьг-нормы* - особой полки, устроенной в дальнем от входа углу комнаты, на которой хранятся вместилища (сундуки, чемоданы, берестяные туеса, мешки из пыжика) домашних пенатов.

На чердаке часть ритуальных вещей оказывалась в двух случаях: во-первых, если дом располагался в людном месте и хозяева пытались скрыть от чужих глаз и хранить в “чистом” месте, недоступном посторонним, женщинам и детям, свои фетиши; во-вторых, на чердак уносили часть атрибутики после смерти родителей. Сундуки и чемоданы в большинстве случаев стояли у задней стены помещения, мешки вывешивали на специально устроенных жердях или хранили на боковых полках. Рога, хвосты, копыта принесенных в жертву животных лежали на полу, шкуры могли быть брошены на перекладину. Случаи расположения культовой атрибутики в левой части чердачного помещения отмечены в Верхне-Нильдино (дом П.С. Таратова), в правой части - в Кимкъясуях (вещи В.А. Пуксикова) и Верхне-Нильдино (дом В.С. Гындыбина), сразу у входа - в Налум-пауле (дом И. Дунаева).

Атрибутика домашних святилищ хранилась и в амбарчиках рядом с домом. О подобной практике упоминал, в частности, А. Каннисто: “В Малеевских юртах на Сосьве в жертвенном хранилище вогула находились большей частью жертвенные платки. Там, кроме того, было “седло - *tur* - Человека, осматривающего мир” [1958, S. 312]. В ряде случаев в амбарчике одновременно находились как бытовые, так и сакральные вещи (Яны-пауль, Халпауль, лабаз Номиных на р. Нййс, Налум-пауль, Усть-Тапсуй). Подобная практика ранее была характерна и для ляпинских манси: нами встречен такой амбарчик (домашнее святилище) в Хурумпауле.

После смерти последнего человека в семье культовая атрибутика могла быть перенесена на поселковое святилище и размещена в одном из амбарчиков, уже не использовавшемся для хранения фигур духов-покровителей.

В домашних хранилищах обычно находилась следующая атрибутика: изображения духов-покровителей, жертвенные покрывала, берестяные и свинцовые фигурки животных и птиц, *иттерма*, платки, оружие, модели луков и стрел, игольницы, шаманские бубны.

ножи-подношения *Чохрын-ойке*, “вещи” *Мир-сусне-хума* (табакерки, сапоги, мешочки с гусиным пухом, игрушки в виде гусей и всадников, островерхие шапки), деньги, кольца, шкуры и рога оленьей, лошадей и др.

В сундуке на *путьг-норме* до окончания сватовства обычно лежала завернутая в платок специальная палка (*щорхылин йив*), на которой зарубками отмечали составные части калыма [Источники..., 1987, с. 203].

Практически повсеместно была встречена атрибутика медвежьего праздника: *имда*, находившаяся в жилище; медвежья шкура, повешенная на чердаке; халаты, маски, *санквылтап*, рукавицы, деревянные “лошади” и “лоси”, чаще хранившиеся также на чердаке или в лабазах рядом с домом.

В домашних святилищах было обнаружено значительное количество серебряных и медных блюдец. Они выполняли ряд функций: во-первых, их жертвовали *Мир-сусне-хуму* по случаю изготовления нового *ялтын-улама*; во-вторых, ставили перед жилищем во время призвания данного божества [Гондатти, 1888, с. 12 - 13]; в-третьих, в них могли наливать кровь жертвенного животного для “угощения” духов-покровителей [Мельников, 1852, с. 29], в-четвертых, они использовались для обозначения лиц домашних фетишей (*Хангласам-най-эквы* и *Няйс-талях-ойка-пыга*).

В музее Института археологии и этнографии СО РАН находится более двадцати серебряных и медных блюдец, собранных в ходе работ Приполярного этнографического отряда в Сосьвинско-Ляпинском Приобье. Имеющиеся на многих из них “именники” пробиреров, мастеров-изготовителей и клейма с гербами Сибири, Москвы и Tobольска позволяют более точно определить дату и место производства данных изделий. Часть из них была изготовлена в Москве (в том числе блюдце из дома А.В. Дунаева в Няксимволе), вторая группа изделий относится к Tobольску и разделяется на две категории: блюда, выполненные из серебра утвержденной пробы (“лицо” *Няйс-талях-ойка-пыга*) и изделия из низкопробного серебра, на которые, естественно, клеймо пробирера не ставилось (дом М.В. Пеликовой в Халпауле, святилище *Чохрын-ойки* в Усть-Тапсуе, дом Т.И. Номина, дом Н.А. Пуксикова в Хулимсунте). Сопоставление изображений на блюдах позволяет сформулировать следующие предварительные выводы: начиная, как минимум, с 1770-х гг. в Сибирь поставляли серебряные блюда из Москвы, на основе которых мастера в Tobольске выполняли копии из низкопробного серебра или меди.

В домашних святилищах также были обнаружены одна медная пластина (дом К. Пакина в Верхне-Нильдино) и два фрагмента се-

ребристых пластин (амбарчик Д.К. Куриковой в Яны-пауле и сердцевина фигуры *Урне-хол-ойки* в Хулимсунте). Аналогичные пластины неоднократно описаны в литературе; они изготовлялись в Тобольске с 70-х г. XVIII в. по 30-е г. XIX в. и чаще всего служили для украшения голов фигур духов-покровителей. В документах Обдорской ярмарки говорится о том, что русскими купцами были привезены на продажу серебряные изделия - налобники и зарукавья - "сии вещи наиболее употребляются для украшения кумиров" [Прыткова, 1949а, с. 42 - 43]. Наиболее раннее упоминание о подобного рода атрибутике встречается у В.Ф. Зуева в описании двух идолов в Воксарских юртах, на головы которых были надеты "венцы серебряные" [1947, с. 41]. На медвежьем празднике налобниками могли украшать голову медведя [Новицкий, 1925, с. 18]; аналогичные пластины были прикреплены к фигуре "серебряной бабы", почитавшейся хантами р. Казым [Соколова, 1971, с. 217 - 218]. Серебряные наголовники такого рода надевали и мужчины, исполнявшие военные танцы на устраивавшихся в прошлом праздниках [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 90].

Среди других предметов искусства и украшений заслуживают внимания средневековое блюдо с орлом и львами (Яны-пауль), серебряные овальная пластина, солонка (конец XVIII в., Кимкъясуи, Яны-пауль) и фигурка гуся (конец XIX в., Турват-пауль), блюдо с кентавром (XIX в., Хулимсунт) и медная бляха с фигурой всадника (первая треть XIX в., Верхне-Нильдино). Потребность в серебряных сосудах и украшениях после прекращения притока среднеазиатского серебра была удовлетворена за счет импорта изделий русских ремесленников.

Состав вещей в домашних святилищах за последние сто лет практически не изменился. По сведениям А. Каннисто, вогулы Сосьвы хранили в жертвенных ящиках или сундуках различные предметы, приносимые *Мир-сусне-хуму*, *Хуль-отыру*, *Калташ-эке*, *Полум-Торуму*. Автор в качестве примера описал содержимое одного из сундуков в доме своего информатора: "...на жертвенных нарах (*пурлахтын норма*) стоял ящик для хранения жертвенных предметов, в котором находились прежде всего жертвенные предметы *Тапал-ойки*: две шкурки летнего соболя и четыре платка, в уголке одного из них было завязано свернутое изображение оленя, вырезанное из бересты... Другой конец этого платка был привязан к собольим шкуркам, там была и серебряная монета. Под платками лежал еще один, ярко красный шелковый платок, на конце которого была прикреплена серебряная монета; далее шел подобного цвета платок, в нижнем крае которого находилась 10-копеечная монета; на двух концах третьего платка с красными краями были завязаны серебряные кольца. К аналогичным приношениям относился шер-

стяной мужской шарф, на одном конце которого в узелке ниткой была завязана 20-копеечная монета. Здесь же лежала большая пестрая шаль, пожертвованная *Калтащ-эке*, на двух ее концах были пришиты маленькие колокольчики, в третьем были завернуты серебряные деньги, в последнем - два позолоченных кольца. Кроме того, в ящике был нож с узким лезвием для *Чохрын-ойки*; ...вокруг рукоятки и лезвия была обмотана красная лента..." В сундуке другого вогула А. Каннисто увидел множество белых, черных и цветных платков; часть из них была пожертвована *Чохрын-ойке*, другие - *Ялпус-ойке*. В черном платке было завернуто свинцовое изображение медведя, а в белом платке находилась фигурка всадника, вырезанная из картона. Еще одна картонная фигурка птицы лежала на дне сундука. Здесь хранилось и жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников [1958, S. 313 - 316].

Духи-покровители

Наиболее значимые фигуры среди домашних духов-покровителей - *Мир-сусне-хум*, он же *Али-хум* "Верховский мужчина" ("держали" Д.И. Самбиндалов в Турват-пауле; А.Е. Самбиндалов в Яны-пауле; П.С. Таратов в Верхне-Нильдино) и его сыновья (в Няксимволе, Усть-Тапсуе, доме Т.И. Номина, Хулимсунте); *Куль-отыр* (Кимкъясуи), он же *Луи-хум* "Низовой стороны мужчина"* (у Д.И. Самбиндалова в Турват-пауле и А.Е. Самбиндалова в Яны-пауле), *Чохрын-ойка* (у А.В. Дунаева в Няксимволе и В.А. Пуксикова в Хулимсунте) и его сын (у А.Т. Дунаева в Тимка-пауле). Кроме того, пара духов-покровителей являлась младшими братьями поселкового предка *Леп-тит-ойки*. *Ахвташ-ойка*, возможно, был связан родством с *Нер-ойкой*. Еще двое (*Няйс-талях-ойка-пыг* и *Хангласам-най-эква*) имели отношение к конкретным территориям. По информации А. Каннисто, у вогулов Северной Сосьвы внутри дома было принято хранить фигуры духов-покровителей - сыновей *Мир-сусне-хума* и *Калташ-эке*, а также духов, которые во время своей жизни вели войну. Детей *Полум-Торума* (*Тапалаш*) хранить внутри жилища не разрешалось [1958, S. 314].

В отличие от мансийских жилищ, расположенных в бассейне р. Ляпин, на верхней Сосьве не встретился один из популярных персонажей Нижнего мира - *Самсай-ойка*.

После смерти мужчины его духи-покровители передавались по наследству, при отсутствии наследников их, чаще всего, относили в лес в укромное место.

* В начале XX в. северные вогулы соотносили "Нижнего человека" или "Человека нижнего течения реки" с князем Нижнего мира *Хуль-отыром* [Kannisto, 1958, S. 67].

Фигуры домашних духов-покровителей были представлены в следующих вариантах: суконные (с вложением или без), деревянные, каменные фигуры; переиспользованные археологические артефакты и привозные предметы быта.

Преобладали изображения, выполненные из ткани, с внутренней основой или без нее. Вложением нередко являлась шкурка пушного зверька (лисы у *Хангласам-най-эввы*, белки в Налум-пауле). Процесс изготовления фигуры духа-покровителя описан А. Каннисто: жертвенные шкуры связывали за концы и заворачивали в платки; затем на "куклу" надевали халат и шапку. Изображение *Мир-сусне-хума*, например, представляло собой шкуру красной лисы и две шкуры летнего соболя, связанные на концах; на них были надеты пять разных рубаш, вокруг "шеи" повязан платок, а вокруг "тали" - красный пояс; фигура не имела головы и шапки [1958, S. 314 - 316].

Основой фигуры духа-покровителя являлись летучая мышь (Верхне-Нильдино), обломок налобной пластины (*Урне-хол-ойка*, Хулимсунт), серебряная фигурка гуся, бронзовый всадник, серебряные монеты (Турват-пауль).

Лица ряда фигур обозначены серебряными блюдцами (*Торум-ойка*, Усть-Тапсуй; *Хангласам-най-эква*, *Няйс-талях-ойка-пыг*), глаза - металлическими пуговицами, нашитыми на сукно.

Для духов-покровителей шилась специальная одежда - халаты или рубашки, которых обычно было надето по пять-семь штук. Они были застегнуты на пуговицы или же скреплены завязками; в ходу были воротники, карманы, подклады, пояса, литые оловянные украшения, отделка рукавов и края подола позументом. По информации А. Каннисто, на Северной Сосьве было принятошивать на жертвенные халаты золотые или серебряные бордюры [1958, S. 309]; в одном из сказаний дух-покровитель говорит о том, что "назначены мне в жертву рукава с серебром" [Баландин, 1939, с. 41]. Брюки и обувь в оформлении фигур домашних пенатов не применялись.

Головные уборы изготавливались островерхой, реже сферической, формы и выполнялись из трех-пяти клиньев сукна двух цветов и были оторочены мехом по нижнему краю; верхняя часть шапки украшалась султаном из трех-пяти кисточек сукна. Нередко голова и шапка, образованные из нескольких накрученных друг на друга платков, составляли одно целое. Фигура *Няйс-талях-ойка-пыга* была украшена накидкой с изображениями *Мир-сусне-хума*, *Урне-хол-ойки* - вышитым платком. К необычным можно отнести головной убор духа-покровителя в селении Кимкъясуи, на который были нашиты ящерицы.

Из дерева была выполнена единственная фигура *пупыга*, обнаруженная в амбарчике Д.К. Куриковой в селении Яны-пауль.

Судя по сопроводительному инвентарю и оформлению задней стороны головы средневековым блюдцем, данное изображение имеет весьма почтенный возраст и, скорее, относится к периоду, когда большинство фигур духов-покровителей у манси изготавливалось в виде деревянных идолов (XVIII - первая половина XIX в.).

Сразу две фигуры, имеющие в основе камни необычной формы, были обнаружены в доме К. Пакина в Верхне-Нильдино. Почитание подобных камней зафиксировано у манси еще в XVIII в. По этому поводу И.Г. Георги писал, что, наряду с антропоморфными изображениями, “идолов их составляют странно образованные камни” [1776, с. 74]; о том же упоминал в конце XIX в. И.Н. Глушков [1900, с. 69]. В начале нашего столетия А.А. Дунин-Горкавич опубликовал описание привезенного с р. Ляпин “каменного идола, одетого в “пальто” и “шапку”” [1911, с. 45]. Использование камней в качестве фетишей у хантов отмечено О. Финшем и А. Брэмом. Г. Старцев сообщал, что по хантыйским представлениям камни “могут передвигаться с места на место и идут навстречу отдельным счастливым людям... Владельца такого камня остяки считают счастливым и удачливым человеком во всех видах промысловых занятий” [Финш, Брэм, 1882, с. 491; Старцев, 1926, с. 100]. В 1746 г. у новокрещенных остяков Уватских юрт был найден “каменной шайтанчик, которому они жертвы приносили” [Огрызко, 1941, с. 91]. Автор записки о “самоядцах Березовской округи” в 1790 г. сообщал следующее: “...а когда на таком месте найдет камень, где камней не бывает, то и почитают болваном, и жертвы приносят...” [Описание..., 1982, с. 70]. Вход в страну *Мортим ма*, куда улетают на зиму птицы, загораживает *асынг ахвтаc лагылинг ахвтаc* - камень, который “стоит на двух ногах”; камень опускается и давит всех, кто хочет пройти в *Мортим ма* [Источники..., 1987, с. 155]. А. Каннисто писал о почитании в качестве духа-защитника “каменного истукана”, найденного при следующих обстоятельствах: один человек увидел, как над забором свешивается дуга - туда попал лось, но потом убежал. Стал человек его преследовать, след лося сначала был маленьким, потом больше. Еще немного прошел человек и видит - перед ним лежит “каменный кумир”. Камень принесли домой, построили ему хранилище, принесли кровавую жертву и начали его почитать [1958, S. 136]. В середине XX столетия в селении Мункес был известен дух-покровитель *Ахвтаc-ойка* “Камень-старик” [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 26].

Камням нередко приписывали особые свойства и в тех случаях, когда использовали в повседневном обиходе. На каменных грузилах для сетей процарапывали рисунки магического характера, что должно было обеспечить удачу в рыбном промысле [Иванов, 1954, с. 48].

На поверхность калданного камня, хранящегося в музее пос. Сосьва, нанесено изображение рыбы и запора, с установленными в нем ловушками из прутьев.

Археологические артефакты и привозные предметы быта также использовались для создания фетишей у манси. Достаточно назвать средневекового бронзового всадника (Турват-пауль), бронзового всадника русской работы (дом Т.И. Номина), серебряную и золотую фигурки гусей (Турват-пауль, *Няксимволь-отыр-пыг*), детскую игрушку “Гуси” (Кимкъясу).

Изображения умерших (*иттерма*) в составе домашней атрибутики в ходе полевых исследований в верховьях Северной Сосьвы обнаружены не были. Исключение составила фигурка в одном из домов Яны-пауля. В материалах А. Каннисто сведения об *иттерма* также практически отсутствуют. Информатор с верхней Лозьвы сообщил ему о хранении подобных фигурок у “людей Сосьвы”, однако на самой Сосьве другой информатор поведал, что традиция изготавливать изображения умерших характерна для района Ляпина. А. Каннисто полагал, что термин *иттерма* заимствован манси из языка самоедов [1958, S. 64]. Следует заметить, что в селениях, расположенных в бассейне Ляпина, *иттерма* встречались повсеместно [Гемуев, 1990а].

Единственная информация о бытовании фигур умерших в исследуемом регионе имеется в дневниках В.Н. Чернецова: “*Мохар** наследуется следующим порядком: женщина передает их младшей дочери. В случае, если у нее дочерей нет, она, заболев, может передать их старшей сестре. Если сама не передает, то после ее смерти наследует муж. После его смерти *мохары* кладутся в его могилу (вместе с огнем). Если раньше умирает муж, кладут их в могилу жены. В Яны-пауле В. Сампильталов держит *мохары* своей первой жены. После его смерти они будут похоронены, ко второй жене перейти не могут. Если *мохары* новые, то после смерти женщины, не имевшей дочерей, они переходят к дочери сестры” [Источники..., 1987, с. 202].

Жертвенные покрывала

На протяжении XX в. жертвенные покрывала входили в состав постоянных и важнейших элементов культовой атрибутики манси.

Для их обозначения применяется термин *улама* “одежда”, что говорит о связи покрывал и жертвенных одежд - и те, и другие набрасывали на животное во время религиозных церемоний у об-

* Изображение умершего. - Прим. авт.

ских угров. Современные информаторы именуют покрывала *ялпын* “священный, святой” или *ялпын-улама*.

На жертвенных покрывалах изображалась конная фигура *Мир-сусне-хума* - младшего сына *Нуми-Торума*, управлявшего жизнью людей, “Человека, осматривающего мир”, “Человека, объезжающего землю, объезжающего воду”. Плоскостные изображения божества на жертвенных покрывалах, хранившихся в каждом доме, отражали потребность людей иметь этот образ в своем жилище. Одна из важнейших функций *Мир-сусне-хума* - покровительство семье. Считалось, что стабильное существование семьи, дома, равно как и здоровье его обитателей, напрямую связаны с наличием *ялпын-улама*.

У манси жертвенная атрибутика с изображениями конной фигуры *Мир-сусне-хума* делилась на следующие категории: покрывала прямоугольной формы из четырех квадратов (полей) с расположением всадников в два ряда (*мань-ялпын*); шестипольные и семипольные покрывала (*яны-ялпын*), ритуальные пояса (покрывала вытянутой прямоугольной формы с расположением четырех фигур всадников в один ряд), шлемы и накидки.

Порядок изготовления *ялпын-улама* определялся целым рядом правил. Шить его следовало только осенью, до наступления зимы, причем делать это должна была женщина из другой семьи. Если в селении не оказывалось мастерицы, способной выполнить заказ, ее приглашали из соседнего поселка, иногда издалека.

Кройка и шитье происходили в доме заказчика. Для мастерицы специально натягивали полог, чтобы оградить от взоров окружающих. По окончании работ для нее готовили угощение, одаривали платком и платьем.

Цвета тканей определяла мастерица. При изготовлении покрывал традиционно использовалось сукно двух цветов, в случае нехватки сукна одного цвета, женщина подбирала сукно близкого оттенка. Будущий хозяин предоставлял ей необходимую материю, колокольчики, а также мех для оторочки. Полагалось шить по одному квадрату в день. Заранее приготовленные суконные квадраты двух расцветок накладывали друг на друга, в них вырезали силуэт всадника и коня. Затем каждую из фигур вшивали в квадрат другой расцветки.

Для жертвенных покрывал наиболее часто использовали сукно красного и черного цвета. В одной из хантыйских легенд, опубликованных С.К. Паткановым, описано приготовление князя в поездку к родственникам невесты: воины князя укладывали в сани или лодки разный товар и ценные вещи, предназначенные для кадыма и в дары родственникам невесты: красное и черное сукно, шелк, серебряную утварь [1891, с. 63]. Возможно, речь идет о пред-

стоящем после свадьбы жертвоприношении *Мир-сусне-хуму* или *Урт-ики* (хант.): гости везут сукно для *ялтын-улама*, шелк для жертвенного халата и серебряную утварь, так любимую небесным всадником.

Если на четырех- и шестипольных покрывалах число всадников было парным, то у семипольного изделия оставался не использованным восьмой всадник, фигура которого сохранялась. У шлема СМ54 этот всадник помещен на внутреннем кармане, восьмой квадрат с изображением всадника хранился внутри семипольной накладки (СМ46).

Завершая работу, мастерица украшала полотнище цветными суконными лентами (использовался материал, оставшийся от лицевой стороны покрывала, реже - от подклада), низками бисера, шкурками белки, соболя, лисицы, колокольчиками или бубенчиками. К углам иногда прикрепляли новые платки с завязанными в углах монетами. В ряде случаев монеты закрепляли между лицевой частью покрывала и подкладом, иногда их нашивали на фигуры всадников.

Оставшиеся от работы обрезки ткани, как правило, пришивали к углам или “хвосту” *ялтын-улама*. Кроме того, в платках, привязанных к углам покрывал, бывают завернуты нитки и кусочки материала от работы.

Согласно мансийской традиции, видеть покрывало могли лишь взрослые мужчины, каждый из которых имел свое *ялтын-улама*. Чтобы непосвященные не увидели запретное для них изображение, к покрывалу с лицевой стороны пришивали вырезанный по его размерам кусок ткани или новый платок. В последние десятилетия это правило соблюдалось не слишком строго, и у многих *ялтын-улама* лицевая сторона оставалась открытой. На протяжении XX в. определенная часть покрывал выполнялась с подкладом.

Для освящения вновь изготовленного покрывала устраивали жертвоприношение. Олень мог служить у манси жертвой только при изготовлении *мань-ялтын*, в других случаях требовалась лошадь. Ортодоксальный вариант традиции предполагал принесение в жертву коня во всех случаях. При изготовлении нового *ялтын-улама* следовало жертвовать также серебряное или медное блюдо.

Жертвенные покрывала являлись и одним из атрибутов медвежьего праздника, они нередко хранились вместе с халатами, шапками, деревянными саблями и “журавлями” участников этих церемоний. Одним из ключевых моментов праздника было “прибытие” *Мир-сусне-хума*. Танцор, изображавший его, “приезжал” на деревянной лошадке, в ряде случаев ее роль выполняла семипольная накладка, наброшенная на саблю подкладкой вверх. Присутствие богаты-

рей-предков обозначалось надетыми на шесты шлемами с изображениями всадников, а в ряде случаев - медведей и гусей.

* * *

Следует отметить, что жертвенные покрывала впервые были зафиксированы исследователями именно в верховьях Северной Сосьвы. А. Каннисто увидел *ялтын-улама* в сундуке одного из вогулов: "Там было также «седло (*tur*) мужчины, осматривающего мир»... Оно было выполнено из ткани таким же образом, каким делают подушки. Оно было четырехугольным и состояло из четырех частей; в каждом квадрате была изображена скачущая лошадь с всадником. Если представить себе, что этот платок набрасывали на балку, как это делается при жертвоприношениях, то на половину, свисающую с каждой стороны балки, приходится по два изображения всадника - одно за другим, ногами вниз. Переднее изображение было красное на черном фоне, заднее - черное на красном фоне. С каждого угла свисал маленький круглый бубенчик (такой же, как на бубне шамана). Кусок ткани, пришитый... на внутренней стороне, был опушен мехом лисы, шириной в добрый дюйм" [1958, S. 315 - 316].

Традиция хранения жертвенных покрывал в сундуке на *пунг-норме* зафиксирована в фольклоре. В "Сказании о сотворении земли" речь идет о *Мир-сусне-хуме*: "Мать порылась в углу дома с углами. Вынула короб с семью перегородками. Открыла крышку короба... Вынула разрисованное седло, какого не видели мужчины, какого не видели женщины..." [Мифы..., 1990, с. 276]. Следует напомнить, что манси называли жертвенное покрывало "седлом человека, осматривающего мир" или "божьим седлом" [Kannisto, 1958, S. 279; Гемуев, 1990, с. 35].

В настоящей книге описано 62 жертвенных атрибута с изображением *Мир-сусне-хума*, выполненных из сукна. Из них покрывал с расположением четырех фигур всадников в два ряда - 28 шт., с семью фигурами всадников - 7 шт., с восемью фигурами всадников - одно, с расположением четырех фигур всадников в один ряд (поясов) - 3 шт., шлемов с четырьмя фигурами всадников - 19 шт., с семью фигурами всадников - 3 шт., одна накидка и одно покрывало с фигурой коня. Все они относятся к жертвенным покрывалам, так как независимо от "функциональной" нагрузки (пояс, седло, шлем, накидка) во время жертвенной церемонии возлагаются на спину коня или оленя.

В мансийской мифологии существует объяснение такому большому количеству разного рода атрибутов с изображением всадника: "(*Мир-сусне-хум*)... по совету матери, послал в одно место свою

шапку, в другое - рукавицы, в третье - опояску, чтобы эти вещи постоянно напоминали людям о его существовании" [Гондатти, 1888, с. 33].

Исходя из количества квадратов (полей) с изображением всадника, рассмотренная атрибутика может быть разделена на изделия из четырех квадратов (50 шт.), семи квадратов (11 шт.), восьми квадратов (одно). Таким образом, наиболее характерными для манси верховьев Северной Сосьвы являются покрывала, состоящие из четырех и семи квадратов.

Существует информация о том, что манси различали покрывала не столько по количеству фигур всадников, сколько по количеству углов у *ялпын-улама*. При этом "угол" обозначался колокольчиком, даже если он находился посередине одной из сторон. Возможно, именно об этом идет речь в заклинании по поводу жертвоприношения жеребенка, записанном Б. Мункачи: "На спину коня своего постели священное седло семиугольное, семью священными колокольчиками украшенное, твоей матушкой-прародительницей семи богов скроенное, расстели его там, Князь-богатырь!" [Vogul folklore..., 1995, p. 38 - 41].

У шлемов также считали количество колокольчиков, приравнивая их к количеству углов. Заметим, что у шлемов, независимо от количества всадников (четырёх или семи), обычно пришито семь колокольчиков (к нижнему краю или верхней части шлема).

Жертвенная атрибутика с фигурой *Мир-сусне-хума* была встречена в следующих селениях: Яны-пауль (6 шт.), Халпауль (7 шт.), Няксимволь (4 шт.), Налум-пауль (1 шт.), дом Т.И. Номина (3 шт.), Хулимсунт (9 шт.), Менкв-я (3 шт.), Верхне-Нильдино (17 шт.), Кимкьясуи (13 шт.), что однозначно говорит о ее повсеместном распространении.

Плоскостных изделий - 40 шт., объемных (шлемов) - 23 шт.

Меховую оторочку имеют 59 покрывал и шлемов (94%), не имеют - 4 экз. Мехом белки отделано 39 изделий (62%), соболя - 13 изделий (21%).

С подкладом выполнено 7 покрывал (11%). Лицевая сторона зашита платком у 7 покрывал (11%).

Сухожильные нити в процессе шитья применены 22 раза (35%).

Использовано сукно следующих цветов: красного - 50 изделий (79%), черного - 27 изделий (43%), синего - 23 изделия (37%), зеленого - 15 изделий (24%), желтого - 11 изделий (17%). Наиболее часто встречались следующие пары цветов: красный-черный - 26 изделий (41%), красный-синий - 14 изделий (22%), красный-зеленый - 9 изделий (14%), желтый-синий - 7 изделий (11%).

Обозначение головы всадника ромбом (остроголовость) характерно практически для всех изображений. На пяти изделиях

его фигура выполнена с разведенными в стороны руками (8%), на 20 изделиях руки подняты вверх (32%), на 31 изделии всадник рукой держит поводья коня (49%).

Практически во всех случаях фигуры выполнены с использованием вшитых вставок, являвшихся показателем "священности" персонажа. В том числе с общей для коня и всадника вставкой 32 раза (51%), со вставкой в туловище коня 12 раз (19%), с отдельными вставками в туловищах коня и всадника 16 раз (25%). Таким образом, на 48 покрывалах и шлемах туловище всадника выполнено с вшитой вставкой (76%).

Дополнительные фигуры (гусь, медведь, пушные звери, птица, уголок, солнце, фигура в круге) встречены на 32 покрывалах. Нижние края шлемов чаще всего орнаментированы узором "сидящий соболю" (9 экз.). Семь шлемов имеют на верхней части изображение гуся (владельцы - Самбиндаловы, Пеликов, Тасманов, Дунаев, Пуксиковы), семь - изображение медведя (Пуксиков, Алкадьевы, Таратов, Пакин).

Углы всех полотнищ и шлемов украшены медными колокольчиками или бубенчиками. На изделиях, выполненных в середине нашего столетия, часто можно увидеть колокольчики рубежа XIX - XX вв. Создается впечатление, что они были специально закуплены в большом количестве, хранились у мастерицы на протяжении многих лет и, возможно, передавались по наследству или ученице.

Ввиду того, что в большинстве случаев в одном доме обнаружено сразу несколько видов жертвенных покрывал, нами предпринята попытка выделить наиболее часто встречающиеся комплекты. Для селений Яны-пауль, Халпауль и Няксимволь в комплект объединены семипольное покрывало и четырехпольный шлем (5 случаев); более того, в каждом случае покрывало и шлем были изготовлены одновременно; чаще всего шлем оказывался завернутым в пять-семь платков, завязанных в узел. Пара, состоящая из четырехпольных покрывала и шлема, выполненных нередко в разное время, была встречена в 11 случаях (Хулимсунт, Менкв-я, Верхне-Нильдино, Кимкъясуи). Трижды было зафиксировано наличие в одном доме четырех- и семипольного покрывал вместе с четырехпольным шлемом (Яны-пауль, Халпауль). Таким образом, наиболее часто встречающейся парой являются покрывало и шлем (21 случай). Если сравнивать приведенные цифры с материалами селений, расположенных в бассейне Ляпина, то к общим закономерностям можно отнести широкое бытование в обоих случаях четырех- и семипольных жертвенных покрывал, редкое - поясов и накидок с фигурами *Мир-сусне-хума*. При этом на Ляпине встречены шестипольные покрывала (на Сосьве нет), но не зафиксированы шлемы. Тем не ме-

нее, назначение, применение, способ изготовления, принципы оформления жертвенных покрывал практически однотипны для всего бассейна Северной Сосьвы.

Большую часть жертвенных покрывал, обнаруженных в селениях верхнего течения Северной Сосьвы, можно объединить в группы по ряду признаков.

Первая группа (3 экз.): четырехпольные покрывала СМ4 (Яны-пауль, Самбиндалов), СМ17 (Няксимволь), СМ22 (Хулимсунт, Пуксиков). Общие признаки: одинаковое изображение всадника, время изготовления (рубеж XIX - XX вв.)

Вторая группа (10 экз.): четырехпольные покрывала СМ9 (Халпауль), СМ14 (Няксимволь), СМ33 (Менкв-я), СМ34, 41 (Верхне-Нильдино); шлемы с четырьмя фигурами всадников СМ25 (Хулимсунт), СМ31, 32 (Менкв-я), СМ47, 50 (Верхне-Нильдино). Владельцы Пеликов, Юнахов, Алкадьев, Таратов, Гындыбин, Пакин. Общие признаки: одинаковое изображение всадника, время изготовления (первая половина - середина XX в.). Представляется, что вторая группа хронологически следует за первой, унаследовав характер изображения всадника, но отличается плавными линиями фигур. Кроме того, шлемы объединяют еще две детали: фигура медведя в верхней части и направление движения всадника (от земли - вверх).

Третья группа (11 экз.): семипольные покрывала СМ1 (Яны-пауль), СМ7, 10, 12 (Халпауль), СМ15 (Няксимволь); шлемы с четырьмя фигурами всадников и фигурой гуся СМ2, 3 (Яны-пауль), СМ8, 11, 13 (Халпауль), СМ16 (Няксимволь); владельцы Самбиндалов, Пеликов, Тасманов, Дунаев. Общие признаки: одинаковое изображение всадника, время изготовления (середина XX в.), единый регион (рядом расположенные селения), оформление шлемов орнаментом "сидящий соболев"; для семипольных покрывал характерен меньший размер седьмой фигуры всадника по сравнению с шестью другими фигурами, находящимися в пределах основного поля. Покрывала и шлемы третьей группы выполнены одной мастерицей. Возможно, что этой группе хронологически предшествует четырехпольное покрывало СМ5 из Яны-пауля (начало XX в.): фигура всадника отличается лишь деталями - не изображены ступни ног, по-иному выполнена нижняя часть "священной" вставки.

Четвертая группа (5 экз.): четырехпольные покрывала СМ18 (Налум-пауль), СМ23, 29 (Хулимсунт), шлемы с четырьмя фигурами всадников СМ24, 30 (Хулимсунт). Владельцы Дунаев и Пуксиковы. Общие признаки: одинаковое изображение всадника, время изготовления (середина XX в.). Более простой вариант оформле-

ния рук использован на изделиях СМ18, 24, более сложный - СМ23, 29, 30. На шлемах имеются фигурки гусей.

Пятая группа (5 экз.): четырехпольные покрывала СМ20 (Т.И. Номин), СМ26 (Хулимсунт), СМ61 (Кимкъясуи); шлемы с четырьмя фигурами всадников СМ19 (Т.И. Номин), СМ63 (Кимкъясуи). Владельцы Номин, Пуксиков, Вадичупов. Изделия СМ19 и 20, выполненные одной мастерицей, и покрывало СМ26 сближает фигурка в виде уголка под животом коня. В руке всадника на шлеме СМ63 и покрывале СМ26 находится плеть. В целом для всех предметов характерно совпадение деталей в изображении фигуры *Мирсусне-хума*: она выполнена без вшитой "священной" вставки, ноги всадника показаны на широком тулове коня.

Шестая группа (7 экз.): четырехпольное покрывало СМ51 (Кимкъясуи), пояса СМ42 - 44 (Верхне-Нильдино), шлемы СМ45 (Верхне-Нильдино) и СМ54 (Кимкъясуи), накидка СМ46 (Верхне-Нильдино). Общие признаки: одинаковое изображение всадника, а также тот факт, что все изделия выполнены для Гындыбиных. Имеются и расхождения в изображении фигур всадников: наиболее оригинален всадник на поясе СМ42 (тулово отклонено назад, показана одна нога); фигуры на шлеме СМ54 и поясе СМ44 сближает поднятая вверх и согнутая в локтевом суставе рука; рука всадника на шлеме СМ45 и накидке СМ46 сливается с линией поводьев; на покрывале СМ51 и поясе СМ43 поводья закреплены под поднятой рукой всадника. Наиболее вероятно, что все изделия выполнены одной мастерицей на протяжении 30 - 40 лет.

Седьмая группа (4 экз.): четырехпольные покрывала СМ38-39, шлемы с четырьмя фигурами всадников и фигурой медведя СМ40, 48. Владельцы Таратов и Пакин. Изделия этой группы сшиты в Верхне-Нильдино по единой выкройке.

Восьмая группа (3 экз.): четырехпольное покрывало СМ37 (Верхне-Нильдино), *яны-ялпын* СМ62 и шлем СМ58 (Кимкъясуи). Общие признаки: одинаковое изображение всадника, место и время изготовления (середина XX в.). Владельцы шлема и покрывал - П.С. Таратов и А.Н. Вадичупов (девичья фамилия его матери - Таратова). Семипольное покрывало СМ62 имеет двойник - покрывало из Хурумпауля [Гемуев, 1990, с. 64], где проживают двоюродные братья и племянники Вадичуповых из Кимкъясуев. Покрывало из Хурумпауля, *яны-ялпын* СМ62 и покрывало СМ37 объединяет также характерный для всех покрывал Хурумпауля признак - наличие "хвоста", пучка лент, пришитого к середине одной из боковых сторон полотнища.

Девятая группа (4 экз.): четырехпольные покрывала СМ36 (Верхне-Нильдино), СМ52, 59 - 60 (Кимкъясуи). Владельцы Таратов,

Гындыбин, Вадичупов. Покрывала СМ36 и СМ52 - двойники (совпадают рисунок всадника, оформление краев полотнища орнаментом в виде треугольников, закрытое "лицо", цвет сукна, меховая оторочка). Все четыре покрывала объединены по наличию одинаковых элементов в изображении всадника: одна рука поднята вверх, второй он держит поводья; ноги короткие, ступни не выделены; общая вшитая вставка в туловах коня и всадника; изображение коня только с двумя ногами; наличие вокруг всадника дополнительных фигур - птицы и зверей. В данном случае можно говорить о существовании единого стиля, который присущ работам нескольких мастериц.

Объединение жертвенных покрывал в девять групп позволяет говорить о том, что большой по площади регион, включавший более десяти селений, обслуживало определенное количество мастериц. Они выполняли заказы как для отдельных фамилий, так и для разных селений, нередко разделенных десятками километров.

Отдельно следует сказать о *ялтын-улама* с фигурой коня. Жертвенных покрывал с фигурами коней известно немного: еще одно, двупольное, было встречено у манси в верховьях р. Ляпин, а хантыйское покрывало с двумя фигурами коней (оленей) из юрт Карымкарских на Оби находится в Тобольском музее [Бауло, 1997б, с. 82 - 85]. Считается, что первое знакомство населения северных районов Западной Сибири с лошадью произошло раньше, чем сложилось на этой территории представление о конном всаднике, а именно - в эпоху бронзы, еще до появления угров [Мошинская, 1979, с. 42 - 45]. В конце I тыс. н.э. коню начинают придавать значение наиболее ценной жертвы. Свидетельством тому В.Н. Чернецов считал обнаруженные на Урале в Шайтанской и Лаксейской пещерах фрагменты конских костей и кострища [1957, с. 211]. В металлической пластике Приуралья и Приобья образ коня возникает в эпоху раннего железа и наибольшее распространение получает в I тыс. н.э. после прихода угров [Яковлев, 1984, с. 26].

Об особом почитании изображения коня у манси (на нем *Мир-сусне-хум* каждую ночь объезжает землю) писал Н.Л. Гондатти [1888, с. 7]. Даже в атрибутике бубнов хантыйских шаманов встречались единичные объемные изображения бегущей лошади [Шатилов, 1931, с. 123]. Интересно, что ненецкий *Юно ню* (сын лошади) - образ, близкий мансийскому *Мир-сусне-хуму*, родился в облике жеребенка на берегу моря, куда его мать, старая, обреченная на заклание кобыла, сбежала от своих преследователей [Головнев, Перевалова, 1994, с. 31].

Как уже говорилось выше, в тех случаях, когда требовалась кровавая жертва, но не было животного, его можно было пообещать

шать духу и в подтверждение изготовить фигурку животного из бересты или металла. Лошадь на Севере встречалась крайне редко и, возможно, одним из временных заместителей являлось ее изображение на куске сукна. Именно так хотелось бы объяснить появление необычного покрывала с изображением фигуры коня из дома К. Пакина.

Следует заметить, что на жертвенных покрывалах в изображении коня с всадником и коня без всадника есть определенные различия. В первом случае фигура коня выполнена в стилизованной манере с использованием элементов традиционного орнамента и имеет внутри туловища “священную” вставку, которая подчеркивает, что перед нами конь Сына Бога, часть его образа. Во втором случае фигуры коней сшиты из цельных кусков сукна, без вставок, рисунок отличается плавными линиями и выполнен в натуралистической манере.

Важными, с точки зрения семантики имеющихся на покрывалах изображений, являются *ялпын-улама* СМ36 и СМ60. Покрывал с подобным сюжетом - “всадник в окружении птиц и зверей” - известно еще два - это четырехпольный *ялпын-улама* из Ломбовожа [Гемуев, 1990, с. 90] и пояс с четырьмя фигурами всадников, принадлежавший умершему шаману В.И. Лелятову и поступивший в 1950 г. из юрт Шомы Березовского р-на Тюменской обл. в Ханты-Мансийский краеведческий музей [Бауло, 1997а, с. 96, рис. 16]. Истоки столь сложного изобразительного сюжета, представленного на жертвенных покрывалах, можно найти в значительно более ранних предметах искусства, поступавших в Сибирь в результате торговых обменов. Еще в начале XX в. в России были опубликованы рисунки блях с изображением охотничьих сцен, сегодня их известно около двух десятков [Смирнов, 1909, табл. ХСІ, рис. 25; Лещенко, 1970, с. 136 - 148; Савельева, 1985, с. 92 - 110; Белавин, Носкова, 1989, с. 253 - 255; Восточный..., 1991, кат. 2; и др.]. Практически все указанные изделия являлись атрибутами мужских погребений и использовались как амулеты и украшения мужского наряда (поясного набора или нагрудных подвесок). По мнению В.Ю. Лещенко, серебряные бляхи с охотничьими сценами были изготовлены в Волжской Булгарии в XII - XIII вв. Сюжет соколиной охоты и принцип размещения сцены в круге были заимствованы, а образцами послужили изделия мастеров Переднего и Среднего Востока [1981, с. 113 - 117]. Большинство серебряных блях было обнаружено в Прикамье и на Урале, меньшая часть - в Приобье.

На бляхах изображена сцена охоты. Остроголовый всадник сидит на идущем вправо (от зрителя) коне, туловище развернуто в фас. В поднятой левой руке он держит рог, правая рука опущена

на круп коня. На правом локте всадника сидит птица. Слева расположен полумесяц, справа - солнце. Вокруг всадника изображены животные и птицы: медведь, лось, лиса (соболь? куница?), гусь. Достаточно расположить серебряную бляху рядом с жертвенным покрывалом СМ36, чтобы увидеть поразительное сходство выполненных на них фигур (рис. 105).

* * *

К сожалению, нам не удалось непосредственно наблюдать обряды с использованием жертвенных покрывал, да и в литературе известны единицы подобных случаев. А. Каннисто оставил описание церемонии принесения в жертву коня, на которой ему довелось присутствовать. Жертвенное место располагалось на правом берегу Северной Сосьвы в 10 верстах ниже селения Люликары. Дело происходило зимой. Когда исследователь пришел на место, он заметил устройства, названные им “стропилами для навешивания жертвенных предметов”. Каждое из них представляло собой две вертикально установленные вилообразные жерди с перекладинами, на них висели котлы, наполненные снегом. Из снега был устроен и “стол”, на который положили кипы жертвуемой одежды и мехов. В качестве жертвенных шестов были использованы два березовых деревца. На шесты натянули шелковые халаты - *ярмак*-

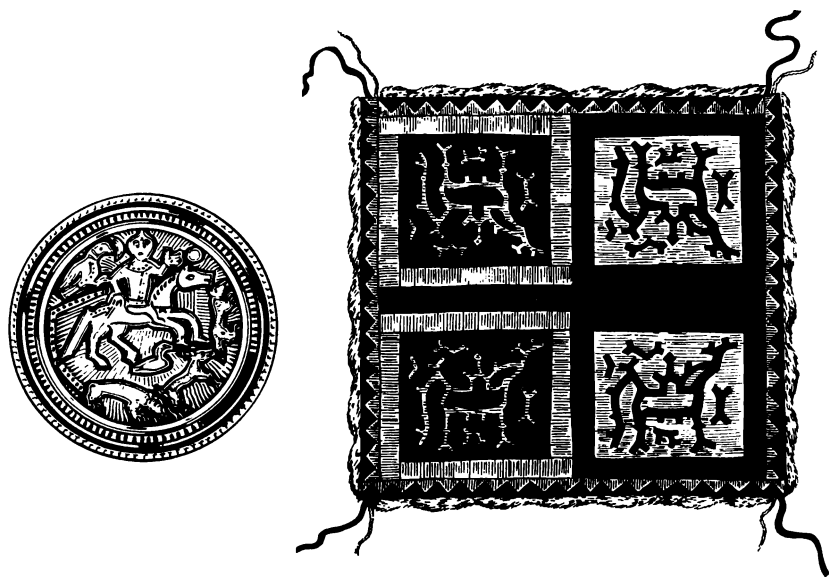

Рис. 105. Средневековая серебряная бляха с изображением сокольника и жертвенное покрывало.

сахи, в “руки” вложили платки, вокруг “тали” затянули пояс, на “голову” надели мех жертвенной лисы. Халат на первой березе был выполнен из красного и белого шелка, на второй - из белого. На шею одного “шайтана” водрузили жертвенные меха. На обоих концах перекладки висели жертвенные одежды. На центральную часть стропила были наброшены два растянутых жертвенных покрывала (“седла” *Мир-сусне-хума*): один из них с вышивкой, на обоих - бубенчики для оленей [1958, S. 289 - 290].

Использование жертвенного покрывала на празднике в честь *имда* в Руссуйских юртах было отмечено В. Новицким в дневнике 1913 г.: “...около столика к скамье с медвежьими шкурами был привязан рыжий бычок, он был накрыт попоной с подвешенными по краю шоркунчиками, колокольчиками и янтарными бусами. Попона состояла из двух покрывал: верхнего - из простого черного сукна и нижнего, или собственно попоны. Последняя была сделана из сукна, а под нее подведена шелковая подкладка; длиною попона была аршина полтора, шириною - один аршин. Состояла она из двух половин, по середине каждой из них была вшита вырезанная - для одной половины из черного, для другой из красного сукна - фигура всадника. Одной рукой всадник управлял лошадью; от спины всадника отходило нечто вроде крыла или пера” [1925, с. 18].

Вышеприведенные свидетельства, а также наши полевые материалы, позволяют выделить определенные правила проведения церемоний с жертвенными покрывалами в честь *Мир-сусне-хума* на протяжении XX в. Жертвоприношение совершалось в “чистом” месте - снаружи дома, напротив святой стены *мула* (если обряд происходил внутри помещения, то животное ставили у противоположной входу стены, на задние балки развешивали жертвенную одежду). В момент возложения покрывала на спину коня присутствующие произносили молитвы, затем коня обводили вокруг дома “по солнцу”. Женщинам и юношам было запрещено подходить к месту забоя, а также видеть “лицо” *ялтын-улама*. После церемонии покрывало хранилось в “чистом” месте - на чердаке дома. Жертвенными животными преимущественно являлись конь и олень, реже - бык, корова.

Обряды в домашних святилищах

Обряды в честь домашних духов-покровителей или божеств высокого ранга могли совершаться как внутри жилого помещения, так и на специальном месте у задней стены дома.

По сведениям А. Каннисто, в верховьях Лозьвы и Северной Сосьвы нередко приносили жертвы *Мир-сусне-хуму* прямо в жи-

лище. Жертвенного оленя вводили в дом, на короткое время клали ему на спину жертвенную одежду, *ялпын-улама*, связку лисьих шкур и платки, одновременно произнося молитву. Платки развешивали и на балки в заднем углу. Затем убивали оленя и варили мясо; из головы, сердца, других частей тела отрезали куски и клали в миску, которую ставили в задний угол комнаты. Женщинам, девушкам и юношам не разрешалось есть мясо жертвенного оленя. Кровавую жертву в жилище приносили также *Хуль-отыру*. В этом случае шкуру и кости животного зарывали под задними ногами, примыкающими к священной стене (*мулу*) [1958, S. 279].

Подробное описание жертвоприношения оленя в хижине северных вогулов выполнено К.Д. Носиловым [1904, с. 30 - 35].

Значительно более частыми в доме были жертвоприношения пищей, совершавшиеся на протяжении последнего столетия по случаю всех праздников, включая христианские и государственные. Рюмка водки и миска с пищей ставились на *пупыг-норму* рядом с сундуком, крышку которого предварительно приподнимали. “Угощали” не только духов-покровителей, но и хранившиеся в доме медвежьи шкуры; рюмка водки непременно предназначалась огню (очагу) и солнцу.

По информации В.Н. Чернецова, хозяин дома зажигал кусочки чаги перед ящиком с *пупыгами* утром и вечером [Источники..., 1987, с. 140].

Жертву *пупыгам* рода жены приносил в доме будущего тестя жених. В первый приезд в дом мужа молодая жена, ее отец и братья совершали жертву *пупыгам* рода мужа [Там же, с. 203, 205].

У кондинских манси мужчина, отправляющийся на охоту, ставил у окна чашку чая и клал кусок хлеба, говоря: “Старик *Менкв*! Я выставил для тебя чашку чаю, не причиняй мне вреда, не пугай меня, ешь и пей здесь!” [Карьялайнен, 1995, с. 274]. Прийдя в охотничью избушку, мужчина ставил рюмку водки и клал кусочек пищи на подоконник для лесных духов.

Церемония “угощения” духов происходила и на чердаке, если там хранились “святые” вещи. Рядом с сундуками и чемоданами всегда лежал кусочек чаги, зажигаемый перед поднятием крыши к вместилищу и кормлением духов.

Жертвенное место, располагавшееся за домом, называлось *мань-кан* - малое жертвенное место. Основными элементами его являлись стол, вертикально или горизонтально установленные жерди и кострище. На одном из таких мест у северных вогулов А. Каннисто увидел три вертикально установленных дерева - две березы (первая из них была посвящена *Нуми-Торуму*) и ель, на которые были повешены платки с завязанными в углах монетами. Вблизи стола

стояло “копье богов” (березовая жердь с заостренным концом), на которое насаживали вареное мясо [1958, S. 275].

Яркий пример функционирования *мань-кан* мы наблюдали в доме Т.И. Номина. Во второй половине XX в. обряды вне жилища в большинстве случаев отправляются вблизи его задней стены. Здесь сооружена *пупыг-норма* - полка, на которую во время церемонии ставят чемодан или сундучок с фигурами духов-покровителей, и установлен столб для привязывания жертвенного животного. По верному замечанию Е.В. Переваловой, эта направленная на юг (во всяком случае, символически) “задняя (внешняя) стена... дома оказывается принадлежащей лесу...” [1997, с. 234], куда обращены лица духов-покровителей, призванных обеспечить удачный промысел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Религиозная традиция манси насчитывает не одно тысячелетие. И в конце XX в. эта важнейшая составляющая духовной культуры небольшого, затерянного в сибирской тайге народа отнюдь не собирается умирать. Более того, имеются признаки тенденции к росту значимости для людей традиционной модели мировидения. Сохранение святилищ, проводимые на них древние обряды - свидетельства этого процесса. Об этом говорят и представленные в книге материалы.

Для манси, в силу природных условий их обитания, определяемой этим спецификой традиционной хозяйственной деятельности, характерно дисперсное расселение. Еще в середине XVIII в., как писал П.С. Паллас, манси "не имея кроме охоты другого упражнения вынуждены были при необходимости рассеиваться сколь можно одна семья от другой далее и не жить деревнями, ибо в таком случае не было бы для их прокормления пищи" [1788, с. 56]. Освоив огромные таежные территории, мансийский народ, сохраняя этническое единство, образовал ряд локальных групп, отличающихся друг от друга определенным своеобразием.

В обширном регионе - бассейне Северной Сосьвы - более всего исследована традиционная религиозная культура ляпинских, в меньшей степени - нижнесосьвинских манси. Сравнительный анализ материала показывает, что в традициях этой группы и группы верхнесосьвинских манси, наряду с общими чертами (они преобладают), есть и некоторые различия.

Вначале о том, что объединяет традиции этих групп. Прежде всего, следует сказать о структуре культовых мест. В обоих случаях она соответствует единому канону. Во-вторых, весьма близки иконография представленных на святилищах обеих групп богов и духов-покровителей разных рангов и сопровождающая их атрибутика. Наконец, достаточно единообразен набор фигур из числа персонажей локальных и общемансийского пантеонов, почитаемых обеими группами, хотя зоо- и орнитоморфная ипостаси духов-покровителей, в основе поклонения которым лежит тотемистическое начало, могут совпадать лишь отчасти. Что же касается главных фигур об-

шемансийского пантеона, то в характере почитания их различий практически нет. Это особенно ярко проявляется в отношении к “Угорскому Митре” - *Мир-сусне-хуму*, в том числе в изготовлении и использовании жертвенных покрывал *ялтын-улама* с изображением этого бога.

Если же вести речь о различиях в религиозно-обрядовой практике верхнесосьвинских и ляпинских манси (к которым примыкают в данном отношении их нижнесосьвинские соплеменники), то следует отметить, что в верховьях Сосьвы в большей мере проявляются промысловые культы. Значительно ярче здесь представлен культ Женщины-Лягушки, которая по целому ряду приписываемых ей свойств и качеств приближается к *Калташ-экке* - супруге верховного бога *Нуми-Торума*. Представляется, что культ Лягушки относится изначально к палеосибирскому (уральскому) субстрату. Основанием для такого предположения может являться то обстоятельство, что этот культ характерен не только для угров, но и для самодийцев, в частности, селькупов. В селькупском фольклоре реминисценции культа Лягушки проступают вполне отчетливо, правда, у селькупов этот образ имеет негативный оттенок.

Наряду с большой разработанностью у верхнесосьвинских манси обрядовой практики (имеется в виду четкая периодичность посещения культовых мест и принесения жертв) одновременно в большой мере сказывается влияние на нее христианской религиозной культуры. Это проявляется в том, что большие, особо значимые для “народного православия” праздники (Ильин день, Пасха и др.) стали днями жертвоприношений духам-покровителям разных рангов. Симптоматично также (хотя зафиксирован только один случай) оформление культового амбарчика в виде семигранной пирамиды, имитирующей форму православного храма. Причиной инкорпорации элементов христианства в религиозно-обрядовую практику манси явилось в основном иноэтничное влияние, причем не только русских, но и в большой мере коми-зырян, которые также выступали носителями православия.

Как уже говорилось выше, у верхнесосьвинских манси практически отсутствуют *иттерма* - изображения умерших. В то же время почти во всех мансийских домах на Ляпине имеются эти предметы культа. Возможно, А. Каннисто был прав, предполагая заимствование ляпинскими манси обычая изготавливать “куклы мертвых” у северных соседей - ненцев. Действительно, ненцы в связи со смертью человека делали подобные фигурки [Хомич, 1966, с. 208], называя их *н'гытарма* (ср. манс. - *иттерма*, *иттарма*).

Для религиозно-обрядовой практики верхнесосьвинских манси характерно отсутствие женских культовых мест. В то же время

на Ляпине практически каждое селение (*пауль*) располагало этим своеобразным (пусть и не эзотеричным) святилищем. Зато женщины у верхнесосьвинских манси допускались на периферию тех категорий святилищ, которые на Ляпине считались и считаются исключительно мужскими. Налицо ситуация своеобразного замещения: отсутствие женских культовых мест в верховьях Сосьвы компенсируется возможностью посещения женщинами святилищ более высокого (по сравнению с женскими) ранга. Думается, что в этом случае мы сталкиваемся с трансформацией традиции под влиянием опять-таки иноэтничного окружения.

Итак, перед нами целый ряд различий в религиозно-обрядовой практике между несколькими группами манси, рассеянными в бассейне Северной Сосьвы. Однако эти различия, имея сугубо локальную природу, отнюдь не разрушают стройную картину мансийского Космоса.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Мансийские селения в верховьях Северной Сосьвы (XX в.)

Северная Сосьва:

Турват-пауль (Саклингья) (490 км*), Усть-Манья (450 км), Мисапси-пауль**, Яны-пауль (375 км), Телипауль**, Халпауль (365 км), Няксимволь (350 км), Волькотли-пауль** (345 км), Нямча-пауль**, Суйват-пауль**, Улангсос-пауль**, Нерохи (305 км), Усть-Тапсуй (280 км), Ильпи-пауль** (255 км), Виссум-сунт** (устье р. Висим), изба Т.И. Номина** (210 км), Хангласам** (195 км), Хулимсунт (180 км), Менкв-я-пауль (155 км), Сарадыпауль (Сарадейские)**, Ульпа-ив-пауль**, Сангитур (Вогульские)** (125 км), Верхне-Нильдино (90 км), Нижне-Нильдино** (78 км), Кимкья-суй (65 км), Оурья**, Посолдино (Посалтит-пауль), Нярпауль**, Патрасуй, пос. Сосьва.

Притоки Северной Сосьвы в ее верхнем течении:

р. Лепла:

юрты Самбиндалова, юрты Курикова, юрты Дунаева.

р. Няйс:

Совлох**, изба Бадагова**.

р. Тапсуй:

Песпауль**, Тимка-пауль**, Налум-пауль, Тапс-яны-пауль**, Арба-пауль**, Колымья-пауль**, Мань-селтыт-пауль**, Селтыт-пауль**, Хулюм-пауль**, Воря-пауль** (р. Воря) (390 км), Нирус-пауль (Нирвож)** (375 км), Тапсват-пауль (350 км).

р. Волья:

Арпипауль**, Перевалка**, Валенпауль**.

* Селения перечислены сверху вниз по течению. Расчет расстояния от пос. Сосьва до указанных селений произведен авторами.

** Селения, прекратившие существование.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Карта расположения мансийских святилищ в верховьях Северной Сосьвы

1 - 12 - святилища духов-покровителей.

1 - *Нер-ойки* и *Чохрын-ойки*, оз. Турват; 2 - *Леп-тит-ойки* и *Щах-ойки*, Яны-пауль; 3 - *Йипых-ойки*, Халпауль; 4 - *Каль-нехос Най-эквы* и *Тулям-ур-ойки*, Няксимволь; 5 - *Чохрын-ойки*, Усть-Тапсуй; 6 - *Ялтынг-Аки*, р. Тапсуй; 7 - *Торум-ойки* (*Мир-сусне-хума*), Хулимсунт; 8 - *Лус-хал-эквы*, р. Ялбынья; 9 - *Воял-ойки*, р. Ялбынья; 10 - *Мис-хум-ойки*, Менкв-я-пауль; 11 - *Тахт-котиль-аки-пыга*, Аги, *Нярс-най-эквы*, р. Северная Ялбынья; 12 - *Волья-ялпын-щань*, р. Северная Ялбынья; 13 - *Полум-Торум-пыга* (*Пауль-урне-ойки*), Верхне-Нильдино.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 **Духи-покровители верхнесосьвинских манси (XX в.)**

Таблица 1

Территориальные и поселковые духи-покровители

Дух-покровитель	Местонахождение	Хранители
1	2	3
<i>Нер-ойка, Чохрын-ойка</i>	оз. Турват (Ялпынг-тур)	Самбиндаловы
<i>Евтымс-ойка</i>	Турват-пауль	Самбиндаловы
<i>Леп-тит-ойка, Тав хурите, Леп-тит-ойка-пыг; Щах-ойка</i>	Яны-пауль, р. Лепла -//- -//- -//-	Самбиндаловы -//- -//- Куриковы
<i>Йипых-ойка, Ялпынг-уй</i>	Халпауль, р. Лопсия	Тасмановы
<i>Каль-нехос Най-эква, Тулям-ур-ойка</i>	Няксимволь, р. Наяс -//-	Номины -//-
<i>Няксимволь Катя нэ</i>	Няксимволь	?
<i>Няксимволь-пауль най эква</i>	Няксимволь	?
<i>Чохрын-ойка</i>	Усть-Тапсуй	Анемгуровы
<i>Ялпынг-Аки</i>	р. Тапсуй	Дунаевы
<i>Чохрын-ойка, Ялпус-ойка-пыг</i>	Нирус-пауль, р. Тапсуй -//-	Пакины -//-
<i>Ворь-я Най-эква-Каль-Нехос</i>	Ворь-я-пауль, р. Ворья	Анемгуровы
<i>Хулум-пауль Най-эква</i>	Хулум-пауль, р. Тапсуй	Пеликовы
<i>Хортхан ойка</i>	Хангласам-пауль	?
<i>Хангласам-най-эква</i>	Хангласам-пауль	Пуксиковы
<i>Торум-ойка (Мир-сусне-хум)</i>	Хулимсунт, р. Хулум	Пуксиковы
<i>Лус-хал-эква</i>	р. Ялбынья	Анемгуровы, Адины

1	2	3
<i>Воял-ойка</i>	р. Ялбынья	?
<i>Мис-хум-ойка, Мис-нэ, Пырищ</i>	Менкв-я-пауль -//-	Алкадьевы -//-
<i>Лус-хал-эква</i>	Санки-тур, Сарадейские юрты	Таратовы, Юнаховы
<i>Тахт-котиль-аки-ныг, Аги, Нярс-най-эква</i>	р. Ялбынья (приток Волю)	Таратовы, Вадичуповы
<i>Волья-ялпын-щань (Мис-нэ-эква)</i>	р. Ялбынья (приток Волю)	Таратовы, Вадичуповы
<i>Полум-Торум-ныг (Пауль-урне-ойка)</i>	Верхне-Нильдино	Вынгелевы

Примечание. Сведения о духах-покровителях взяты из [Носилов, 1904; Чернецов, 1926; Kannisto, 1958; ПМА 1985 - 1997 гг.; Источники..., 1987; Самигулов, 1997].

Домашние духи-покровители

Дух-покровитель	Селение	Хранитель
<i>Али-хум, Луи-хум, Остлип-урне-отыр</i>	Турват-пауль -//-	Самбиндалов Д.И. (1990 г.) -//-
<i>Младшие братья Леп-тит-ойки</i>	Яны-пауль -//-	Самбиндалов Н.П. (1997 г.) -//-
<i>Али-хум-ойка (Торум-пупыг), Луи-хум-ойка</i>	Яны-пауль -//-	Самбиндалов А.Е. (1997 г.) -//-
<i>Няксимволь-отыр-пыг</i>	Няксимволь	Юнахов И. (1989 г.)
<i>Чохрын-ойка</i>	Няксимволь	Дунаев А.В. (1997 г.)
<i>Отыр-пыг</i>	Усть-Тапсуй	Анемгуров И.В. (1989 г.)
<i>Чохрын-ойка-пыг</i>	Тимка-пауль	Дунаев А.Т. (1997 г.)
<i>Няйс-талях-ойка-пыг, Хангласам-най-эква (Щань-ави), Отыр-пыг</i>	Дом Т.И. Номина -//- -//-	Номин Т.И. (1989 г.) -//- -//-
<i>Колын-Аки (Отыр-пыг)</i>	Хулимсунт	Пуксиков Н.А. (1989 г.)
<i>Урне-хол-ойка, Чохрын-ойка</i>	Хулимсунт -//-	Пуксиков В.А. (1997 г.) -//-
<i>Тором пыг</i>	Верхне-Нильдино	? (1931 г.)
<i>Мир-сусне-хум</i>	Верхне-Нильдино	Таратов П.С. (1985 г.)
<i>Вор Сали</i>	Верхне-Нильдино	? (1931 г.)
<i>Ахвас-ойка</i>	Верхне-Нильдино	Пакин К. (1985 г.)
<i>Куль-отыр</i>	Кимкясуй	Гындыбин (1997 г.)

Примечание. Сведения о духах-покровителях взяты из [ПМА 1985 - 1997 гг.; Источники..., 1987].

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Таблица

Список жертвенных покрывал

№	Вид	Кол-во фигур всадников	Цвет сукна
1	2	3	4
Яны-пауль			
Дом Н.П. Самбиндалова			
CM1	покрывало	7	желтый-синий
CM2	шлем	4	-//-
CM3	шлем	4	красный-зеленый
CM4	покрывало	4	красный-черный
Дом Д.К. Куриковой			
CM5	покрывало	4	красный-черный
CM6	покрывало	4	-//-
Халпауль			
Дом М.В. Пеликовой			
CM7	покрывало	7	красный-синий
CM8	шлем	4	красный-черный
CM9	покрывало	4	красный-синий
Дом Г.В. Тасманова			
CM10	покрывало	7	красный-черный
CM11	шлем	4	красный-зеленый
CM12	покрывало	7	-//-
CM13	шлем	4	-//-
Няксимволь			
Дом И. Юнахова			
CM14	покрывало	4	красный-черный
Дом А.В. Дунаева			
CM15	покрывало	7	желтый-синий
CM16	шлем	4	красный-синий
Владелец неизвестен			
CM17	покрывало	4	красный-синий
Налумпауль			
Дом И. Дунаева			
CM18	покрывало	4	желтый-синий

1	2	3	4
Дом Т.И.Номина			
СМ19	шлем	4	желтый-синий
СМ20	покрывало	4	-//-
СМ21	покрывало	4	красный-черный
Хулмисунт			
Дом Н.А. Пуксикова			
СМ22	покрывало	4	красный-синий
СМ23	покрывало	4	-//-
СМ24	шлем	4	синий-зеленый
СМ25	шлем	4	красный-зеленый
Дом В.А. Пуксикова			
СМ26	покрывало	4	красный-черный
СМ27	шлем	4	-//-
СМ28	шлем	4	синий-зеленый
СМ29	покрывало	4	желтый-зеленый
СМ30	шлем	4	-//-
Менкв-я			
Дом Алкадьевых			
СМ31	шлем	4	красный-синий
СМ32	шлем	4	-//-
СМ33	покрывало	4	-//-
Верхне-Нильдино			
Дом П.С. Таратова			
СМ34	покрывало	4	красный-синий
СМ35	покрывало	8	красный-желтый
СМ36	покрывало	4	красный-черный
СМ37	покрывало	4	красный-синий
СМ38	покрывало	4	красный-черный
СМ39	покрывало	4	красный-синий
СМ40	шлем	4	красный-черный
Дом В.С. Гындыбина			
СМ41	покрывало	4	красный-синий
СМ42	пояс	4	красный-черный
СМ43	пояс	4	красный-зеленый
СМ44	пояс	4	желтый-синий
СМ45	шлем	7	-//-
СМ46	накидка	7	красный-черный

1	2	3	4
		Дом К. Пакина	
СМ47	шлем	4	красный-черный
СМ48	шлем	4	-//-
СМ49	покрывало	конь	-//-
СМ50	шлем	4	красный-зеленый
		Кимкьясуи	
		Дом Гындыбиных	
СМ51	покрывало	4	красный-зеленый
СМ52	покрывало	4	красный-черный
СМ53	покрывало	4	-//-
СМ54	шлем	7	-//-
СМ55	покрывало	7	-//-
		Дом А.Н. Вадичупова	
СМ56	покрывало	4	красный-черный
СМ57	покрывало	4	-//-
СМ58	шлем	7	красный-синий
СМ59	покрывало	4	красный-черный
СМ60	покрывало	4	-//-
СМ61	покрывало	4	-//-
СМ62	покрывало	7	черный-зеленый
СМ63	шлем	4	красный-черный

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Предания, сказки, былички сосьвинских манси

Менкв

Километрах в пятнадцати отсюда находится избушка *Тулям-урам*. Жили раньше два мужика. Один в лес не ходит, сидит дома каждый день. Другой пошел на охоту за соболем, ходил два-три дня да собаку потерял. Ищет день, ищет два - найти не может. Третий день собаку ищет. Нашел след и прямо по нему пришел на *Тулям-урам*. Там в лесу большой дом стоит. Смотрит охотник - собака его лежит. Стал звать он ее, а она не идет и все. Вдруг дверь отворилась, из дома вышел старый человек с бородой. Взял он палку и стал охотника бить, так и не отдал собаку. Ушел ее хозяин обратно. Нашел елку, давай рубить, спать надо. Тут и заснул. Голодный был, умер. Замерз. А старик тот *менквом* был, метра три высотой. (А.Е. Самбиндалов, 1932 г.р., Яны-пауль, запись 1997 г.)

Мось-хум и Пор-нэ

Мось-хум женился на *Пор-нэ*. У нее раньше муж был *Пор-хум*. *Мось-хум* своих детей привел, и у *Пор-нэ* дети были. Как только *Мось-хум* на охоту уйдет, *Пор-нэ* его детей обижать начинает. Голова у *Пор-нэ* обычно лысая, с паршой - как чесотка. Почешет она голову и этими крошками детей *Мось-хума* кормит. А своих хорошо кормила - варила им то, что *Мось-хум* с охоты приносил.

Дети стали жаловаться отцу: мамка нас крошками кормит. Решил *Мось-хум* наказать *Пор-нэ*, да она сильная, просто так с ней не справиться. Убил он далеко в лесу лося и думает: пошлю жену за мясом. Она согласилась. *Мось-хум* на дорогу ей спички дал, да только их намочил сначала. Идет *Пор-нэ* домой - нарточкой лося тащит. Стала ночью костер разводить, а спички-то сырые. Долго пыталась, ничего не получается. Шкура лося уже снегом покрылась. Думает *Пор-нэ*: завернись в шкуру и усну. Одну часть шкуры вниз постелила, другой обернулась и так проспала всю ночь. А голая кожа лося снаружи-то за ночь и замерзла. Утром не может *Пор-нэ* вылезти. Собрался *Мось-хум* ей навстречу. Подошел ближе, видит - вся шкура скручена. Спрашивает жену: живая ли ты? “Живая”, - отвечает *Пор-нэ*, - “да вылезти не могу”. Сделал тогда *Мось-хум* колотушку из березы и спрашивает: “Голова у тебя в какой стороне?” Начал он бить и разбил всю голову. (У.В. Анемгуров, 1933 г.р., Тапсват-пауль, запись 1997 г.)

Быличка

Гостил я как-то зимой в Няксимволе у одного человека. Пошел хозяин на речку за водой. Подошел к проруби, а оттуда музыка играет и слышится ему голос: “Заходи давай к нам, тут у нас весело, с нами веселиться будешь”. И слышит он - как будто гармошка играет, “Яблочко” поют. Подумал он и не стал в прорубь спускаться, а то бы пропал, и

сказали бы люди - его *Вит-Хон* уташил. (У.В. Анемгуров, Тапсват-пауль, запись 1997 г.).

Быличка

Когда гроб из дома вынесут, в этот день нельзя в дорогу собираться, иначе покойник за тобой пойдет. В такой день ни лодкой, ни оленем нельзя ехать - покойник все равно догонит.

Умер у меня внучек, а мне надо было в этот день на Усть-Тапсуй пойти. И, видимо, покойник-то за мной и пошел. Остались на ночь в Усть-Тапсуе: всю ночь кто-то косяк двери рвал, в дом старался войти. Спать только легли - стол затрещал, печка затрещала, пол трещит - как будто кто-то ходит. Покойник это ходил, конечно. Утром пошли дальше. Дошли до развилки, покушали. Товарищ мой к себе пошел, а я - к себе. Разошлись. Он скрылся, а я дальше иду. Вдруг слышу: сзади кто-то на лыжах догоняет. Оглянулся - никого. Снова иду: опять кто-то за мной на лыжах следом, все ближе и ближе. Оглянусь - нет никого. Звук все ближе и ближе, думаю, подожду - не буду оборачиваться. Вдруг мне точно спину водой холодной облили. И так до самого дома. Это покойник за мной шел. Ночью уже дома опять он шумел. Как усну - кто-то меня толкает. Это внучек был, это покойник все делал. Покойник вред принести может. Может с собой взять. Болесть будешь, мучаться или умрешь. (У.В. Анемгуров, Тапсват-пауль, запись 1997 г.).

Торум-ойка (Мир-сусне-хум)

Торум жить стал. Пора ему жениться, а *Торум-щань* ему совет дает: - Жениться хочешь - возьми в жены Луны дочь, *Этпос-ай*.

Большую-малую свадьбу сыграли. Дом у него богатый - золото, серебро, камни.

Кирт-нелп-эква захотела заменить его жену на свою дочь. Стала колдовать она и ее дочь вместо *Этпос-ай* осталась.

Торум-ойка жизнь на земле восстанавливает, все живое выпускает на землю. *Елы-махум* (земляные люди) пошли.

Жена его спрашивает: - Ты что делаешь?

Отвечает он: - Свое дело делаю: живое выпускаю, жизнь восстанавливаю.

Тогда жена говорит: - Не нравится мне дом из золота, ты лучше сделай дом из костей животных и птиц.

Торум-ойка послушал, открыл дверь: - Прошу, - говорит, - всех зверей и боровых птиц ко мне, всех в железную ограду буду закрывать.

Все пришли - лоси, олени, птицы, до самого малого рябчика. Только совы нет. Сам *Торум-ойка* сидит в последней комнате, где у него вся вера и зовет жену. Она не хочет идти, ну ладно.

Сова прилетела, села на подоконник, голову по солнцу развернула и говорит: - Ты из наших костей дом делать хочешь, а чем же люди жить будут? У тебя этот дом хороший, век стоять будет. А из моих костей дом слабый, угол слабый, завалится дом. Кто тебе такой совет дал?

- Жена дала.
- Возьми ее за косы и на землю брось.
Выпустил *Торум-ойка* всех зверей, жену тащит.
- Что, муженек? У нас сын и дочь будут, а кто я на земле буду - от сына, от дочери узнаешь. (Т.И. Номин, 1904 г.р., запись 1989 г.).

Эква-пырищ (Торум-пыг)

В лесу живет старшая сестра семи братьев *мис-хумов*. Однажды видит - много мусора накопилось. Стала его убирать и нашла два щенка и *акань*. Она поставила *акань* в доме и надела ей на шею *арсын*. Вдруг слышит из лесу голос: - Это тебе Бог послал, храни хорошенько, если можешь, счастье тебе будет, от них жизнь узнаешь и спросишь.

В дом заходит, смотрит, а вместо кобелька - мальчик лет семи, вместо сучки - девочка, вместо куклы - женщина. *Мис-нэ* поздоровалась с ними, они не отвечают, только головой кивают.

Женщина говорит: - На земле будут люди жить и будут *пупыги* их охранять. А эти дети взрослыми станут. А я пока прощаюсь. Я на земле буду - *Торум-щань*.

Пришла сестра *Мис-нэ* и говорит: - Отдай девочку.

Отдала.

Сын, он *Эква-пырищ*, растет. Старуха ему лук и стрелы сделала. Говорит она ему: - Только далеко не ходи.

Эква-пырищ просит ее: - Сделай мне лыжи с подволокой из выдры.

- Ладно, сынок. - Сделала.

- Бабушка, утром рано чуть свет я пойду лыжи попробую.

- Далеко не ходи.

За дом по широкой дороге пошел. Лыжи хорошо катятся. Долго шел. - Ладно, пойду обратно. И своей матери-бабушке скажу: уйду на два-три дня, пусть не ждет.

Пошел, сказал.

- Только не ходи по этой дороге, не надо.

- Как не надо, ты знаешь - кто я? Я - Сын Бога, *Эква-пырищ*, *Торум-пыг*. У меня есть сестренка и мать, которую ты нашла в земле. Она главная там будет. И я по земле пойду, посмотрю, что там находится. Через три дня или в конце недели приду.

На другой день собрался и пошел. Покатил вниз. Слева озеро, справа лес лиственный, там дом большой. "Надо туда в гости зайти". Подходит к дому.

Навстречу ему - *Ялтинг-уй*, у них языки - как копья.

Говорит *Эква-пырищ*: - У этих *Ялтинг-уй* хозяин есть?

Самый большой *Ялтинг-уй* в ответ говорит: - А ты кто?

- *Торум-пыг*.

- Что тебе надо?

- А кто здесь живет?

- Семь *Мис-махум*, сейчас я схожу.

Пришел, говорит своим братьям: - Не трогайте его.

Эква-пыриш подошел к дому, лыжами друг о друга постучал и говорит: - Если б захотел богатырь-мастер, от лыж только щепки полетели бы. Трое братьев в доме сидят. Говорят: - Кто-то смелый к нам пришел. *Торум-пыг* заходит, поздоровался. Средний брат его спрашивает: - Ты откуда?

- Я, *Торум-пыг*, пришел в гости и по делу.

Заходят другие братья, поздоровались, разделись. У одного на конце лука - лось, у другого - олень, у третьего - глухарь. Положили добычу на *вит-норму*, а там уже осетр, нельма, муксун.

Спрашивает *Эква-пыриш*: - Вы чем занимаетесь?

- Мы каждый день считаем зверей в лесу и рыб в реке.

- Да вы же наказаны моим отцом, я его сын. У вас карты есть? Давайте играть, если я первый вздремну - в будущем веке вы мою должность займете, будете людьми руководить. Если вы вздремнете - я вашу должность займу.

Играют неделю, *Эква-пыриш* немного вздремнул. Младший *Ялпинг-уй* заметил и говорит: - Ты вздремнул.

- Нет, это я думаю.

- О чем?

- Вам проверить надо: сухостоя или живых деревьев больше; воды или земли больше?

- Ты тут пока не спи.

- Ладно, я буду карты тасовать.

Ушли *Ялпинг-уй*, ходят, мучаются. Он отдыхает, ест. Слышит - возвращаются. Стал карты тасовать. Слышит их разговор.

- *Эква-пыриш* прав, у него голова большая: сухостоя в семь раз больше, чем живого леса, а воды больше, чем земли.

Заходят, он тасует.

- Давай, тогда вари еду.

- Мне некогда, я работаю.

Старший назначил младших готовить. Сели.

- Ну, кто прав?

- Ты прав.

- Ну, что решать будем?

- Как ты решишь.

- Здесь будут люди жить, вы к ним не касайтесь.

Они согласились. *Эква-пыриш* им говорит: - Можете жить по лесам, боги веры вас прославлять будут.

- Ладно.

Эква-пыриш пришел домой.

- Долго ходил, сынок.

- Сейчас прощаться будем. Где моя мать и сестренка? - Он взял чагу, на нож посадил, качает, гадает, шаманит. Вдруг приходят сестра и мать, *Этпос-ай*. Мать ему говорит:

- Ты скоро к своему отцу пойдешь, что ты ему скажешь?

- Кроме хорошего, я ему ничего не скажу.

Эква-пыриш спрашивает: - А сестренка кем будет?

- С сегодняшнего дня люди появятся. Ее будут в доме держать, а меня нельзя. Я - *Щань*. А тебе имя - *Эква-пыриш*. Землю будешь обслуживать, и

отцу не подчиняешься, и чтобы он знал. На земле будут *Щань*, *Торум-пыг*, *Воял-ойка*, другие *пупыги*. К отцу придешь, скажешь: - *Щань* просит название *Воял-ойке*. На земле люди молиться им будут. У *Воял-ойки* трехгранный посох будет.

Они разошлись.

Щань говорит: - Ты с людьми держи себя строго, чтобы они подчинялись. Раньше - Богу, а теперь - тебе. А я *Щань*. Тебя и сестру можно держать дома, а меня нельзя. *Мис-хумов* и *мис-хум-ай* тоже можно дома держать. *Мис-хумов* и в лесу ставить будут, и на охоте *пурлахтын* делать.

Эква-пырищ полетел к *Торуму*. *Торум* сидит, думает: - Кто-то ко мне в гости едет. Во дворе столб поднялся золотой. У него конь черный, стоять не может, с копыт искры летят.

- Кто такой? Ведь я один бог, кто же это? Встретить надо.

Выходит, чуть на колени не падает. *Эква-пырищ* говорит ему: - Ты меня узнаешь? Ты на камни не падай, суставы скрепи. К тебе можно зайти?

- Заходи.

Входят в дом, садятся. Там повсюду один дорогой мех.

- Ну, отец, ты знаешь, что я сделал?

И все ему рассказал.

- А где же жена моя, *Этпос-ай*?

- Она на земле, там останется. А я буду людьми командовать. Ты больше людей не касайся. Мы ведь не всегда будем. Другой век будет, все сгорит, потом другой век будет - другие боги будут. (Т.И. Номин, запись 1989 г.)

Эква-пырищ

Три богатых мужика пришли домой к *Эква-пырищу*. Он говорит: - Три мужчины пришли, надо чай заваривать. У нас совсем женщина ленивая стала, самовар сам чай варит.

- Продай нам такой самовар.

- Как я могу? У меня бабушка уже старая, чай не может варить. Ну ладно, давайте триста рублей и забирайте самовар.

Взяли они самовар и ушли. Собрались на охоту и говорят: - Мы на охоту пойдем, а он сам кипеть будет, вернемся - а чай уже готов.

Охотились долго. Приходят - не кипит самовар. Пошли они обратно к *Эква-пырищу* разбираться. Увидел *Эква-пырищ*, что мужики возвращаются, договорился с бабушкой, наполнил кровью коровье горло, да привязал его к бабушкиному горлу. Зашли мужики, стали кричать на него. Говорит *Эква-пырищ*: - Это все бабушка виновата, придется ее убить. Ударил ножом бабушку в горло, кровь полилась, испугались мужики и убежали. (П.С. Таратов, 1905 г.р., Верхне-Нильдино, запись 1989 г.)

Менквы

В Няксимволе как-то жили два пастуха. И начали у них из нарт продукты пропадать, кто-то забирает. Тогда старые люди сказали: "Надо поставить стол и рядом бочку вина. На стол поставьте два стакана с вином. Они

придут, попробуют, потом им понравится, начнут дальше пить, опьянеют, тогда их можно поймать". Поставили бочку, стол, закуску, налили в стаканы вино. Пришли *менквы*, муж с женой, они тоже семьями живут. *Менкв-ойка* говорит: "Что это за вода в стакане? Дай-ка попробую". Попробовали - вкусно, налили еще, закуску взяли. Полбочки выпили, опьянели и заснули. Пришли люди с цепями и кандалами. Руки-ноги цепями стянули, так и привезли в деревню. Там посадили *менквов* в дом с железными дверями, окна железом закрыты. Они стучатся: "Есть хотим". Открыли дверь. Они ходят кругом по деревне, пищу берут, едят. Так и жили. Потом опять в лес ушли. Мужики в дерево ножи воткнули - пусть *менкв* увидит и знает - опять придет, тогда кончат его. (П.С. Таратов, Верхне-Нильдино, запись 1986 г.)

Менкв

Один мужик был на охоте, возвращается обратно уже поздно, луна светит. Вдруг слышит: "Тира-тира, тира-тира". Что такое? Подходит ближе, смотрит - *менкв*-великан сидит и сапог зашивает. "Дай я его убью", - думает мужик. Пошел к болоту. Взял лесину и подкрадывается осторожно: пока "тира-тира" звучит - идет, как тишина - стоит. Подкрался и по голове этого великана-*менкв* ударил. Подскочил тот и побежал. Мужик утром пошел на это место, смотрит - рюкзак стоит, собака стоит, а самого *менкв* нет. Видно только, как убежал он - все деревья повалены. (П.С. Таратов, Верхне-Нильдино, запись 1986 г.)

Менкв

Один мужик в Сартынье великана убил. Великан тот продукты таскал. Стал мужик топор точить, сено положил на лезвие - не режет. Снова точит, опять сено положил - теперь разрезается. Зашел он в дом, стал караулить. *Менкв* идет - глаза светят как фонари. Мужик за дверью стоит, *менкв* зашел, а он его топором по голове и по шее ударил. Упал великан, всю избу завалил собой. Мужик в деревню пришел, говорит старикам - *менкв*а убил. Не верит никто. Ребятишки пошли смотреть, увидели - испугались, убежали. Потом уже старики пришли, посмотрели. "Да, ты сильный охотник", - сказали. (П.С. Таратов, Верхне-Нильдино, запись 1986 г.)

Эква-пырищ и менкв

Собрался *Нуми-Торум* на охоту и говорит *Эква-пырищу*: "На *пале* три бочки стоят. Не трогай их, сынок". Сын думает - отец на охоту пошел, почему мне на *пал* не посмотреть. Открыл первую бочку - там такая вода, если выпить - мясо и кости кончаются, умираешь сразу. Вторую бочку открыл - вода кипит, едва успел закрыть. Люди сто лет живут, потом бог их опускает в бочку и топит. Открыл третью бочку - а там земля, такая красивая! Вдруг слышит - отец возвращается. "Зачем плачешь, сынок, я же говорил - не трогай бочки". - "Я не трогал". - "А почему тогда вода на руках?"

Просит сын отца на землю его отпустить. Отвечает отец: "Там на земле плохо, шиповник всех царапает". - "Ну и ничего". Пошел *Нуми-*

Торум в кузницу, сделал золотую колыбель, опустил в нее сына. Северный ветер пойдет - на север качается, южный - на юг. "Может, хватит, сынок?" - "Нет, на землю отпусти". Сделал тогда ему отец *ерн-кол* - чум из лосиной шкуры. *Эква-пырищ* ходит, охотится, потом видит тропинку, пошел по ней, собаку видит, она лает. Зашел в дом. Великан сидит. "Ой, зять пришел". Дочь сидит - *сахи* шьет. "Тащи, дочь, *кисы, ваи*, рубашку, неси кушать". Легли спать вместе.

Утром дочь говорит *Эква-пырищу*: "Завтра мой отец играть с тобой собирается. Он спрячется, а ты его искать будешь. Он на лиственницу заберется. Ты тогда возьми лук и прямо в нос ударь ему". Так и сделал *Эква-пырищ*: входит в дом великан, а нос у него в крови.

Вторую ночь ночевали. Утром *менкв* спрятался в *сумьях*. Говорит тогда дочь: "Там топор лежит, ударь им по ногам *менкау*". Заходит великан - ноги все порубленные.

На третий день опять обхитрил *Эква-пырищ менква*.

Говорит он: "Домой мне надо". Ответает ему *менкв*: "Идите, я сам буду жить".

Приехал *Эква-пырищ* с женой в *ерн-кол*, жить стали. Парнишка у них родился. (П.С. Таратов, Верхне-Нильдино, запись 1986 г.)

Хонторм-ойка

В одном городе князь правит. А сын его живет у дедушки и бабушки. Сделали они ему лук и стрелы, да не велели далеко ходить. Он и ходит недалеко. Стрелу пустит и за ней идет. День идет, второй идет. Слышит - кто-то пищит, словно люди разговаривают. На третий день еще дальше стрелу пустил и пошел за ней. Далекo ушел, людей там нашел. Это лесные люди были, семь братьев. Говорят они: "Это нашего князя сын такой большой вырос". Решили они испытать его. Стали играть в *лаки* - кольцо кидают друг другу навстречу, надо поймать его. Кинули парнишке кольцо, летит оно со страшным шумом. Думает он про себя: "Если поймаю, упаду на землю. Дай помолюсь *Торуму* - пусть силы добавит, пусть кольцо не меня заденет, а малицу". Поймал кольцо и обратно кинул, попал в самого старшего, с ног его сшиб. Стал тот на парнишку кричать: "Ах ты, такой-сякой, меня никто кольцом не сшибал, а ты смог!" Ругаться стали.

Повернулся парнишка и ушел домой. Дома завернулся с головой и уснул. Бабушка его утром спрашивает: "Что с тобой случилось? Голова болит, что ли?" Парнишка ей все рассказал.

В то время отца его убили, скальп сняли и на дерево повесили. Убили его *Сат-виклы* (семь пенецких богатырей), *Нер тапл сат-виклы*, пришли они из-за горы, со стороны Печоры.

Старуха ушла в то место, где висел на лиственнице скальп ее сына. Говорит она: "Если б ты живой был, наш город никто бы не взял, а сейчас уничтожат этот город".

Парнишка - *Хонторм-ойка* - слугу имел, *Пайпын-ойку*. Послал он *Пайпын-ойку* с богатырями воевать. А сам спит у бабушки. *Пайпын-ойка* в одиночку бьется, не может справиться. Говорит он *Хонторм-ойке*: "У меня в пальцах скоро дырка от стрел будет, так я устал. А ты все

спишь, пора вставать, а то город наш уничтожат!" Не отвечает *Хонторм-ойка*, спит дальше.

Снова *Пайтын-ойка* с богатырями бьется, совсем сломили они его. Опять идет к *Хонторм-ойке*, пытается разбудить: "Сам, как хочешь, так и вой!" Убежал *Пайтын-ойка*.

Встал парнишка и давай сражаться. Одной дубиной всех разнес. Смотрит вниз - на ногах у него что-то болтается. Это старик со старухой уцепились и кричат ему: "Успокойся, а то нас совсем разнесешь!"

Порылся старик в углу, достал *лахр* - кольчугу: "Возьми, внучек, без кольчуги тебя убить могут". Кольчуга тяжелая, еле устоял.

Порылась старуха в другом углу, вытащила *сирай* - саблю, отдала *Хонторм-ойке*. Порылась еще и достала *табоки* белые, кабы такие у отца были, никто бы не смог его убить.

Одел *Хонторм-ойка* кольчугу и *табоки*, взял саблю и пошел воевать. Стоят богатыри на конях. Говорит он *табокам*: "Если вы меня не прокатите с берега вниз на речку через брюхо богатырского коня, то выброшу я *табоки*". Прокатился он вниз на речку и нос у коня главного богатыря отрубил. Второй раз прокатился на *табоках*, отрубил хвост у коня, упал конь. Третий раз прокатился - коня пополам перерубил. Схватился тогда в рукопашную с богатырем и перерубил его *Хонторм-ойка*.

Погнал он тогда богатырей, и они убежали. Лег спать, спать не может, во сне ему все чудится. Встал, срубил тем богатырям *иттерма*, чтобы не чудились.

Утром пошел в верховья Кемпажа, там дом стоит, дома одна старуха и дочь у них. Сабля вся в крови. Вымыл саблю в лунке, спрятался в сенцах и ждет.

Мать говорит дочери: "Сходи за водой, скоро братья твои придут с охоты, пить попросят". Дочь сидит, не идет. Мать опять просит. Взяла тогда дочь ведра, сходила за водой, поставила ведра перед матерью: "Пей", - говорит, - "если вода такая нравится". Поняла мать, что *Хонторм-ойка* пришел. Спрятали его в пологе. Зашел один из братьев: "Что-то человеческим мясом пахнет". Пришли все братья, последним старик вошел, тоже говорит: "Человеческим запахом пахнет". Старуха отвечает ему: "Тише, старик, если дочь за него замуж не отдадим, конец нам".

Отдали дочь замуж, две недели гуляли. *Хонторм-ойка* говорит: "Домой мне надо". Собрался, лыжи надел и говорит им: "Если сегодня до дома не довезете, сломаю вас". Быстро добрался. (П.Ф. Меров, Хошлог, запись 1985 г.)

Поездка на озеро Турват

Известный сибирский этнограф Галина Ивановна Пелих, наш общий учитель и первый научный руководитель, любит делить всю полевую этнографическую деятельность на две части: труд и работу. Работа этнографа, по ее мнению, сводится к общению с информаторами, описанию предметов материальной и духовной культуры и т.п. занятиям, имеющим отношения к науке. А вот различного рода физические напряжения или, как говорит И.Н. Гемуев, “мышечную радость”, куда входит перетаскивание экспедиционного груза, лодки, канистр с бензином, ремонт мотора, установка палатки или приготовление пищи, Галина Ивановна относит к понятию “труд”, считая его исключительно вспомогательным средством для “работы”.

Тем не менее, в наших экспедициях значительную часть времени занимал все-таки труд. Из уважения к нему мы решили опубликовать фрагменты экспедиционного дневника 1990 года. Речь идет о поездке из Нияксимволя вверх по Северной Сосьве до ее истоков у озера Турват (расстояние между начальным и конечным пунктами составляет около 150 километров).

27 июня, среда

Наш дальнейший путь лежал в Усть-Манью, находившуюся выше по реке от Нияксимволя на 100 километров. Как обычно, по карте выяснить толком ничего не удастся, поэтому начинаются расспросы у празднично гуляющих по берегу: как добраться до Усть-Мани и вообще далеко ли до нее. Разброс мнений велик, правда, в итоге многих разговоров выясняется, что рассказчик там никогда и не бывал. Собеседники единодушны только в одном: на нашем тяжелом “Прогрессе-4” туда не подняться - слишком мелко, вода падает, перекаты (близок Урал), русла не знаем. Сколько же на своем веку мы слышали подобных разговоров, сколько видели разбитых лодок, моторов, винтов, сколько раз нас пугали и с каким наслаждением! Но “Прогресс”, пусть иногда и черепашным шагом, прошел все. А забегая вперед, скажу так: если я сегодня вспоминаю Усть-Манью, то, закрыв глаза, прежде всего вижу сверкающую на солнце, переливающуюся по камням Северную Сосьву и стоящий у берега под ярко-синим небом белый красавец “Прогресс”. Если бы на его место поставить легковые “Жигули”, то они не смотрелись бы более странно, чем наша лодка на таком мелководье. Скорее можно было бы допустить, что она спустилась на крыльях с неба, но никогда! - что она пришла своим ходом с самых низовьев реки.

28 июня, четверг

Утром не спешили - предстоящие сто километров не вызвали сомнений. Царило благодущие: вода высокая, мелей и перекатов в этом году не было. В несколько рейсов перенесли в лодку поклажу, два рюкзака с

лишней одеждой оставили в кладовой сельсовета. Вымыли лодку, аккуратно расставили багаж: кружки - на боковые полки, чайник - между передними сиденьями. День был солнечный, изрядно припекало, и я даже снял рубашку, пользуясь отсутствием комаров во время передвижения по воде.

На всякий случай тронулись осторожно, помня прошлогодние мучения, но уже вскоре дали полный газ и около часу дня слева по борту показался Яны-пауль: на берегу стояли лодки, старик Самбиндалов с зятем и ребятишками тащили к воде невод. Выше селения мы еще не были. По рассказам, где-то через пару километров ожидалась развилка - в Сосьву впадала Лепла, и мы помнили, что наш поворот - направо. Несмотря на напряженное внимание, развилку мы не заметили и еще полчаса катались взад-вперед по Лепле, прежде чем обнаружили, наконец, узенький проход, проскочив который, вновь оказались на Сосьве. Часа полтора после этого неслись на полных оборотах. Река едва достигала в ширину 15 - 20 метров и постоянно петляла.

Где-то в третьем часу дня прозвучал первый тревожный сигнал: на ровном месте налетели на перекат, сорвали шпонку у винта, мотор взревел и заглох. Течение было сильным, резко потянуло назад и сразу стало видно, что вокруг хорошо просматривается дно на глубине не более 70 сантиметров. Поставив лодку кормой к берегу, подняли мотор для замены шпонки: с помощью молотка и топора я отрубил от большого гвоздя стержень нужной длины и заменил им уже срезанный; закрепил винт шплинтом и - готово. Дело простое - были бы в достатке нужного диаметра гвозди.

Прикинули по времени пройденное расстояние - получалось, что до Усть-Маньи оставалось не более 25 - 30 километров. Мы еще не знали, что впереди долгие четырнадцать часов пути.

Поехали медленней, стараясь предугадать мели и камни. Я стал чаще смотреть слева от себя на воду, ориентируясь нередко по ее глубине и рельефу дна. Измаил также внимательно смотрел справа по своему борту. Так, переговариваясь, перешли на уже совсем малые обороты.

Неожиданно после очередного поворота перед нами предстала малопривлекательная картина. Вылетающая слева узкая река вдруг разливалась широко и обнажившаяся прямо по курсу каменистая полоска угрожающе говорила, что по середине Сосьвы не пройти. Основной поток воды с гулким ревом несясь вдоль крутого поворота берега слева от нас и ударялся в мощный ствол упавшей сосны.

Поначалу все же решили попробовать пройти прямо по центру, но уже через минуту пришлось глушить мотор - уровень воды едва достигал 20 - 30 сантиметров. Нас быстро отнесло назад и мы приступили к отработке второго варианта. Обороты мотора самые малые, управлять лодкой приходится стоя, чтобы раньше заметить спрятавшийся под водой камень. Тело согнуто, палец левой руки постоянно чувствует кнопку, готовый мгновенно заглушить мотор. Течение столь стремительно, что иногда даже с работающим двигателем стоим на месте; осторожно прибавляем обороты и потихоньку обходим ствол сосны, бортом отодвигая ее ветви. Опыт подсказывает, что там, где мощное береговое течение, шума воды бояться не нужно - обычно, здесь достаточно глубоко. Нависающие ветви деревьев заставляют постоянно пригибаться, и завершает все ослепительное, бьющее в глаза солнце.

Удачно пройдя метров пятьдесят, неожиданно оказываемся в тупике: справа обнажился пережат, налево - резкий поворот, но, очевидно, мелко. Винт начинает цеплять камни, пространства для маневра практически нет, как и времени подумать. Измаил наваливается на нос лодки, пытаясь приподнять корму, следует толчок, резкий скрежет, мотор истошно взывает - сорвана шпонка! Безжизненный винт рушит наши надежды. Не успеваем обернуться, как мощный удар по корпусу лодки едва не сбрасывает нас в воду, судно разворачивается, еще один удар о ствол сосны - прыгая через рюкзак, пытаемся поднять мотор, чтобы уберечь редуктор, но уже все тихо, все спокойно: мы в ловушке. Осматриваемся: под углом 45 градусов к берегу в воде лежит сосна длиной не менее семи метров, верхушка ушла на дно, а нас держит, словно в мешке, мощное основание дерева.

При сорванной шпонке винт на движение не работает. Пытаемся заменить ее прямо на воде, стоять приходится на скользком покачивающемся стволе, гребной вал мотора находится под водой, и вслепую дело совсем дрянь. Перспектива незаманлива: мокрые ствол и подошвы сапог - одно неосторожное движение и свалишься в воду, и тогда зажмет между кормой и сосной либо течением затащит под ствол, голову не уберечь, захлебнешься. Еще долгие годы местные жители будут рассказывать о духе воды *Vim-hone*, утащившем на дно неумелого "научника".

Нужно было как-то выбираться, причем лодку предстояло вытаскивать против мощного течения. После перекура и раздумий, понимая, что помощи ждать неоткуда, начали заниматься чистой эквилибристикой: прижали лодку к стволу, я прошел почти к макушке, равновесие держать трудно - втыкаю в дерево топор, вот и опора; прохожу два шага, вынимаю лезвие топора, всаживаю его дальше, делаю еще шаг. Другой рукой пытаюсь тащить лодку за ручку носовой части. Измаил, постоянно соскальзывая со ствола, старается толкать лодку сзади, используя ее одновременно в качестве опоры. После ряда усилий нос лодки находится ближе к верхушке сосны, в то время как я, погрузившись по колено в воду, стою на ее чешуйчато-скользких сучьях. Дальше дороги нет, в одиночку же толкнуть лодку хоть на метр вперед Измаил не может. Сдаем немного назад. Держась за лодку, долго обрубая мокрые ускользающие ветви, затем саму верхушку, укорачивая препятствие примерно на метр. Увы, это ничего не меняет. Еще один вариант: встаю на конец ствола и начинаю поднимать нос лодки вверх, пытаюсь завести его на ствол. Лодка собственной тяжестью придавливает дерево, а Измаил, упираясь в корму, пытается разворачивать судно на сосне до тех пор, пока оно полностью не перевалится через почти ушедшее под воду дерево. Тяжесть отчаянная, подбадриваем друг друга криками и, наконец, обессиленные, насквозь мокрые, валимся на дно лодки, оставляя позади недовольно покачивающую стволем сосну. Уже через мгновение вскакиваем и судорожно начинаем грести и толкаться веслами, направляясь к берегу, иначе понесет, и очнешься уже на пару километров ниже по реке.

Повторяем все сначала: поднимаем мотор, ставим лодку кормой к берегу, снимаем винт, выбиваем срезанную шпонку. Пока Измаил развязывает мешок с инструментами, начинаю поиски заветных гвоздей. Еще в Няксимболе я подобрал несколько образцов нужного диаметра и спрятал их

в карман одного из рюкзаков. Стоит ли говорить, что именно этот рюкзак оказался в числе двух, оставленных в поселке. Ситуация сразу приобрела мрачную окраску: в наличии оставался один гвоздь, это три шпонки, по такой воде далеко не уйти.

Начинаем еще раз: осторожно огибаем ствол сосны, проходим буруны, пытаемся вывернуть налево - скрежет, визг мотора, сорвана шпонка. Мгновенно хватаем весла и чудом успеваем увернуться от сосновой западни. Еще две безуспешные попытки в течение получаса - и вот мы уже сидим на берегу, спешить некуда, день клонится к вечеру и положение отчаянное. Нет гвоздей и совершенно неясно, как проскочить злополучное место. Километрах в семи ниже по реке мы видели сколоченный рыбаками навес, придется сплавляться до него и искать старые гвозди. Разговор не идет, чувствуется смертельная усталость, подавленность, да и обсуждать нечего. Есть не хочется, хотя не обедали. Измаил курит, я уныло перебираю мусор в трюме, вынимая ржавые гайки, болты, клепки, тонкие гвозди - все пустое.

Так прошел, наверное, час. Неожиданно в вечернюю тишину начали вторгаться какие-то дальние звуки. Еще через несколько минут стало ясно, что снизу идет лодка. Настроение поднялось, воспрянули духом. Привели себя в порядок, стали ждать. Звук мотора приближался, потом он как-то сразу разбился на два и, к нашему удивлению, одновременно - снизу и сверху - показались две лодки. Мы подняли весло и через минуту радостно жали руки своих спасителей, раздавали сигареты и делились впечатлениями от реки. Из Усть-Маньи в Няксимволь спускались старик Самбиндалов и какой-то крупный мужчина, изучающий возможности организации здесь международного туристического маршрута. Навстречу им поднимались также двое: старик Саловар и некто Женя, оба изрядно навеселе. Прошлым летом мы видели мельком Саловара в Яны-пауле, но по местным понятиям, это все равно, что старые друзья. Оба экипажа шли на легких деревянных лодках-горнячках, приспособленных словно скользить по речным перекатам. Самбиндалов пожертвовал нам пригоршню гвоздей и поспешил продолжить свой путь. Саловар с Женей не торопились, уверяя, что злополучный поворот они проскочат одним махом. Поскольку русла мы не знали, Женя пересел к нам, а Саловар двинулся вперед один. Мы заворожено смотрели, как он, искусно лавируя, обогнул сосну, прошел поворот и скрылся из глаз. Настала наша очередь, Женя сел за руль и... его постигла известная участь. Мы лихо увернулись от сосны и пристали к берегу. Стало совсем грустно: оказалось, мы шли там, где надо, просто пройти по руслу сегодня уже было невозможно. Вода падала, и если еще три дня назад мы бы не обратили внимание на этот перекат, то сейчас он стал для нас в полном смысле камнем преткновения.

Женя, однако, не терял надежды. Человек лет сорока с небольшим, невысокий, волосы светлые, неопрятная борода, масса морских наколок, вытянутые на коленях трико, расстегнутая на груди рубашка - он представлял собой хорошо знакомый тип русского мужика, которому "все по колено", который много не думает, но все знает, за все берется, но мало что доводит до конца, словом, живет легко, весело и бестолково. Когда-то, по его словам, он ходил матросом в заграниплавание и с тех пор в нем не утихла морская душа.

Еще дважды мы штурмовали перекат, но как-то безвольно, шпонки горели на глазах. Решили пробиваться по середине реки. Было понятно, что на моторе не проехать, следовало попытаться протолкнуть лодку на руках. Сняли совсем уже мокрые брюки, носки, надели сапоги на босу ногу, остались в трусах да штормовках. Не жарко, купаемся, почитай, весь день, но работа греет. Почувяв открытое тело, налетели комары. Поливаем ноги "Рефтамидом", его сразу смывает вода, вновь орошаем себя - и так весь вечер. Время уже потянулось к полуночи, опустились серые сумерки, но видимость была хорошей. Темной ночи как таковой в июне на Севере не бывает, поэтому мысль о ночлеге не возникала.

Женю отправили пешком по берегу, завели мотор, проехали, сколько могли, вперед, выключили двигатель. Мотор, чтобы не цеплял камни, подняли и выпрыгнули из лодки. Измаил толкал с кормы, я шел вперед, по-бурлацки обмотав руку носовым фалом. Пройти предстояло метров семьдесят, но против течения, да и вес груженной лодки доходил до 400 кг. В некоторых местах днище скребло по камням, лодку то и дело приходилось сталкивать с возникшего на дороге валуна, крутить из стороны в сторону, пытаясь удержать носом против течения. Было уже не до комаров, сочувственно летающих вокруг.

Рубеж был взят, хотя против течения лодку толкали впервые. Женя запрыгнул к нам, тронулись дальше. Шли на малых оборотах, с присутствием лишнего пассажира скорость совсем пропала. Наш спутник без умолку болтал, подавая советы на каждый метр пути. Хотелось въехать в берег.

Так прошло еще три часа. Несколько раз выбирались из лодки и тащили ее на руках. Изрядно помучались на последнем перекате. Заранее подняв мотор, толкали лодку в узком проходе между двумя каменистыми островками. Сразу за ними было глубоко. Перевалившись через борт, Измаил мгновенно бросался к мотору, пытаясь опустить его в воду. Женя, воткнув весло в дно, пытался удержать лодку, а я - включить мотор, стараясь уйти от переката, на который несло со страшной силой. Пять попыток, по уши в воде, на груди ссадины от острого борта лодки.

Перекаты и мели шли бесконечно, и казалось, что нам суждено провести здесь всю жизнь. Преследовала мысль, что Усть-Маньи нет, это призрак, мы идем в никуда. В три часа стало совсем светло. Все чаще встречались отвесные скалы, затем по левому борту потянулся мощный глиняный яр, за вершину которого судорожно цеплялись сосны и, не удержавшись, многие бежали вниз и падали по дороге.

"Хо-хо", - прохрипел Женя, - "осталось километра два". Вглядывались напряженно вперед, надеясь за каждым поворотом увидеть крыши домов; повороты оставались позади, а деревня словно навсегда исчезла с этой планеты.

Река стала уже и глубже. Женя подгонял, уверяя, что здесь безопасно и я прибавил обороты. "Заяц, заяц! Смотрите, заяц!" - вдруг закричал моряк - любитель животных и, показывая рукой на песчаную отмель справа, засвистел. На берегу действительно сидел заяц, не обращая внимание на старого морского волка. Взревел мотор, и за километр до цели полетела шпонка. Проклиная любителя природы, подтянули лодку к топкому берегу. Винт долго не снимался, нещадно стучали по нему молотком, через раз

попадая по пальцам. "Дальше доберетесь сами, я пошел", - устало произнес Женя и скрылся с глаз.

За поворотом действительно показались дома, вытянувшиеся в одну линию по правому берегу - серые избы на фоне темного леса. От воды поднимался низкий туман. Поселок спал, ни дымка, ни лая собак. Было четыре часа утра. В мокрой, прилипшей к телу куртке как-то сразу стало холодно.

Последние полкилометра тянули лодку волоком. Монотонное шествие прерывалось, когда "Прогресс" застревал между двумя валунами. Лодку раскачивали, приподнимали, разворачивали. Освободившись, она обязательно вставала поперек течения. Измаил до пояса провалился в яму, стал взбираться на борт, в это время я рванул лодку вперед, и он полетел спиной в воду. Сил возмущаться уже не было.

Так и брели до первого дома. Оркестр молчал. Цветов и свидетелей триумфального финиша не оказалось.

29 июня, пятница

Впечатление о спящей деревне оказалось обманчивым. Из-за угла вагончика, стоявшего на пригорке, вынырнул незнакомый мужик и направился к нам. Это был Женин сосед, Николай, человек примерно того же возраста и внешнего вида: мятые холщовые брюки, клетчатая рубашка под линялой штормовкой, давно не чесаная борода. Глаза бегали по сторонам, ощущая незнакомцев, их лодку, поклажу, стараясь отыскать спиртное. Женя, прежде чем повалиться на кровать, успел предупредить о прибытии гостей и отправил соседа позаботиться о нашем ночлеге. Оказалось, что мы пристали к берегу прямо напротив дома Саловара, но он еще не вернулся. Как выяснилось позже, он немного не дотянул до поселка, открыл припрятанную в кустах банку браги, попробовал степень ее готовности и лег спать в лодке, обернувшись полиэтиленовой пленкой для защиты от комаров и возможного дождя.

Береговой вагончик был переделан под баню, на дверях висел массивный замок вместе с ключом. Николай рекомендовал нам устроиться в доме Саловара, все равно же дверь не заперта, но мы не решились переступить порог квартиры без ее хозяина. Вещи перенесли в предбанник, развели на берегу костер и поставили чайник. Уяснив, что на опохмелку не выгорит, Николай ушел спать. Комары продолжали беспокоить, и мы решили завтракать в бане, разложив кружки, хлеб и консервы на чистых полках. Переоделись в сухую одежду. Вдыхая сыроватый запах березового веничка, пили чай и ждали Саловара.

Около шести утра в дверь забарабанили, мы выглянули наружу и столкнулись с заспанным и помятым Саловаром, громко возмущавшимся, что дорогие гости брезгуют его гостеприимством.

Дед жил в другом вагончике с пристроенными к нему сенями и сараем для коровы. В ограде было засеяно несколько грядок, стояли пустые бочки и поленицы дров. Дом состоял из двух небольших комнат, в одной жил Саловар, другая служила пристанищем частым гостям старика.

Саловар, а точнее, Саловаров Виктор Петрович, уже несколько лет был на пенсии. Жизнь изрядно помотала его по бескрайним просторам

Севера, под старость остался один, но еще охотился, рыбачил, держал хозяйство и даже, говорят, ездил иногда за много километров к одной "солдатке". Разбросанные черные с проседью волосы, окладистая борода, живые глаза, усыпанная шутками-прибаутками речь - все в нем было очень красиво. Из него исходила какая-то невероятная любовь к жизни. Он не мог сидеть на месте ни минуты, все время куда-то бежал, хлопотал, беспокоился о гостях, кошках, собаках, корове; он давно отвык думать только о себе.

Саловар отвел Измаила к Жене, оставив меня в своем доме. Поставив полог над кроватью, я стал быстро раздеваться. После долгой езды спина и руки нещадно ныли, хотелось скорей забыться.

Глаза закрылись. Неожиданно рядом заорал петух, сидевший в углу комнаты вместе с одноногой курицей. Днем старик выпускал их на улицу, а на ночь загонял в большую деревянную загородку прямо в квартире. Петух, выдерживая минутные паузы, орал вдохновенно и радостно. В голову словно вбивали глубже и глубже тупой гвоздь. Брошенный сапог еще больше возбудил певца, он как-то причудливо выругался и заголосил в полную силу. Какой тут сон! Пришедший в десять утра Измаил застал меня за столом: умывшись, я мрачно поправлял дневниковые записи.

Мы вышли на улицу. В яркий солнечный день окрестности смотрелись привлекательней. Тайга прижимала поселок к реке, и с постройкой домов Усть-Манья все более вытягивалась вдоль берега Сосьвы, практически не пытаясь потеснить вглубь могучий сосновый бор. Преобладали двухквартирные дома, вагончики и мансийские избы составляли явное меньшинство. Поселок служил пристанищем вахтенным рабочим, которых в нужные сроки забирал и возвращал вертолет.

Завтракали и обедали у Жени. С женой Ларисой они приехали сюда два года назад, оставив в Москве квартиру дочери. Что привело их в эту глухомань - они не говорили, но если Женя быстро стал своим, то Ларису иначе как "москвичкой" не называли. Первой в поселке она стала высаживать возле дома цветы, одевалась по-городскому и окончательно сразила всех тем, что круглый год купалась в реке, вода в которой большую часть времени просто ледяная.

За разговорами прошел день, попутно Измаил выяснял возможности дальнейшего пути. Мы стремились на озеро Турват, где по рассказам, жили две мансийские семьи, сохранившие традиционный уклад и образ жизни. Предстояло подняться вверх по реке около тридцати километров до так называемой Стрелки - места слияния Большой и Малой Сосьвы. По последней до озера оставалось немногим более двадцати километров. Было ясно, что "Прогресс" придется оставить в Усть-Манье и на чьей-нибудь "горнячке" подняться до Турвата. Вверх по реке нас вызвался отвезти Саловар, но ждать там ему было не с руки - надолго не отпускало беспокойное хозяйство. Оказалось, что на озере второй год разводят чернобурых лис, и сейчас там находился некто Валентин, к которому его начальник отправлял посылку с просьбой снабдить нас надувной резиновой лодкой, на которой мы могли бы сплавиться обратно. Валентин уже несколько дней не выходил на связь, и наша поездка была к стати.

На исходе дня тронулись в путь. Деревянная лодка и по размерам, и по грузоподъемности не была приспособлена для трех взрослых мужчин,

пришлось экономить на поклаже. Взяли два рюкзака с фотоаппаратами и немного пищи, спальники и палатку оставили в доме. Старенькому мотору "Ветерок-8" сил хватило только на то, чтобы пройти вдоль поселка, сразу за последним домом он заглох и, провозившись с ним полтора часа, сплывились на веслах обратно. Судьба нас берегла: ночью пошел проливной дождь и мы переждали ненастье под крышей, к тому же к утру в реке поднялась вода.

30 июня, суббота

Утром распогодилось, но еще часа два старик занимался с мотором, и выехали только в обед. Бензина взяли сорок литров с большим запасом на случай, если куда-нибудь придется ехать на Турвате. До Стрелки рассчитывали истратить не более 10 - 12 литров.

Сразу за поселком Сосьва разлилась широко, и глубина воды едва достигала 20 - 25 сантиметров. Винт на "Ветерке" крепится простым тонким гвоздем, и наехать на перекат не так страшно, как на нашем "Вихре". Часа полтора буквально крутились на одном месте, рвали гвозди, приставали к берегу и меняли их. Пытались пройти то левее, то правее, но Усть-Манья никак не хотела исчезать за поворотом. Только прибегнув к испытанному способу - тащить лодку волоком - стали продвигаться вперед.

Следующие несколько километров вознаградили нас за усилия: стало глубже и лодка шла почти без остановок. Появились горы, невысокие скалы с островками сбегающих сосен придавали пейзажу особенный колорит.

Саловар вел "горнячку" уверенно - за долгие годы он выучил русло наизусть. Идиллия, однако, продолжалась недолго. Пошли частые мели, тогда Измаил с середины лодки переместился вперед, а я налег всем телом на нос, пытаюсь немного приподнять корму с мотором. От носа лодки, рассекающего волну, прямо в лицо и на куртку неслись тысячи брызг. На перекатах выскакивали в традиционных нарядах и тащили лодку с сидевшим в ней Саловаром, готовым завести мотор и уйти на сравнительно глубокое место. Продвигались медленно, тело от долгого сидения ныло, хотелось выпрямиться во весь рост, но это было чревато потерей равновесия.

В седьмом часу вечера остановились на галечной косе. Старик сказал, что до Стрелки осталось немного, поэтому решили костер не разводить, а перекусить сухим пайком. Банка тушенки, банка кабачковой икры, хлеб - ужин на троих. Для поднятия духа моториста Измаил достал бутылку лимонной настойки, которая после серьезной дегустации получила высокую оценку.

Оказалось, что двадцатилитровую канистру мы уже израсходовали, в запасе оставалась вторая и это не вызывало беспокойства, хотя было заметно, что сильно перегруженная лодка и постоянное движение против сильного течения резко увеличили расход бензина.

Еще через час наше путешествие едва не закончилось преждевременно. Заглох мотор и, когда пристав к берегу, его подняли из воды, то обнаружили, что редуктор держится на единственном болте, тогда как остальные, вероятно, вследствие тряски по камням, вылетели на ходу. Попутно выяснилось, что канистра с бензином стала значительно легче. Увы, мы слишком поздно заметили, что бензонасос неисправен и часть горючего напра-

мую сливалась за борт. Стало очевидно, что может не хватить бензина. Мы старались отогнать эту тревожную мысль, но около десяти вечера мотор последний раз вздохнул и замолчал. Канистра была пуста, как пивная бочка летним вечером. День был на исходе, причалили к берегу. Солнце опустилось за лес, стало прохладно. Такого исхода не предвидел никто.

Голод и усталость пришли одновременно, отогнав попытки идти дальше и даже думать о подобной возможности. Следовало позаботиться о том, как провести предстоящую ночь. Саловар углубился в лес и среди деревьев расчистил место для костра. Хворост и береста были в избытке, и скоро языки пламени высоко подпрыгивали, стараясь ухватить низкие березовые ветви. В лодке был чайник, в рюкзаке тушенка и хлеб; котелок и лапша остались в Усть-Манье караулить палатку и спальники.

После ужина разговоры о том, что отдохнем вот так часика два и дальше в путь, куда-то исчезли. Саловар подбросил пару поленьев в костер, сунул под голову рюкзак, повернулся на бок и моментально заснул. Измаил крутился дольше, примеряя мой плащ то под себя, то в качестве покрывала, обильно поливал руки и одежду "Рефтамидом" и звал присоединяться.

Стало темно, дрова быстро прогорали, и сразу чувствовался ночной холод. В штормовке было зябко, приходилось постоянно поддерживать огонь, чтобы окончательно не замерзнуть. Последние надежды на сон безжалостно отгоняли комары, струя аэрозоля, спасающая от них, казалась ледяной. Оторвав кусочек бересты, стал сочинять коротенькое письмо, выдавливая ножом буквы, слова и складывая их в сухие предложения. Подобное занятие Измаил ласково называл "конспектом на родину".

1 июля, воскресенье

Уже июль. Середина лета. Середина дороги. День воскресный - рабочий. Разбудил спутников в семь утра, попили горячего чайку, вытащили на берег лодку и накрыли ее пленкой. Двинулись в путь с надеждой на недолгую дорогу. Как уверял Саловар, до Стрелки оставалось километра три. Это максимум. Может, меньше. У нас с Измаилом за спинами рюкзаки, в моем - три фотоаппарата, несколько баллончиков "Рефтамида", три бутылки водки, банки с тушенкой, хлеб, чай, полог и плащ. Старик идет бодро, налегке.

Марш был недолгим. Уже через полкилометра тропинка обрывалась - на пути вставала скала, налево она резко уходила вверх, а справа на протяжении сотни шагов омывалась темным течением воды.

- Ерунда, - сказал Саловар, - обойдем по горе. Не дожидаясь нас, ловко хватаясь за стволы и ветви деревьев, он стал карабкаться вверх и быстро скрылся из глаз. Изредка доносился его ободряющий голос, затем пропал и он. Мы не спешили присоединиться: сняв рюкзаки, сидели на пригорке, перебирая возможные в нашем положении варианты. Закончив курить, Измаил снял ботинки и носки, налегке подошел к воде и сделал несколько пробных шагов. Почти сразу его качнуло, затем еще раз и еще - скользкие камни и стремительное течение стремились уронить дерзкого путника, и Измаил почел за благо вернуться назад.

Посидели еще немного, но время шло и нужно было на что-то решаться. Надев рюкзаки, начали медленно подниматься в гору. Сразу стало жарко, а на душе тоскливо.

Склон изгибался круче, а вершина по-прежнему пряталась за деревьями и не спешила показываться. Сосьва уже давно превратилась в маленький извилистый ручеек, и с такой высоты стало неприятно смотреть вниз. Ноги гудели, все чаще задевая за корни и упавшие стволы деревьев, стучало в висках, рюкзак нещадно тянул спину.

Падать уже было далеко и долго. В просвете между сосен показался пик, за ним склон резко убегал вниз, вновь поднимался, и так повторялось несколько раз. Мы явно переоценили свои силы, оставалось красиво отойти. Со словами "альпинист Гемуев к полету готов" Измаил стал осторожно сползать вниз, постепенно ускоряясь с приближением к реке. Слалом продолжался: судорожно уворачиваясь от набегающих навстречу сосен, обламывая сухие ветви и прикрывая рукой глаза, я заспешил вниз с такой скоростью, что казалось по инерции смогу перебежать реку.

Долго не могли отдышаться. Тем временем, а было около десяти утра, потихоньку испортилась погода: ушло солнце, потянулись первые тучки, и лезть в воду окончательно расхотелось. Однако Измаил был настроен решительно, прекрасно понимая, что другой возможности попасть на Турват может больше не представиться. Он вновь разделся и пошел на разведку дороги вдоль скалы. Вернувшись, сообщил, что там совсем не глубоко и помаленьку можно пробраться.

Помаленьку и пробирались, левой рукой нащупывая выступы в скале, а правой балансируя в поисках равновесия. Сквозь темную воду слабо просматривалось дно, сплошь заваленное камнями. Попадались массивные валуны, забравшись на них, можно было передохнуть, но затем приходилось сползать, осторожно ставить ногу и делать еще один шаг. В некоторых местах вода достигала пояса, и куртку нужно было подворачивать как можно выше.

Наконец опять пошел ровный берег, и через полкилометра мы набрали на ожидавшего нас Саловара. Вид у него был усталый: поход через горы отнял много сил, но он по-прежнему уверял, что выбрал лучший путь, что мы напрасно не присоединились к нему, а предпочли мокнуть сами, мочить одежду и вещи.

Затем опять шли вместе по узкой полоске берега, усеянной разнокалиберной галькой, и тело постоянно бросало из стороны в сторону. Вновь выросли скалы, но пробираться под ними предстояло уже метров триста вдоль пологого поворота. Старик решительно отказался идти за нами, сказав, что попробует потихоньку перейти на другой берег. Ждать его не стали и сразу двинулись вперед. К концу водного перехода погода испортилась окончательно, небо затянуло, пошел дождь, который следовало переждать. На ветви дерева накинули плащ и сели под него, прижавшись друг к другу. Почти сразу со всех сторон начало подтекать, куртки намокли, стало зябко. Выпив по глотку водки, немного согрелись, просидев так больше часа. Дождь не переставал, небо окончательно затянуло, ждать было нечего. Двинулись под дождем в состоянии глубокой апатии, пройдя в таком настроении еще пару километров.

На пути опять встала скала. Я двинулся вдоль нее. Вода угрожающе поднималась уже выше пояса, рюкзак с трудом удерживался над водой, а резкий поворот не давал возможности увидеть - что дальше. Шедший сзади

Измаил сорвался с камня и упал в воду - это окончательно заставило нас протрезветь от дождя, усталости, реки, дороги и вспомнить о том, что жизнь действительно дается человеку один раз.

Пришлось перебираться на другую сторону. Вода едва закрывала щиколотку, но течение было столь стремительным, что внимание приходилось уделять каждому шагу. Смотрели - куда поставить ногу, чтобы не оступиться на скользкой гальке, равновесие удерживалось большими усилиями, и ноги постоянно пытались убежать от тела вниз по реке.

Нудный дождь сопровождал нас и дальше; еще километра два брели по правому берегу, иногда натываясь на следы старика. Наконец, и они исчезли вместе со стариком и мифической Стрелкой. Мир вокруг нас стал совсем чужим, словно, люди остались где-то очень далеко, и мы оказались на другой планете, уходя в совершенное никуда.

Перешли на левый берег, поднялись по яру и углубились в лес, мечтая об укрытии и тепле. Между деревьев нашли кострище, могучие ветви прикрывали нас от дождя и мы решили немного передохнуть. Развели костер, на огне подогрели тушенку, на высокие колья повесили сушиться одежду. Прислонившись к сосне, Измаил уснул, измученный дорогой.

Я пошел на разведку, проваливаясь по мокрому песку и переходя бесконечные, извилистые ручейки. Довольно скоро увидел след сапога, потом следы пошли чаще - было видно, что старик проходил здесь не так давно. Вернулся назад и разбудил Измаила. Собрали вещи и уже с некоторой надеждой вновь побрели вперед. Дождь почти прекратился. Река делала широкий поворот, и вдалеке мы увидели сидящую на камне маленькую фигурку старика. Опять шли в гору, пробирались в воде под скалой и, наконец, добрались до нашего спутника, такого же мокрого и уставшего, но еще более голодного.

Оказалось, что Стрелка рядом, по хорошей дороге километр пути. У высоких скал здесь сливались Малая и Большая Сосьва, нас интересовала первая, но вдоль ее берега дороги не было. До дома Самбиндалова считали около 12 километров пути, а напрямую - через болота и по горам - выходило всего только восемь. Поднялись наверх и двинулись по узкой тропинке среди густых зарослей деревьев. Почва под ногами хлюпала, тяжело вздыхала, проваливалась, было грязно; шли на "автопилоте". Старик - впереди, на метр сзади след в след шел я, опустив голову и видя перед собой только его сапоги. Измаил почти сразу отстал, заявив, что теперь можно и не спешить. Через час пути остановились на перекур, устроившись на стволе поваленной ветром осины. Измаила все не было. Пошел обратно и через километр нашел его все так же сидящим на мокром стволе с папироской в зубах. Начальник просил не беспокоиться, выполняя данное слово не спешить, а мы-то уже подумали - сердце или мало ли чего, место глухое, всякое бывает.

Следующий час шли с Саловаром быстрее - надвигалась ночь, снова зарядил нудный дождик, хотелось скорей добраться до дома. Задержало мокрое болото: неуклюже прыгая с кочки на кочку, скользя по влажной траве, набрали полные сапоги воды, а я ведь давно не упоминаю о комарах. В трудную минуту они всегда были рядом.

Тропинка совсем пропала, заваленная деревьями, брели больше наугад, так как старик не был в этих местах несколько лет. На исходе третьего

часа пути с горы где-то далеко внизу увидели реку и на другой стороне постройки. Спустились вниз, перешли глубокий ручей, продрались сквозь высокую траву и кустарник и остановились на берегу. Река - ерунда, шириной на семь метров, за ней - дом, там живут люди и бегают собаки. Но течение жуткое, нечего и пытаться, собьет на первом шаге, и начнешь считать головой по дну уральские камешки.

- Э-эй! - закричали мы со стариком изо всех сил. Из дома вышел человек, прыгнул в лодку, оттолкнулся пару раз шестом и оказался рядом с нами. Это был Алексей, семнадцати лет, старший сын Владимира Петровича, хозяина дома. Он остался за главного, пока отец ставил сети на озере.

Было около полуночи, когда мы вошли в дом. Приготовили чай, Леша поставил на стол миску свежесоленого хариуса и тарелку с хлебом. Пока развешивали мокрую одежду и разбирали поклажу, Алексей отправился за реку навстречу Измаилу. Уже через час мы ужинали вместе.

Изба была однокомнатная, но просторная. Сразу у входа стояла железная печка, у единственного окна - стол и две лавки, у задней и правой стены - три топчана. На одном из них кашляла и что-то глухо по-мансийски проговаривала старуха - мать Владимира Петровича. Монотонное бормотание то становилось угрожающим, то резко стихало, долго тянулось на заунывной ноте и так практически без пауз, пока сон окончательно не сморил нас.

2 июля, понедельник

Проснулись около десяти утра. Леша уже наловил рыбы, была готова уха, и стоило поспешить. День обещал быть жарким. На берегу реки, видимо уже давно человек отвоевал у тайги небольшой участок земли, на котором уместились дом, маленькая летняя кухня, лабаз на четырех ножках и навес, под которым сушилось нарезанное тонкими ломтиками оленье мясо. Сразу за горой жила еще одна семья, откуда посмотреть на гостей пришел брат Владимира Петровича - Роман, мужчина лет сорока пяти, хромой, его подслеповатые глаза прятались за треснутыми стеклами очков. Работой он обременен не был и охотно согласился отвести нас на Турват. Прямоком по болоту туда считали шесть километров.

Вышли после обеда. Саловар договорился с Лешей вернуться на лодке последнего в Усть-Манью и по пути забрать лодку старика. Мы тепло попрощались и перешли под опеку другого проводника. Все эти годы нам удивительно везло на дорожных спутников, люди радушно принимали нас и считали необходимым сопровождать в любом дальнем маршруте, не считаясь с собственным временем.

Роман налегке, опираясь на палку, не спеша идет впереди, наши большие рюкзаки не располагают к столь плавной прогулке, но торопить не принято. Тропинка забирается в гору и выходит на широкий глинистый зимник, развороченный тяжелыми лесовозами. Обходим бесконечные лужи и ручейки, сапоги вязнут в глине и плечи ноют от безжалостных лямок рюкзаков. Делаем привал, устроившись на стволе сосны, коих во множестве повалено вдоль дороги. Разговор обычный: сколько прошли, сколько осталось; папиросы докурены, снова в путь. Сворачиваем налево в лес на мокрую и узкую тропинку, прыгаем по кочкам, часто проваливаясь по

щиколотку в болотную жижу. Со всех сторон - глухой лес, тишина нарушается лишь звоном комаров. Неожиданно лес расступается и перед нами открывается большое поле, в котором явно чего-то не хватает и от этого сразу возникает неприятное ощущение. Нам предстоит переход по мокрому болоту, это оно и есть, необходимо идти точно в след Роману, иначе беды не миновать, скот тонул здесь не раз. До кромки леса на другой стороне метров триста, все ходит ходуном и чем-то нежилым веет от этого пейзажа. Вокруг все мертво и даже не кружатся птицы.

После болота тропинка вывела нас на поляну, где стояли бочки с соляркой, здесь иногда садился вертолет; за площадкой виднелся новый дом, поставленный в этом году. Перед ним был устроен навес, в примитивном очаге горел огонь. Навстречу нам поднялись двое: сам хозяин, Владимир Петрович Самбиндалов, и его младший сын, окончивший пятый класс и проводивший лето с отцом. Внутри дома, построенного рабочими леспромхоза, было пусто, только в дальнем углу находились нары. Сели ужинать в темноте, так как не нашлось даже свечи. Мы выставили бутылку "Пшеничной", хлеб, чай, сахар, хозяин - котелок ухи. Разговор шел трудно: хозяин сначала отнекивался, уверяя, что "старинного" уже ничего не осталось, потом и вовсе на нас повеяло какой-то напряженной агрессивностью, перемежавшейся возгласами: "Я - хозяин Турвата, захочу - покажу, захочу - нет". Ложились спать в подавленном состоянии: так далеко забраться, столько отдать сил - и все напрасно? Роман, как мог, ободрял нас и обещал содействовать.

3 июля, вторник

Утром хозяин оказался более покладистым и согласился показать нам местное мансийское святилище. Берег озера был совсем рядом, и к нему через лес вела узкая тропинка. Озеро Турват в ширину едва достигает километра, но далеко разбегается в длину, так что его правый край уже теряется за тонкой полоской леса. На противоположной стороне открывается панорама Уральских гор, куда в летний период уходят со своими стадами манси-оленоводы.

Пока снаряжали "горнячку", откуда-то справа послышался шум мотора, и вскоре мы увидели медленно приближающуюся лодку "Прогресс" с изрядно помятыми и облезлыми боками. Подъехавшего звали Валентином, он держал здесь ферму чернобурок и именно к нему у нас было письмо из Усть-Маньи с приветами и просьбой помочь резиновой лодкой на обратную дорогу. Цель приезда мы не объясняли, сказав только, что нам необходимо сделать для новой книги несколько снимков озера и Уральских гор.

Тем временем Владимир Петрович установил мотор и погрузил в лодку нашу поклажу. Большая "горнячка" легко вместила хозяина, нас двоих, Романа и мальчишку. Шли на малых оборотах, так как озеро было мелкое, и винт постоянно цеплял траву. Встретивший нас берег оказался болотистым, пришлось часть пути прыгать по кочкам, затем тропинка стала посуше, а лес пореже, и некоторое время спустя сквозь стволы деревьев мы увидели первый амбарчик, стоявший на одной опоре: домик покосился и был готов упасть. Амбарчиков оказалось три, с десятков метров отделял их

один от другого, и было хорошо заметно их возрастную разницу. Два первых оказались пустыми. Остановились и развели костер у третьего. *Сумьях* был установлен на кедровом пне и выполнен из колотых плах; на четырех углах строения были прибиты вертикально установленные столбы, причем на макушках передних были вырезаны личины злых духов *менквов*. Передняя стенка амбарчика с небольшим квадратным оконцем в середине одновременно выполняла и роль дверцы, удерживаемой поперечной тонко выструганной палкой, продетой сквозь отверстия в боковых стенах. Рядом на траве лежало бревно с выемками, служившее лестницей. Приставив его к амбарчику, Владимир Петрович забрался повыше, убрал перекладину и снял дверцу. В отличие от большинства предыдущих посещений подобных культовых мест, здесь хозяин категорически запретил вынимать фигуры духов-покровителей. Разрешено было лишь подняться по бревну и заглянуть внутрь, где прислонившись к задней стене “сидели” *Нер-ойка* и *Чохрын-ойка*. Еще до войны святилище было ограблено и наиболее ценные приклады унесены.

После традиционной совместной трапезы - *пурлахтын*, во время которой угощение в первую очередь было поставлено духам, Измаил еще долго продолжал расспрашивать хранителя места обо особенностях обряда посещения, а я фотографировал амбарчики, снимал их размеры, рисовал план ритуальной площадки.

Наконец дверцу установили на место, положили лестницу и двинулись в обратный путь. На другом берегу озера нас уже ждал Валентин, у ног которого лежала ярко-оранжевая резиновая лодка. До дома Самбиндалова было рукой подать, но мы решили провести тренировку навыков вожделения и сплавиться на километр вниз по Малой Сосьве.

Река сонно вытекала из озера, достигая в ширину шести-восьми метров, и часто петляла в зарослях мелкого кустарника. Можно было не грести, лишь изредка приходилось отталкиваться единственным веслом от берега или нависших над водой деревьев. Где-то через час мы заметили небольшой домик - баню, причалили и вышли прямо на летнюю кухню, где хозяева и Валентин ужинали с бражкой. Мы собрали вещи и из двух молоденьких сосенок вырубili два шеста, зная, что вскоре река превратится в бешеный скоростной поток и весло делу не поможет. Нас приглашали выпить чаю и остаться на ночь, но уже наступал вечер и нам предстояло 12 километров пути по горной реке. Услышав отказ, нам стали пророчить разного рода напасти - что мы не доберемся до места, обязательно перевернем лодку и вообще мы “такие-сякие”, и нам “никогда”, а вот он, Самбиндалов, “запросто” и “хоть сейчас”.

Рюкзаки поставили на дно лодки, и сразу стало тесно; я сел впереди на поперечное деревянное сиденье, а Измаил устроился сзади прямо на днище. Первый километр река спокойно катила свои воды, любое движение шестом по воде вызывало быстрое вращение лодки на месте и потому мы старались сидеть, не двигаясь. На одном из поворотов упавшая береза перегородила реку, пришлось выбираться из лодки и переваливать ее через ствол. Мы уже начали уставать от монотонного движения, как где-то в стороне послышался шум, постепенно усиливающийся при нашем приближении. Очевидного наклона местности не ощущалось, но скорость те-

чения реки стала увеличиваться прямо на глазах. Еще немного и нас рвануло вперед, что отдаленно напомнило самолет на взлете: медленно катится по полосе, замирает, затем угрожающе взрывают моторы и вдруг он, словно неведомой силой срывается с места.

Мы пролетели оставшиеся десять километров, наверное, за час. Река постоянно петляла, вряд ли более пятидесяти метров нам удавалось проскочить по прямой и - новый поворот; слева и справа - скалы, а на пути масса выглядывающих из-под воды валунов. Увернешься от скалы - налетишь на камень, успеешь отвернуть - и уже несешься на скалу, с ужасом понимая, что времени для маневра нет, успеть хотя бы поставить шест, да побережь голову. Охвативший вначале страх быстро сбился азартом, да и не было секунды подумать о нем, все внимание занимало движение. Моя спина мешала Измаилу видеть что-либо впереди, и потому приходилось кричать. "Влево!" - и мы лихорадочно начинали отгребать шестами, пытаясь слева проскочить мимо торчащего по середине реки камня. "Вправо!" - неистово ударяя шестами по воде, пытаемся увернуться от стремительно вылетающей из-за поворота скалы. В последнее мгновение успеваем подставить между скалой и лодкой шест, силой упираемся, и лодка начинает вращаться вокруг оси, и ничего не видно в этом бешеном мельканье, как вдруг удар, крики... и тишина. Мы намертво, всем днищем, сидим на валуне и молим Бога, чтобы оно осталось в целости и сохранности, а ведь на днище сидит Измаил, ощущая многострадальным телом коварный рельеф дна.

Где-то в середине пути стало заметно, что из нашей надувной лодки понемногу выходит воздух, пришлось пристать к маленькому островку и провести профилактический осмотр. Все было в норме, поработали помпой, перевели дыхание и снова устремились в бешеный поток.

На полной скорости, едва не пролетев мимо, выкатили на берег у старого дома Владимира Петровича. Забрали из лодки вещи, перевернули ее на траве и вошли в дом. Приближалась ночь, сил ужинать не было, только горячий чай - и сразу в спальники под пологи.

4 июля, среда

Встали рано и за завтраком решили после полудня продолжить путь по реке. До Усть-Маньи оставалось около 40 километров. Но прежде было необходимо посетить дома, располагавшиеся за горой. Тропинка была хорошо натоптана, и мы легко достигли цели. На небольшой площадке, окруженной лесом, стояло несколько строений - три дома и хозяйственные амбары на четырех ножках. В самом маленьком доме жил почти слепой старик Дмитрий, в другом - Степан с женой и шестью детьми - мал мала меньше. Поодаль стоял большой дом, в котором, судя по всему, летом не жил никто.

Солнце поднялось уже высоко, а Дмитрий еще спал. Жизнь текла размеренно, по известному порядку и торопиться не стоило. Пришлось нарушить его сон. Не вставая с постели, он долго вглядывался в нас, стараясь и рассмотреть, и понять, кто мы такие, какие черти нас принесли; но добрые слова, приветы от общих знакомых, предложенная сигарета быстро смягчили обстановку. Пошли разговоры - больше о погоде и видах на осенний сбор ягод, так как охотой он уже не занимался. Постепенно мы нажи-

мали на него с просьбой посетить старый дом и заснять на пленку его интерьер. Наконец Дмитрий, накинув пиджак на рубаху и натянув сапоги (в остальном он так и спал), вышел на улицу.

Дом, к которому было приковано наше внимание, стоял на окраине поляны, слева к нему вплотную подбирался молодой березняк. Глухие сени вели в большую комнату: слева у двери - железная печка и стол у окна, у окна справа - большая кровать. Еще одна кровать стояла у задней стены, над ней была сооружена широкая полка, закрытая занавеской. Справа от кровати, на тумбочке, один на другом, стояли два закрытых на замки сундука. Было понятно, что там, равно как и на полке, находится масса интересных вещей, но торопиться не стоило. Сели за стол, пошел обычный разговор, умело направляемый Измаилом в нужное русло. Дмитрий не заставил уговаривать себя долго и разрешил отдернуть занавеску в сторону. На полке находилось несколько мешков размером с большую подушку. Один из них был сшит из оленьей шкуры, остальные - из ситца и хлопчатобумажной материи. Рядом "сидели" три антропоморфные фигуры. Изготовлены они были достаточно традиционно: несколько рубаш надели одна на другую и перевязали поясом; голову оформили островерхой шапкой, сшитой из разноцветных клиньев сукна и повязанной платками.

Неожиданно тяжелым оказался мешок из оленьей шкуры, в котором хранился *Евтымс-ойка* - покровитель всех Самбиндаловых. Дважды в год они съезжались сюда на жертвоприношение: выставляли *Евтымс-ойку*, в честь которого убивали оленя, подносили подарки и возносили молитвы. Фигура духа-покровителя, состоящая из множества одежд, отличалась внушительными размерами, и ее вес приближался к двадцати килограммам. Увы, узнать, было ли что-то у нее внутри, нам не удалось. Не пришлось заглянуть нам и в сундуки, находившиеся в доме. Они принадлежали Владимиру Петровичу, а опыт общения с ним не позволял надеяться, что здесь он пойдет навстречу.

В четыре часа дня пустились в обратный путь. Первые девять километров шли по Малой Сосьве, река становилась шире, скорость течения уменьшилась, прибавилось мелей с хищно выглядывающими из-под воды мелкими острыми камнями, готовыми при малейшей нашей оплошности разодрать дно лодки. Некоторые повороты оказались твердым орешком, и нередко мы не успевали отвернуть от стремительно налетевшей скалы. Выручал опыт. Вокруг было хорошо: невысокие горы, заросшие ельником, обступали петляющую речку, вспыхивающую серебром в лучах яркого июльского солнца.

После Стрелки вышли на Большую Сосьву, или просто Сосьву, и скорость течения сразу упала. Река неспешно несла лодку, и мы наслаждались покоем, тишиной, теплым вечерним солнцем. Глубина едва достигала полуметра и кристально чистая вода открывала множество гладко отшлифованных камней, среди которых сновали сотни мелких рыбешек.

Часам к десяти вечера достигли места, где несколько дней назад оставили лодку Саловара. Сделали привал, ужинали, пили чай у костра. Через час тронулись дальше. Стало заметно холодней, надели под куртки свитера. Опустились сумерки, но темноты не было. Тело уже устало находиться без движения в тесном пространстве лодки. Тихое течение, еще недавно раду-

ющее нас, стало вызывать раздражение, ждали малейшего переката, чтобы немного пройти на хорошей скорости.

Около двух часов ночи впереди по реке послышался шум мотора, было похоже, где-то недалеко работает тягач. Возникло предположение, что это Усть-Манья, но нас несло вперед, а шум не приближался. Затем он исчез совсем. Вскоре по правому берегу действительно показался тягач-лесовоз, который ввиду отсутствия дорог в летней болотистой тайге использовал край берега и дно мелкой реки в качестве шоссе. У кабины суетились два мужика, приветливо махнувшие таким же ночным скитальцам. Последний час мы практически шли вместе - впереди по берегу двигался тягач, сотрясая ревом сонную тайгу, затем мотор в очередной раз глох, и мы ненадолго уходили вперед. Тягач снова ревел сзади, и было полное ощущение, что он старается нас задавить, а мы пытаемся уйти от погони.

В 4.10 утра мы пристали к берегу Усть-Маньи. Несколько дней назад мы прибыли сюда из Няксимволя ровно в это же время.

5 июля, четверг

Поселок спал. В природе царили серые краски и тишина, даже река стремилась обогнуть поселок бесшумно. Дверь Саловар на ночь не запирали и мы без стука зашли в вагончик. Старик сидел на кровати и курил. В другой комнате спал Алексей: на пути в Усть-Манью они перевернули лодку и разбили мотор. Ремонт старого "Ветерка" продвигался с трудом, и пришлось временно задержаться у старика.

Бросилось в глаза подавленное состояние Саловара: против обычного, он не шутил и не проявлял интерес к разговору. Оказалось, вчера весь день болело сердце и сейчас немного мутило. Пить чай он не стал и, пока мы завтракали, продолжал молча курить. Сказал только, что, видимо, устал от похода на Турват.

После чая я ушел спать в дальнюю комнату. Измаил собирался устроиться на полу в комнате Саловара, но старик сказал, что ложиться уже не будет и пойдет на реку мыть мясо, таким образом, Измаилу досталась его кровать.

Спали недолго. В половине двенадцатого утра в дом вбежала женщина и крикнула, что старик умер. Мы выскочили за ней и бросились к реке. Саловар лежал в воде у самого берега, лицом вверх, руки были сложены на груди, словно он сам приготовился к смерти. Рядом на дне виднелось пустое ведро. Видимо, старик зачерпнул полное ведро воды, потянул на себя, и сердце остановилось. Тихо опустился и лег в воду, повернулся лицом к небу и умер.

Словарь употребляемых в тексте мансийских слов

- Аги* - дочь
Акань - кукла
Аки - дед, дядя
Ват - ветер
Вит - вода
Ворут - лесное существо, враждебное людям
Имда - чучело из специально сложенной шкуры медведя
Иттерма - изображение умершего
Йив - дерево
Йипых (йипыг) - филин
Йир - кровавое жертвоприношение
Кан - место
Ма - земля
Мандал - возвышение на болоте, поросшее сосняком
Мань - маленький
Махум - народ
Менкв – мифическое лесное существо
Мис – мифическое лесное существо
Мось - название одной из двух мансийских фратрий
Мул - стена дома, противоположная входу
Най - огонь
Нер - гора, Урал
Нехыс - соболь
Норма - навес, полка
Нуми-Торум - верховное божество
Нэ (не)- женщина
Нял - стрела
Нярас - лягушка
Ойка - мужчина, старик
Отыр - богатырь
Пайп - берестяной сосуд
Пал - половина, сторона, нары
Пауль, павыл - селение
Пор - название одной из мансийских фратрий
Пори - бескровное жертвоприношение
Порыхтан - лягушка
Пупыг - дух
Пурлахтын - угощение
Пыг - сын
Сали - олень
Санквылтап - музыкальный инструмент

Сумьях - амбарчик
Сыгва (Сакв) - местное название р. Ляпин
Тайт (Тахт, Тахыт) - местное название Северной Сосьвы
Товлынг - крылатый
Тор - платок
Торум - божество
Тур - озеро
Уй - зверь
Ура - культовый амбарчик
Халев - чайка
Хотал - солнце
Хум - мужчина
Хури - изображение, образ
Чувал - очаг в виде камина из жердей, обмазанных глиной
Щань - мать
Эква - женщина, жена, старуха
Эква-пыриш - имя *Мир-сусне-хума*, выступающего в роли трикстера
Этпос - месяц
Я - река
Ялтынг (Ялпын, Ялбынь, Елбынь, Елбын) - священный
Ялпын-улама - жертвенное покрывало
Яны-ялпын - большое жертвенное покрывало
Ярмак-сахи - ритуальный шелковый халат

Авдеев И.И. Песни народа манси. - Омск, 1936.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. - Иркутск, 1941.

Андреев А.И. "Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах" // СЭ. - 1947. - № 1.

Анучин Д.Н. Древний серебряный остяцкий идол, изображающий слона // Археологические известия и заметки. - 1893. - № 3, 4.

Баландин А.Н. Язык мансийской сказки. - Л., 1939.

Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь. - Л., 1958.

Бауло А.В. Жертвенные покрывала обских угров из Ханты-Мансийского музея // Народы Сибири: история и культура. - Новосибирск, 1997а.

Бауло А.В. Жертвенные покрывала с изображениями коней у обских угров // Гуманитарные науки в Сибири. - Новосибирск, 1997б.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI - XVII вв. - Л., 1935.

Белавин А.М., Носкова Е.Н. Серебряная бляха из могильника Телячий Брод // СА. - 1989. - № 2.

Восточный художественный металл из Среднего Приобья. - Л., 1991.

Гемуев И.Н. Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. - Новосибирск, 1988. - № 3, вып. 1.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. - Новосибирск, 1990а.

Гемуев И.Н. Святилище Халев-ойки // Мировоззрение финно-угорских народов. - Новосибирск, 1990б.

Гемуев И.Н. Вина демиурга // Обские угры (ханты и манси): Материалы к сер. "Народы и культуры". - М., 1991. - Вып. 7.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилище Товлынг-ойки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. - Новосибирск, 1997. - Т. 3.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культые места. XIX - начало XX в. - Новосибирск, 1986.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. - Спб., 1776. - Ч. 1.

Глушков И.Н. Чердынские вогулы // Этнографическое обозрение. - 1900. - Т.15, вып. 2.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. - Екатеринбург, 1995.

Головнев А.В., Перевалова Е.В. Небесный всадник // Северные просторы. - 1994. - № 4.

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. - М., 1888.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. - Тобольск, 1911. - Т. 3.

Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. - Новосибирск, 1997.

Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих остяков и самоедов // ТИЭ. Нов. сер. - 1947. - Т. 5.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. - Екатеринбург, 1994.

Иванов С.В. Мамонт в искусстве народов Сибири // Сб. МАЭ. - М.; Л., 1949. - Т. 11.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - нач. XX вв. // ТИЭ. Нов. сер. - М.; Л., 1954. - Т. 22.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX - первой половины XX в. - Л., 1970.

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. - Спб, 1910.

Источники по этнографии Западной Сибири. - Томск, 1987.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. - Томск, 1994. - Т. 1; 1995. - Т. 2; 1996. - Т. 3.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. - Томск, 1984.

Лещенко В.Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // СА. - 1970. - № 3.

Лещенко В.Ю. Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя (булгарский художественный металл в культе финно-угров) // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. - Л., 1981.

Луговский Л.Е. Легенда, связанная с двумя остяцкими идолами из коллекции "принадлежностей шаманского культа" в Тобольском губернском музее // ЕТГМ. - Тобольск, 1894. - Вып. 2.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. - Томск, 1985.

Луконин В.Г. Искусство сасанидского Ирана. - М., 1977.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. - М., 1971.

Мельников С.Е. Сведения о мансах, кочующих в Березовском уезде // Вестник РГО. - СПб, 1852. - Т. 6, кн. 3.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII - первой половине XIX в. - Новосибирск, 1975.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. - М., 1990.

Мошинская В.И. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. - Томск, 1979.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. - Ижевск, 1997.

Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. - Омск, 1986. - Прил.

Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. - М., 1996.

Новицкий В. К культу медведя у вогулов р. Сосьвы // Наш край. - 1925. - № 7 (11).

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком. - Новосибирск, 1941.

Носилов К.Д. У вогулов. - СПб., 1904.

Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. - Л., 1941.

Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на о. Фаддея // СА. - 1950. - № 13.

Описание Тобольского наместничества. - Новосибирск, 1982.

Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. - Л., 1935.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. - СПб., 1788. - Ч. 3, кн.1.

Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. - СПб., 1891.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Зап. РГО по отделению статистики. - СПб., 1911. - Т. 2, вып. 2.

Перевалова Е.В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII - начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. - Екатеринбург, 1997.

Пивнева Е.А. Некоторые этнодемографические характеристики семейной структуры верхнесосьвинских манси (1940 - 1980-е гг.) // Обские угры (ханты и манси): Материалы к сер. "Народы и культуры". - М., 1991. - Вып. 7.

Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV - XX вв. - М., 1983.

Прыткова Н.Ф. Металлическая культовая посуда у угров // Сб. МАЭ. - М.; Л., 1949. - Т. 10.

Прыткова Н.Ф. Жертвенное покрывало казымских хантов // Сб. МАЭ. - М.; Л., 1949. - Т. 11.

Ромбандеева Е.И. Мансийские орнаменты и их названия // Орнамент народов Западной Сибири. - Томск, 1992.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. - Сургут, 1993.

Руденко С.И. Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии России. - Л., 1929. - Т. 4, вып. 2.

Савельева Э.А. Медальоны с восточными мотивами на Европейском Северо-Востоке // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. - Сыктывкар, 1985.

Самигулов Г.Х. Святилище Ялпынг Аки // Второй Междунар. конгресс этнографов и антропологов: Резюме докл. и сообщ. - Уфа, 1997. - Ч. 2.

Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). - Щадринск, 1992.

Сенкевич-Гудкова В.В. Мамонт в фольклоре и изобразительном искусстве казымских хантов // Сб. МАЭ. - М.; Л., 1949. - Т. 11.

Сирелиус У.Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. - Тобольск, 1907. - Вып. 16.

Скалозубов Н.Л. От Тобольска до Обдорска // ЕТГМ. - Тобольск, 1907. - Вып. 16.

Смирнов А.П. К вопросу о месте производства шаманских подвесок // КСИА. - М.; Л., 1964. - Вып. 99.

Смирнов Я.И. Восточное серебро. - Спб., 1909.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Сб. МАЭ. - М.; Л., 1971. - Т. 27.

Соколова З.П. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ. - 1975. - N 6.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси. - М., 1983.

Соколова З.П. Проблемы изучения обско-угорского шаманства // Обские угры (ханты и манси): Материалы к сер. "Народы и культуры". - М., 1991. - Вып. 7.

Старцев Г. Остяки. - Л., 1928.

Сязи А.М. Современное декоративно-прикладное искусство хантов Ямало-Ненецкого автономного округа: Дис. ... канд. ист. наук. - Томск, 1995.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. - М., 1987.

Фёдорова Е.Г. Орнамент на одежде и утвари манси // Орнамент народов Западной Сибири. - Томск, 1992а.

Фёдорова Е.Г. Шаманы и хранители священных мест у манси // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиция. - Якутск, 1992б.

Фёдорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. - Спб., 1994.

Фёдорова Н.В. Иконография всадника в художественном металле Приобья // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. - Кемерово, 1989. - Ч. 2.

Фёдорова Н.Н. К вопросу о структуре традиционного орнамента обских угров // Орнамент народов Западной Сибири. - Томск, 1992.

Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. - М., 1882.

Хомич Л.В. Ненцы. - М.; Л., 1966.

Чернецов В.Н. Жертвоприношение у вогулов // Этнографический исследователь. - Л., 1927. - № 1.

Чернецов В.Н. Зоопарк вогула Алхати // Всемирный следопыт. - 1928. - № 2.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки. - Л., 1935.

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. - 1939. - № 2.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. - 1947а. - Т. 1.

Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. - 1947б. - Т. 6, 7.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. - М.; Л., 1959. - Т. 51.

Чернецов В.Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // CSIFU. - Helsinki, 1968. - P. II: Acta ethnologica.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки // Тр. Томского краевого музея. - Томск, 1931. - Т. 4.

Шешкин П.Е., Шабалина И.Д. Мансийские орнаменты. - Спб., 1993.

Яковлев Я.А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. - Томск, 1984.

Яковлев Я.А. Позднесредневековые бляхи с изображением всадника из Северо-Западной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. - Томск, 1992.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. - Helsinki, 1958. - Vol. 113.

Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. II (1). - Budapest, 1892.

Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. II (1). - Budapest, 1910 - 1921.

Vahter T. Ornamentic der Ob-ugrier. - Helsinki, 1953. - (Societe Finno-Ougrienne. Travaux Ethnographiques IX).

Vogul folklore (collected by B.Munkacsi). Istor books 4. - Budapest, 1995.

Список сокращений

ЕТГМ - Ежегодник Тобольского губернского музея

ИАЭТ СО РАН - Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук

ИИФФ СО АН СССР - Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР

КСИА - Краткие сообщения Института археологии

МАЭ - Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого

ПМА - Полевые материалы авторов

РГО - Русское географическое общество

РЭМ - Российский этнографический музей

СА - Советская археология

СЭ - Советская этнография

ТИЭ - Труды Института этнографии

MSFOu - Memoirs de Societe Fenno-Ougrienne

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I	
РЕАЛИИ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ	6
Святилище Нер-ойки и Чохрын-ойки на озере Турват	—
Турват-пауль	15
Яны-пауль	19
Святилище Лепла-тит-ойки (Леп-тит-ойки, Лепла-сунт-ойки)	20
Домашние святилища	25
ХАЛПАУЛЬ	36
Святилище Йипых-ойки	—
Домашние святилища	39
НЯКСИМВОЛЬ	44
Святилище Каль-нехос Най-эквы и Тулям-ур-ойки	—
Домашние фетиши А.В. Дунаева	50
Святилище Чохрын-ойки в Усть-Тапсуе	53
Святилища в бассейне реки Тапсуй	62
Тимка-пауль	—
Налум-пауль	64
Святилище Ялпынг-Аки	66
Тапсват-пауль	68
Домашние фетиши Т.И. Номина	—
Юрты Хангласам	75
Святилище Торм-ойки (Мир-сусне-хума)	76
Ялбынья "Святая река"	81
ХУЛИМСУНТ	84
Домашние фетиши Н.А. Пуксикова	85
"Святые" вещи В.А. Пуксикова	89
Менкв-я	92
Святилище Мис-хум-ойки	94
Домашние фетиши Алкадьевых	101
Мансийские святилища в бассейне реки Волья	103
Святилище Тахт-котиль-аки-пыга и Нярс-най-эквы	104
Святилище Волья-ялпын-щань (Мис-нэ-эквы)	106
Верхне-Нильдино	—
Культовое место Полум-Торум-пыга	107
Домашние святилища	120
Нижне-Нильдино	146
Кимкъясуи	147
Домашние фетиши Гындыбиных	148
Домашние фетиши А.Н. Вадичупова	153

ГЛАВА II

СВЯТИЛИЩА МАНСИ: ТИПОЛОГИЯ,

ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСОНАЖИ 161

Возникновение культовых мест и их типы —

Поселковые и региональные святилища 163

Расположение и планировка —

Жилище духа-покровителя 164

Элементы ритуальной площадки 166

Иконография пантеона 168

Обряды на святилищах 170

Домашние святилища 173

Расположение и атрибутика —

Духи-покровители 177

Жертвенные покрывала 180

Обряды в домашних святилищах 191

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 194

Приложение 1

Мансийские селения в верховьях Северной Сосьвы (XX в.) 197

Приложение 2

Карта расположения мансийских святилищ
в верховьях Северной Сосьвы 198

Приложение 3

Духи-покровители верхнесосьвинских манси (XX в.) 199

Приложение 4

Список жертвенных покрывал 202

Приложение 5

Предания, сказки, былички сосьвинских манси 205

Приложение 6

А.В. Бауло. Поездка на озеро Турват 213

Словарь употребляемых в тексте мансийских слов 230

Литература 232

Список сокращений 237

научное издание

Гемуев Измаил Нухович
Бауло Аркадий Викторович

Святылища манси верховьев Северной Сосьвы

Редактор **И.А. Лучинская**
Технический редактор **М.М. Игнатов**

Подписано в печать 03.10.1999. Бумага офсетная. Формат 60х90/16.
Гарнитура Petersburg. Офсетная печать. Усл. печ. л. 15.
Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 1000. Заказ № Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия ЛР № 040755 от 12.04.96.
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.

Типография РПО СО РАН
633128 Новосибирская обл., р.п. Краснообск

